

СТАЛИН: ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Артем Сергеев

Екатерина Глушик

**КАК ЖИЛ, РАБОТАЛ
И ВОСПИТЫВАЛ ДЕТЕЙ
И.В. СТАЛИН**

Свидетельства очевидца

Артём Сергеев
Екатерина Глушик

КАК ЖИЛ, РАБОТАЛ И ВОСПИТЫВАЛ ДЕТЕЙ И.В. СТАЛИН

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА

КРЫМСКИЙ МОСТ-9Д
ФОРУМ
Москва 2011

Второе дополненное издание

(Первое изд.: А. Сергеев, Е. Глушик «Беседы о Сталине». М. 2006)

Артём Фёдорович Сергеев (05.03.1921 - 15.01.2008) - генерал-майор артиллерии в отставке, родился в семье Сергеева Фёдора Андреевича (подпольное имя «Артём») и Сергеевой Елизаветы Львовны. После трагической гибели отца Артёма воспитывал в своей семье его друг и соратник Иосиф Виссарионович Сталин.

Воспоминания А.Ф. Сергеева поистине бесценны: он обладал уникальной памятью и мог восстановить практически с документальной точностью события любой давности, свидетелем которых был. В этой книге идёт разговор о Сталине в кругу семьи: как воспитывали детей, как трудились, как принимали гостей.

Для широкого круга читателей.

На фотографии на 1-й стороне переплета слева направо: Светлана Сталина, И.В. Сталин, Ольга Климович — племянница жены С.М. Буденного, С.М. Буденный, Василий Сталин, Артём Сергеев. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

Как появилась эта книга Предисловие

В настоящее время популярными стали мемуарные материалы: все вспоминают обо всех. Однако зачастую мемуаристы вспоминают и свидетельствуют о тех, кого никогда не видели, но... Но слышали от знакомой бабушки, которой рассказывала соседка поминаемого. Из этих мемуаров выясняется, что все не те, родились не там, не от тех родителей, как считалось ранее. А нынешние мемуаристы восстанавливают поруганную истину по истечении полувека со дня события или ухода в мир иной памятуемого. На основе таких «воспоминаний» пересматривается история.

И тем более ценны и важны свидетельства людей — очевидцев событий, повлиявших на ход истории. Интересны воспоминания родных, близких, друзей выдающихся личностей.

Артёму Фёдоровичу Сергееву, генерал-майору артиллерии, кавалеру ордена Жукова, ответственному секретарю Клуба Кавалеров ордена Жукова (за все время после учреждения ордена им был награжден 101 человек) и десяти боевых орденов, есть что вспомнить. И не только о войне, которая началась для него, 20-летнего лейтенанта, на четвертый день после нападения Германии на СССР и завершилась на третий день по окончании — 12 мая 1945 года. Но и о детстве, проходившем наряду с собственной и в семье Иосифа Виссарионовича Сталина, взявшего его опекать маленького Артёма после ранней гибели его отца — легендарного революционера товарища Артёма (Фёдора Андреевича

Сергеева), соратника Ленина и Сталина. Именем «товарища Артёма» в СССР были названы десятки населенных пунктов, улиц, предприятий. Иосиф Виссарионович стал после гибели своего друга, товарища Артёма, приемным отцом его сыну. Артём дружил с Василием Сталиным до самой его ссылки в Казань, называет жизнь друга трагедией и считает несчастливой безвременную смерть Василия в казанском изгнании.

По роду своей деятельности военачальника, по дружеским связям семьи (мама Артёма Фёдоровича, Елизавета Львовна, была крупным руководителем — заместителем директора завода, директором текстильного комбината), Артём Фёдорович общался с виднейшими деятелями нашей страны: политическими, военными, культурными, медицинскими светилами. Его рассказы, устные и письменные (Артём Фёдорович — автор интереснейших рассказов), чрезвычайно познавательны. Слушать его можно часами. Он сохранил отличную память, аналитичность, живость ума, исключительную человеческую порядочность. Как ни пытались многочисленные нынешние гробокопатели склонить его к критике и самого Сталина, и незабвенного друга детства и всей жизни Василия Сталина, Артём Фёдорович не поддавался на провокации, никогда не колебался, ни разу не дал сбить себя с толку и везде и всюду свидетельствует: они были честными, прекрасными людьми, большими патриотами своей Родины. Василий был преданным другом и верным товарищем. Конечно, всякий не без греха. Но то, что

нынешние перекройщики истории по лекалам соросов приписывают им, далеко от действительности.

А познакомилась я с Артёмом Фёдоровичем, откликнувшись на просьбу журналиста Андрея Фёфелова сделать интервью для радио. Я позвонила Сергееву, и когда он узнал, кто меня к нему направил, с готовностью согласился. Мы встретились и долго беседовали. Материал получился интересный, он вышел в эфир. Было решено опубликовать его в газете «Завтра». Публикация понравилась Артёму Фёдоровичу, поскольку газета подала материал по возможности дословно, не купировала текст, не домысливала за собеседника.

Артём Фёдорович, у которого накоплена масса материалов, сохранились бесценные воспоминания, выразил желание сотрудничать и впредь. Нужно было решить, в какой форме сотрудничество продолжится. Выходила масса книг и статей о Сталине: и воспоминания, в том числе никогда не знавших его людей, и архивные материалы, и объективные исследования о деятельности Иосифа Виссарионовича, о той эпохе.

Главный редактор газеты «Завтра» Александр Андреевич Проханов предложил уйти от привычных воспоминаний, от каких-то повсюду освещаемых фундаментальных тем, а готовить материалы под условным названием «Сталин в кругу семьи», делая акцент на детали, не берущиеся во внимание историками. Впрочем, они и знать не могут этих деталей. А может знать человек, живший в семье и видевший ситуацию изнутри. «Пусть эти материалы будут наполнены запахами дома, звуками, ощущением присутствия людей, о которых

идет речь», — говорил Проханов и предупреждал, что это будет нелегкая работа. Ведь необходимо и разговорить человека, и давать материалы столь деликатно, чтобы не было обнажения интимных, скрытых сторон человеческой жизни. При всем этом интервьюеру нужно совершенно уходить от субъективности, сводить свое присутствие к минимуму.

«Поговори с ним, например, о дачах Сталина, о царившей на них атмосфере: как он там работал, как собирались за столом, может, звуки какие-то доносились, ароматы из сада, с кухни. Начни беседы с описания дач», — вновь подает идею Проханов.

Артём Фёдорович соглашается побеседовать об этом, оговариваясь, что ничего особенного там не происходило, рассказать как будто нечего. «А нам ничего особенного не нужно. Будем говорить об обыденных вещах».

Следует приглашение приехать к нему на дачу в подмосковную Жуковку. Добираюсь на электричке. На платформе меня встречает жена Сергеева, Елена Юрьевна. Помимо того, что это настоящий ангел-хранитель Артёма Фёдоровича, она ещё и удивительно красивая интеллигентная женщина, гостеприимнейшая хозяйка. Она ведет меня по элитному дачному поселку — Барвихе — Жуковке — и комментирует: «Вот эту аллею лип, ведущую к обелиску жителей деревни Жуковка, погибших во время Великой Отечественной войны, посадил Артём Фёдорович вместе с солдатами подмосковной воинской части, которой командовал». Идем по березовой аллее. Тоже все деревья посадил Артём Фёдорович собственноручно. Противоположная

вереница березок выглядывает из-за огромного каменного забора: деревья оказались на территории, скупленной новыми поселенцами. «Здесь у нас уже не дача, а каменные джунгли», — вздыхает Елена Юрьевна, которая помнит поселок как деревеньку с сельскими жителями, лесами вокруг, ныне большей частью вырубленными ради замков за 5-метровыми заборами, лужаек, бассейнов, площадок для гольфа. По поселку практически не пройдешь — все перегорожено, к речке ближние доступы перекрыты, надо идти в обход. Показывает на скромненький деревянный домик, обитый вагонкой, покрашенный в голубой цвет. «Это была самая шикарная госдача советского периода. Одно время здесь жила Светлана Аллилуева, ещё до отъезда из страны, но затем отказалась от нее. Поскольку дача большая, места много, сюда постоянно приезжали гости и родственники. Надо было всех кормить, и эти траты были ей не под силу».

Самая шикарная дача в сравнении с нынешними новостроями выглядит собачьей будкой. Даже домики для охраны у нынешних нуворишей солиднее, чем дача первых лиц государства, выигравшего войну, первым вышедшего в космос, строившего Днепрогэс, Магнитку, «Уралмаш», «Ростсельмаш». Именно потому и возводились эти объекты, что советские руководители отдавали им предпочтение. А нынешние правители все силы и средства страны направляют не на строительство заводов для всего народа, а вилл для себя.

Что ж, привилегии были ещё те! Правильно с ними нещадно боролись нынешние владельцы дворцов. Уверена: скоро снесут эти дачи не только для того, чтобы освободить

место для хозяев нынешней России и их замков, но и чтобы уничтожить яркие свидетельства образа жизни той, советской «элиты». А потом, уничтожив свидетельства, будут «вспоминать», что дачи советских привилегированных были из чистого золота с сорока бассейнами и пятьюдесятью площадками для гольфа каждая.

Идем вдоль скромного потемневшего дощатого забора, открываем калитку. По дорожке вдоль кустов благоухающих роз спешит Артём Фёдорович. Радужно приветствует. К домику дорожка пролегает по райскому саду: липы, яблони, пихта, сосна, жасмин, цветы и кустарники, — все посадил он сам. Прежде чем поведи в дом, он, поднимаясь по деревянному крыльцу, предупреждает кого-то: «Миша, люди. Люди, Миша». Ожидая увидеть пока не известного мне Мишу. Никто не выходит навстречу. Артём Фёдорович поясняет: «Это наша собака. Когда говоришь: "Миша, люди, у нас люди", — он уходит в другую половину дома и сидит там, пока не скажешь: "Миша, люди ушли". Тогда выходит». Располагаемся на деревянной террасе, поначалу просто разговариваем: как дела в газете, как Александр Андреевич? Артём Фёдорович предлагает посмотреть фотографии. Поднимаемся на второй этаж, он раскладывает уникальные фото из семейного архива. Вот две фотографии, на которых Сталин с четой Ворошиловых, ещё какими-то людьми. Артём Фёдорович вслух рассуждает, к какому году относятся фотографии. Я высказываю предположение, что они сделаны в один день, поскольку Сталин одет одинаково. «Да он всегда в одном и том же ходил», — сообщает Сергеев. Вот

портативный патефон — подарок Сталина маленькому Артёму. Есть и пластинки — тоже подарок Иосифа Виссарионовича. По ходу Артём Фёдорович рассказывает много интересного, останавливается на каких-то деталях, и рассказ хотелось бы записать. Диктофон у меня в сумке. Прошу разрешения пойти, взять диктофон, включить и начать работать. «Да это же я так, к слову», — пожимает плечами Сергеев, даже не понимая, что каждое такое слово представляет интерес. Спускаемся вниз, где нас ждет накрытый стол. Удивительное, ненавязчивое гостеприимство и радушие за столом. И тоже между репликами застольной беседы звучат какие-то темы, что было бы нужно записать. Спрашиваю разрешения включить диктофон. Получаю добро. Надо отметить, что незначительные на первый взгляд детали, какие-то интересные эпизоды были записаны не по ходу интервью, а вот так, за столом, на прогулке по саду. Потом, предварительно знакомясь с материалом, Артём Фёдорович удивлялся: «Не помню, когда мы об этом говорили». — «За обедом». — «Видите, как полезно обедать! Какие в итоге получаются материалы».

Артём Фёдорович — прекрасный собеседник, попросту находка для историка. И не только потому, что обладает уникальной памятью, не только потому, что с детства по совету своей матери, Елизаветы Львовны, вел дневники и фиксировал события, свидетелем которых был. Но и потому, что на все вопросы отвечает очень конкретно, предметно, не допускает домыслов. Например, спрашиваешь: «Как Вы думаете, Сталин...?» Он отвечает: «Я могу думать и

предполагать всё, что угодно. Но сам не был свидетелем тому, Сталин мне этого не говорил и при мне этого не говорил». Если Артём Фёдорович запомнил детали, оговаривается: «Я не точно помню, мне надо посмотреть свои записи».

Разговаривали, можно сказать, бессистемно. Всплывала та или иная тема, и мы вели беседу. Все они опубликованы в газете «Завтра». Некоторые темы пересекались, поэтому встречаются повторы, они оставлены, поскольку беседы автономны, они все — сами по себе, а не главы из книги.

PS. Это — второе издание книги. Первое под названием «Беседы о Сталине» вышло после смерти жены Артема Федоровича Елены Юрьевны Сергеевой: очень уж она хотела, чтобы такая книга была написана. Елена Юрьевна была нашим бесценным, незаменимым помощником в подготовке публикаций.

На её похоронах Артем Федорович мне сказал: «Катюша, мы должны с вами взяться за книгу и посвятить её Леночке». «Я Вам обещаю, Артем Федорович», — ответила я. В тот же день, вернувшись с похорон, села за книгу. Она вышла в 2006 году. Но беседовать с Артемом Федоровичем мы продолжали, договорившись, что выпустим второе, дополненное издание.

А в 2008 году, когда второе издание было подготовлено и согласовано с Сергеевым, не стало и Артема Федоровича.

Дети: Василий, Светлана, Яков, Артём

Е.Г. Глушик: *Каковы Ваши первые воспоминания, связанные с Иосифом Виссарионовичем Сталиным? Помните ли первую встречу с ним? Вы понимали, что это руководитель огромной страны? Ощущался масштаб личности?*

А.Ф. Сергеев: Говорить ни о первой, ни о второй встрече со Сталиным невозможно. С самого начала, как я себя осознанно помню, я помню и его, и всегда испытывал к нему самое высокое уважение. Казалось, что это — самый лучший человек: самый умный, самый справедливый, самый интересный и даже самый добрый (хотя в каких-то вопросах строгий, но добрый и ласковый человек). Мы в нем чувствовали все это, хотя нас в этом не убеждал никто, не внушал этого. Но мы не видели вокруг никого, кто был бы во всех вопросах более знающ, осведомлен, кто трудился бы больше его. Он всегда за работой. Ему подносят одни бумаги, уносят, он пишет. В нем чувствовался даже нами, детьми, большой, значительный, умный человек.

Мы не видели больше ни у кого такого вдохновения. Мы не видели другого человека, который мог о каких-то вещах так просто и интересно рассказать, что-то посоветовать. Он не ругался никогда, не выговаривал ребенку, не читал нотации. Если ты что-то сделал, то он спрашивал, хорошо это или плохо. И если ты поступил плохо, то пойд и другим скажи, что так делать плохо: ты уже делал и знаешь.

Когда у него было время, он занимался с детьми: если он приходил с работы и дети ещё не спали, или он приходил среди дня, то обязательно хотя бы несколько минут занимался с нами. И каждая встреча с ним чему-то учила, давала что-то новое, что-то разъясняла. Было это все неназойливо. Не так, что ты обязан это знать, нет. Он умел вовлечь в разговор и в этом разговоре не допускал, чтобы ребенок чувствовал себя несмышленьким. Он задавал взрослые вопросы и спрашивал: «Что ты думаешь по этому поводу?» На какие-то вопросы можно было ответить, а на какие-то — нет. И тогда он очень просто, доступно, ненавязчиво, не по-менторски вел разговор и давал понять суть.

Один разговор, относящийся к 1929 году, я помню. Сталин меня спросил: «Что ты думаешь о кризисе в Америке?» Что-то мы слышали: буржуи, мол, выбрасывают кофе с пароходов в море. «А почему так делается?» — спрашивает Сталин. Ну, а я в том смысле говорю, что они такие нехорошие, лучше бы нам, нашим рабочим и крестьянам, отдали, если им не нужно, если у них так много.

«Нет, — говорит он, — на то и буржуи, что они нам не дадут. Почему они выбрасывают? Потому что заботятся о себе, как бы больше заработать. Они выбрасывают, потому что остаются излишки, их люди не могут купить. Если же снизить цену, у буржуа будет убыток, а ему не хочется, чтобы у него был убыток. Чтобы держать высокую цену, он выбрасывает. Капиталист всегда будет так делать, потому что его главная забота — чтобы было больше денег. Наша главная забота — чтобы людям было хорошо, чтобы им лучше жилось, потому

ты и говоришь: лучше бы нам дали, потому что ты думаешь, что у них забота, как и у нас — как сделать лучше людям».

Или ещё. После того как мы посмотрели с Василием¹ пьесу «Дни Турбиных», Сталин нас спрашивает: «Что вы там видели?». (Это было в 1935 году, во МХАТе. Кстати, Сталин частенько посылал нас с Василием в театр.) Я сказал, что не понял: там война, но красных нет, одни белые, но почему-то они воюют, а с кем — не знаю.

Сталин говорит: «А знаешь почему? Ведь красные и белые — это только самые крайности. А между красными и белыми большая полоса от почти красного до почти белого. Так вот, люди, которые там воюют, одни очень белые, другие чуть-чуть розоватые, но не красные. А сойтись друг с другом они не могут, потому и воюют. Никогда не думай, что можно разделить людей на чисто красных и чисто белых. Это только руководители, наиболее грамотные, сознательные люди. А масса идет за теми или другими, часто путается и идет не туда, куда нужно идти». Вот так Сталин объяснял нам с Василием некоторые вещи. Он вообще старался растолковать, что и как. Помочь, особенно ребенку, разобраться в причинах случившегося.

Однажды в Потешном², во второй кремлевской квартире, в комнате на втором этаже я открывал-закрывал балконную дверь и разбил стекло. Сталин вошел — дует.

Он:

¹ Василий Иосифович Сталин (1921-1962) — сын И.В. Сталина от второго брака (здесь и далее прим. ред.).

² Потешный дворец в Кремле, где была квартира Сталина.

— Кто открывал?

— Я открывал, — говорю.

— Ага. Ты посмотри, почему она разбилась. В чем дело? Ты неловко открывал или дверь неисправна.

Я посмотрел. Оказывается, там ограничительный штыр был не в порядке. И когда я закрывал, он ударил в стекло.

Сталин:

— Поди, скажи, как нужно починить.

Е.Г.: *И никакого крика?*

А.С.: Нет, крика никогда не было. Он умел четко формулировать, в том числе требования и задачи воспитания.

Приведу еще пример. После просмотра фильма «Чапаев» Сталин нам с Василием говорил: «У нас было много хороших командиров. Чапаев — хороший командир. И ему повезло, и нам, что рядом с ним, пусть ненадолго, это неважно, оказался Фурманов, который о нем написал хорошую повесть. Но повести и другие люди писали. А затем режиссеры братья Васильевы сделали хороший фильм, а они — хорошие режиссеры. И нашли хорошего артиста — Бориса Бабочкина. И когда это все вместе совместилось — получился замечательный фильм. Один описал, один поставил, один сыграл».

Насколько хорошо сыграл Бабочкин, говорил так: «Какой для вас Чапаев?» Мы говорим: «Такой, каким видим Бабочкина». «Значит, это настоящий артист, который сделал то, что нужно».

Потом говорил насчет кинофильма «Щорс»: «Хороший был командир. Но фильм такой раз посмотрели, что ж, хорошо, что посмотрели. Там Боженко — хороший командир. Пару раз посмеялись, как Боженко действовал. А Чапаева будут еще долго смотреть, потому что это удача во всем».

Кстати говоря, 17 февраля 1942 года мне пришлось видеть психическую атаку. Я был тогда командир батареи 122-мм гаубиц М-30. В училище мне случилось подружиться с капитаном 9 батареи Борисом Павловичем Чернобаевым, чемпионом Красной Армии по шрапнельной стрельбе. Он мне понравился, действительно, стрелок от Бога. Во время войны шрапнельной стрельбы уже практически не было, шрапнель сняли с производства, потому что пошли дистанционные механические взрыватели. Я же любил и просил дать мне шрапнель, а поскольку шрапнель обычно не заказывали, то я брал побольше. Когда немцы пошли в психическую атаку, мне удалось её отразить, уложив немцев двумя батареями на удар: одна — осколочно-фугасными, и другая — шрапнелью. Так солдаты, когда увидели атаку, говорят: «Смотри, психическая, как в «Чапаеве», как у Капеля».

Сталин подарил мне книгу Даниеля Дефо «Робинзон Крузо» с надписью «Дружку моему Томику с пожеланием ему вырасти сознательным, стойким и бесстрашным большевиком». И добавил: «Каким был твой отец». Для меня это — закон жизни. От него я не отступил. Сознательным — значит знать, почему. Стойким — не гнуться по ветру и обстоятельствам. И бесстрашным. То есть не бояться.

Е.Г.: *Как Вы думаете, чувствовали ли Светлана³ и Василий свою избранность или значимость?*

А.С.: Светлана была очень скромной девочкой и не любила, когда говорили о какой-то её элитарности. Как-то няня, когда Светлане было лет девять, сказала: «У нас Светланочка будет совнаркомша». А Света сразу: «Никогда! Не хочу! Не буду!»

Она имела свою компанию: очень дружила с Марфой Максимовной Пешковой, потом у нее была подруга Левина, школьные подруги были.

Василий был властолюбивым мальчиком, а материально абсолютно бескорыстным. Он мог все отдать, что у него было, даже если за это ему могло попасть. Всегда старался товарищам что-то подарить, если даже ему и самому эта вещь была нужна. «За други своя» он готов был «живот положить». Василий, будучи школьником, много дрался, но никогда не дрался с теми, кто был слабее его или моложе. Дрался со старшими после какого-нибудь спора или обиды, нанесенной слабому. Он был «слабозащитником». Ему часто доставалось, его колотили крепко. Он никогда не жаловался и, уверен, считал позором пожаловаться, что ему крепко досталось. Он был добрым мальчиком, в отношении товарищей у него была ласковость, с возрастом она прошла.

Е.Г.: *Как Василий и Светлана обращались к Сталину?*

А.С.: «Папа». А уже взрослым Василий, если говорил об отце с кем-то, то называл его «хозяин», а сам продолжал,

³ Светлана Иосифовна Аллилуева (1926) — дочь И.В. Сталина от второго брака.

конечно, говорить ему «папа», если это не были официальные встречи при людях.

Вообще так повелось. И не только в данном случае. Вот взять командира полка на войне или в мирное время. Его тоже иногда называли «хозяин».

Е.Г.: Вы были приемным сыном Сталина. Было ли это как-то оформлено?

А.С.: Юридически это не оформлялось. Так сложилось. Мой отец и Сталин были большими друзьями и единомышленниками. Встретились они впервые в 1906 году на IV съезде партии. Отцу было тогда 23 года, он выступал на том съезде 19 раз. Сталин был на 4 года старше. Не виделись они до 1917 года. Отца в 1907 году арестовали, Сталина тоже арестовывали. Второй раз они встретились на VI съезде в июле 1917 года и с тех пор постоянно общались: на пленумах, потом они вместе были в Царицыне, жили там в одном вагоне. Надежда Сергеевна⁴ поехала в Царицын уже женой Сталина.

Они были людьми разными, но это не мешало им ни в дружбе, ни в работе. Наоборот, они дополняли друг друга.

После гибели моего отца (24 июля 1921 года) было заседание Политбюро, где присутствовали все 5 его членов, в том числе Владимир Ильич Ленин. И 18 пункт повестки дня звучал так: «Об обеспечении семьи т. Артёма». Сам документ я не видел, что там было, не знаю. Видел лишь документ от 27 июля 1921 года, где пунктом 18 было: «Слушали: «Об

⁴ Надежда Сергеевна Аллилуева (1901 —1932) — вторая жена И.В. Сталина.

обеспечении семьи т. Артёма. Исполнитель: Сталин». Далее был документ, датированный декабрём 1921 года, где стояло «Слушали об исполнении пункта 18 решения от 27 июля. Докладывал И. Сталин».

Однако дело было не только в поручении, но и в дружбе. Мать моя дружила с Надеждой Сергеевной. И мы даже родились с Василием в одном роддоме с разницей в 19 дней: я — 5 марта 1921 года, он — 24 марта. Когда отец уехал на подавление Кронштадского мятежа, моя мать ждала моего появления на свет, как и Надежда Сергеевна — появления Василия. Всякое могло с отцом случиться, вернее даже — вероятность того, что что-то случится, была велика; отец это прекрасно понимал и попросил Сталина именно как друга: «Если что, присмотри за моими».

Ну, а дальше я себя помню у матери или в квартире Сталина в Кремле. Их у него было в разное время три: переезжал с одной на другую. Я хорошо помню кремлевскую квартиру Сталина. Мальчишкой я запросто ходил в Кремль, а потом уже у меня был пропуск. Моя мать часто болела, и тогда я жил в доме у Сталиных. А когда Сталин и Надежда Сергеевна куда-то уезжали, то Василий жил у нас в гостинице «Националь», где после переезда правительства из Петрограда в Москву временно поселилось руководство страны. У меня было духовое ружье, которое мне подарил Сталин за меткость: я попал как-то несколько раз в папиросную коробку. Так мы с Василием, когда он жил у нас, стреляли из этого ружья, и у меня сохранился стул, который Василий, промахнувшись, прострелил в одну из наших стрельб.

Стрелять мы научились довольно рано. Сталин считал, что мужчина должен знать оружие и уметь обращаться с ним.

Случилась, например, такая вещь в Зубалово⁵. У Сталина над кроватью висело ружье 12-го калибра — двустволка, — которое ему на пятидесятилетие подарили английские рабочие. Патроны в коробках в шкафу лежали, особенно никем все это не запиралось. Мы с Василием ружье брали, открывали, щелкали без конца, патроны пробовали... Было нам тогда по десять лет. Ну, один раз возимся с оружием, в конце концов услышали — машина подходит. Приехал Сталин. Мы — ружье на место, сами вниз — встретить. Он вошел и пошел на второй этаж к себе. Немного времени прошло, слышим: бух! бух! — двойной выстрел.

Мы сразу наверх. Сталин стоит. Ружье лежит на полу, в стене — следы от двух дробовых зарядов. У Сталина порван китель и капает кровь с руки. Спрашивает:

— Ребята, вы ружье брали?

— Брали.

Обмануть, наврать — исключено было. Можно было что-то не сделать, не выполнить, но сказать об этом. Сказать правду.

— Брали... А вы знаете, мы революцию делали с помощью оружия? Оружие — наш друг. А друга знать нужно. А вы оружие не знаете, потому видите, что получилось. Сейчас его надо ремонтировать, тужурку надо зашивать. (То, что рука процарапана — не сказал.) А все потому, что вы не знаете оружия. Пойдите к Ефимову (Сергею Александровичу,

⁵ На даче Сталина.

коменданту дачи. — А.С.), скажите, чтобы он вас научил обращаться со всем оружием, которое здесь есть.

Оружие там было разнообразное и в нужном количестве. По этому поводу мы неделю в школу не ездили. Стреляли, разбирали, собирали. А карабин бьет очень сильно, так мы ссадили себе плечи карабином. Через неделю Сталин приехал. Мы сказали, что знаем, как пользоваться всем оружием. Мы умеем разбирать, собирать и стрелять. Он говорит: «Вот теперь оружие — и ваш друг. А друзья друзей между собой — тоже друзья. Значит, все мы теперь друзья».

Е.Г.: А что произошло-то?

А.С.: Мы вставляли патроны, а когда подъехал Сталин, побежали его встретить. А он ружье взял, не зная, что мы патроны вставили, а вынуть не успели. Когда он снимал со стены ружье, задел курки, вот и получилось — в руку.

У меня было фактически два дома. Как и у Василия. Он иногда после школы шел не к себе домой, а к нам на Серафимовича ⁶. Как и я. И шел я не в гости, не по приглашению, нет, а домой шёл. Так и Василий себя у нас чувствовал — дома. Мы с ним были неразлучны, и все считали, что мы друг без друга жить не можем.

Последний раз я лично общался со Сталиным перед войной. А так только на общих приемах. Понимаю, почему он не устраивал личных встреч со мной: почти никто, кто бывал в семье, хорошо не кончил. Кстати, мою маму тоже не тронули.

⁶ Квартира Сергеевых по улице Серафимовича, 2.

Прошло время. В 1950 году передаю привет от моей матери Николаю Сергеевичу Власику⁷ (это сейчас его называют Сидорович, а тогда звали все его Сергеевич). Он спрашивает:

— Она еще жива?

Говорю, мол, жива. Он с удивлением:

— А ведь она у меня никогда ничего не просила.

Все, кто встречался с ним, что-то просили.

После войны я видел Сталина только на праздниках, в компании других людей, например, на его 70-летнем юбилее. Но обо мне он справлялся у Василия, Светланы, других людей. По этому поводу даже случались у меня неприятности.

Приехал я в конце 1945 года учиться в артиллерийскую академию, которую закончил в 1951 году. Первый семестр сдаю на «отлично» несмотря на то, что на восемь лет был оторван от школы: служба красноармейцем, военное училище, война. Проходит какое-то время — не могу сдать зачёт по математическому анализу. А без зачёта не сдать экзамена. Никак не могу сдать! Обращаюсь к другим преподавателям, чтобы они проверили мои знания. Они говорят, что предмет я знаю. Два раза прорешал весь задачник по дифференциальным уравнениям, что само по себе всех удивляло. А зачёт, тем не менее, сдать не могу. Пошли к академику Понтрягину, крупному математику. Тот задал мне несколько вопросов, дал порешать задачки, говорит: «Я Вам ставлю 5 с плюсом. 5 за то,

⁷ Николай Сидорович Власик (1896— 1967) — многие годы возглавлял охрану И.В. Сталина.

как Вы решаете, а плюс за то, что задачник перерешали два раза».

Закончил я академию. Нелегко мне приходилось учиться, жали на меня, особенно на математической кафедре. Встретились мы много позже с моим товарищем, который часто встречался с профессором Тумариным, начальником кафедры математики у нас в академии. Так Тумарин сказал, что в свое время, году в 1946-м, начальнику академии генералу Хохлову позвонил Сталин: «У вас учится Сергеев? Будьте с ним поостроже». И преподаватели восприняли это буквально.

Е.Г.: Не ревновали Вас дети Сталина?

А.С.: Нет, даже мысли не было. Василий, если и ревновал кого-то, то к власти. Он был человеком властолюбивым. Но и эта ревность была сиюминутной, до определенного момента. Отношения его со Светланой были нормальными. Но любви особой не было. Он переживал, что отец Светлану очень любил, ставил в пример. Любовь эта выражалась не словами, а отношением: жестами, интонацией. Сталин с дочкой был более ласков.

Е.Г.: Помните, как появилась Светлана?

А.С.: Помню, как её принесли из роддома. Она родилась 28 февраля 1926 года. Сталин сам встречал жену с дочерью. Все начали рассматривать новорожденную. Сталин стал Светлану на руках поднимать, и она струю пустила.

Е.Г.: Брал Сталин Светлану на руки, играл, как обычно отец играет с маленьким ребенком? Спать её укладывал?

А.С.: Да, постоянно — брал на руки, подбрасывал, сажал на колени, гладил по голове, целовал. Называл он её «хозяйюшка» или «хозяйка». Спать не укладывал — это делала няня.

Когда дочь подросла, лет восемь-девять ей исполнилось, он говорил, чтобы она была возле стола во время застолий, вела себя как маленькая хозяйка: ему хотелось, чтобы в доме чувствовалось женское присутствие, чтобы там не было холостяцкого духа. Очень нежно себя вел с дочерью. Разговаривал с юмором, много ей рассказывал каких-то историй.

Сталин очень любил Светлану. Но их взаимоотношения изменились, когда у нее начались романы. Он этого не терпел. Пожалуйста, замуж выходи, но романы... А когда Каплер появился, его это возмутило. Но мне кажется, что Каплером кто-то руководил. Потому что когда НКВД ему запретило в Москву приезжать, он продолжал это делать. Понимал, чем чревато, но значит, не исполнить чьё-то задание было страшнее, чем нарушить запрет НКВД.

Светлана влюблялась, выходила замуж, думала, что это — на всю жизнь. И разочаровывалась.

Е.Г.: Как складывались отношения детей с Яковом?⁸ Каким он вам запомнился?

⁸ Яков Иосифович Джугашвили (1907 —1943) — сын И.В. Сталина от первого брака.

А.С.: Яша был очень мягкий, добрый, хороший. Мы его любили очень.

Он приехал в Москву к отцу из грузинской глубинки в 1921 году в возрасте 14 лет (он 1907 года рождения). Русский знал плохо, образование было слабенькое. Ему пришлось пойти в школу и учиться с детьми младше его. Да они и еще усваивали лучше. Он стеснялся этого, чувствовал свою некоторую ущербность, что ли, в этом плане. И отец его жалел. Поначалу Яша жил в доме у Сталина. Комнаты отдельной там у него не было, поскольку квартира была небольшой. Шел коридор зигзагом: здесь окно, здесь окно, здесь дверь, здесь стоял диван черный с высокой спинкой, он был отгорожен простыней в качестве занавески. Это был Яшин диван — его место. Здесь стоял стол, за которым он занимался. Эта же комната в какой-то мере служила столовой. Но обычно ели по комнатам. Общего обеда, как правило, не было, если не специальное застолье. Обычно разносили тарелки, ставили, когда ты все съедал, уносили.

Василий любил Якова. Тот был обаятельный человек. Но Яков больше любил Васю, чем тот его. Яша, может, как старший, очень любил Васю и Светлану. Светлана тоже очень любила Яшу.

Яша, пришло время, влюбился, дело там что-то не пошло, влюбленные решили стреляться. Яша стрельнул, а она не стреляла. У Яши было ранение. Болтают, что Сталин смеялся, мол, даже застрелиться не мог. Но кому он это сказал? Кому? Где это зафиксировано? Или, как и многое другое, придумано

трепачами нынешними? Сталин очень любил Яшу. Это было видно, чувствовалось. Вася даже ревновал.

После случившегося Яша перешел жить в общежитие. Потом поехал в Ленинград, где тогда жил Сергей Яковлевич Аллилуев⁹, там сколько-то пробыл. Затем вернулся, поступил в Институт инженеров путей сообщения на электротехнический факультет, жил в общежитии. Помню, снабдили его кое-каким приданным, дали одеяло, а он это одеяло отдал товарищу. Надежда Сергеевна была недовольна, ворчала. А Сталин сказал: «Значит, тому товарищу оно нужнее. Наверное, мы Яше сможем дать другое одеяло».

Очень часто к отцу домой приходил. У Василия комнатка была, Яша обычно приходил и сидел на стуле в комнатке Василия, дожидался отца, если мог дождаться.

Закончив институт, он работал инженером-электриком на заводе, (насколько помню, на ЗИСе), был хорошим специалистом. А в 1938 году он поступил в артиллерийскую академию сразу то ли на 3-й, то ли на 4-й курс, поскольку у него уже было инженерное образование.

Е.Г.: Как Надежда Сергеевна относилась к Яше?

А.С.: Сталин относился лучше. Когда Яша женился на Юле, то отец позаботился, создал условия: дали молодым квартиру на Большой Никитской, затем, после рождения в 1938 году дочери Галины, им дали квартиру на улице

⁹ Сергей Яковлевич Аллилуев (1866 — 1945), отец Н. С. Аллилуевой, второй жены И.В. Сталина.

Грановского (ныне Романов переулок). Когда они жили на Большой Никитской, мы с Васей из школы на большой перемене бегали к ним домой. Яши, как правило, в это время не было, а Юля кормила нас яичницей-глазуньей. Юля была очень хорошей женой для Яши. Что бы о ней ни говорили сейчас. И Яша очень любил свою семью: жену, дочку.

Когда они только еще только встречались, сидели раз на даче какие-то тетушки-родственницы и говорили, что вот Яша собирается жениться. Она — танцовщица из Одессы. Не пара. Сталин сказал: «Кто-то любит принцесс, а кто-то — дворовых девок. Ни те, ни другие от этого ни лучше, ни хуже не становятся. Вам что, мало того, что уже было?»

Мы с Яковом последний раз встретились 1 июня 1941 года. Жена Якова очень дружила с женой первого секретаря московского комитета партии Александра Щербакова, и у Яши в гостях были Щербаковы и я.

В то время Яша был старшим лейтенантом, командиром батареи 14 гаубичного артиллерийского полка 14 танковой дивизии 7 механизированного корпуса. Командиром дивизии был генерал-майор Виноградов, начальником артиллерии генерал-майор Василий Иванович Казаков, в дальнейшем маршал артиллерии. Мы с Яшей мечтали вместе служить после окончания им артиллерийской академии. У меня был опыт: я три года в армии прослужил.

Долго тогда у Яши сидели, он сокрушался: «Как неудачно ответил Сталину начальник академии». Дело в том, что 5 мая 1941 года в Кремле на приеме в честь выпускников военных академий начальник артиллерийской академии генерал

Сивков неудачно возразил Сталину. Сталин сказал, что, мол, вы учите на старых образцах оружия. Тот возразил. А Сталин ему: а у меня вот есть записи, конспекты вашего слушателя. Яков-то учился в артиллерийской академии. Вообще у Сталина слова не расходилось с делом: если упор на артиллерию (а тогда даже лозунг был «Молодежь — в артиллерию!») — сын учится в артиллерийской академии артиллериста. Я тоже стал артиллеристом.

Сивков еще что-то возразил не по делу. Ну и был впоследствии снят.

Сивков был сильнейший начальник академии, блестящий артиллерист, о нем говорили, что он за неделю может написать учебник: только чтобы был отдельный кабинет и молодая секретарша.

Ворошилов, когда руководил партизанским движением, взял к себе Сивкова как очень крупного специалиста начальником артиллерии партизанского движения. Потом Сивков стал командующим артиллерии фронта. Погиб в 1943 году в бою.

Яков — инженер-электрик, окончивший электромеханический факультет Института инженеров железнодорожного транспорта, окончил и артиллерийскую академию, ушел на фронт, воевал. Погиб. Он был достойный человек, умный, добрый, порядочный.

Е.Г.: *После гибели Яши Сталин его семью поддерживал?*

А.С.: Да. Была выделена трехкомнатная квартира в доме в Комсомольском переулке. Там до сих пор дочь Галина живет с мужем и сыном.

Е.Г.: *Гордился Сталин своими детьми?*

А.С.: Сталин ставил в пример Василию Светлану и, что тот особенно не любил, — меня.

Е.Г. *Когда Василий и Светлана стали жить семьями, ходили друг к другу в гости?*

А.С. Очень мало. Большой дружбы между ними не было.

Е.Г.: *Поздравлял ли Сталин Вас с праздниками, дарил ли подарки?*

А.С.: Нет, подарки как таковые не дарил. Он говорил обычно: «Вот это тебе будет нужно, возьми». Дарил книги. На семь лет подарил «Робинзона Крузо.» Д.Дефо, на восемь лет — «Маугли» Киплинга, на девять лет — чернильный прибор, на двенадцать — патефон с пластинками.

Е.Г.: *А сам Сталин какую музыку любил?*

А.С.: «На сопках Маньчжурии», «Варяг», «Прощание славянки», Лещенко у него лежал, но я не видел, что он его слушал. А вот Вертинского слушал под настроение; были у него пластинки — «Немецкие марши»; Вагнера слушал, вальс «Блюменгеданкен» («Благодарность цветов»); оперетту «Граф Люксембург» слушал. Любил ансамбли. Александрова очень ценил и хвалил Ворошилова, что тот убедил в свое время

Александрова руководить ансамблем, а тот говорил, что лучше бы церковным хором руководил, потому что в армии не служил. Я присутствовал при разговоре, когда Ворошилов рассказывал, что настаивал, чтобы Александров руководил солдатской самодеятельностью. Это уже когда был образован ансамбль. Александров говорит: «Как хорошо, что Вы оказались таким настойчивым, и как хорошо, что я был недостаточно стойким», а Ворошилов: «Как хорошо, что Вы оказались сговорчивым».

Когда у Сталина было настроение неважное, тяжело ему было, а на людях он не показывал плохое настроение, он ставил пластинку с песней «На сопках Маньчжурии» со старыми словами:

*Белеют кресты далеких героев прекрасных,
И прошлого тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных.*

Сталин несколько раз прослушивал, переставлял пластинку на словах «Но верьте, ещё мы за вас отомстим и справим кровавую тризну». Он поражение в русско-японской войне очень переживал из-за того, что Россия потеряла русские владения, серьезные форпосты на Дальнем Востоке. И вот именно эти слова он, переставляя иголку, слушал несколько раз. Когда мы заходили в комнату, он сидел с опущенной головой, видно, что ему было нелегко, видимо, тяжелые мысли приходили, и он слушал эту песню, вновь и вновь переставляя иголку.

Обе песни о «Варяге» любил. Когда слушал слова:

***Миру всему передайте, чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдалися, пали за русскую честь, —***

то нам с Василием говорил: «Вот так-то, ребята».

И он вернул утраченные территории! Россия была восстановлена в старых границах. А дальше из так называемого санитарного кордона он создал союзные государства. Он создал первую державу мира.

Е.Г.: *Он гордился восстановлением страны в старых границах?*

А.С.: Он никогда не говорил, что, мол, горжусь чем бы то ни было. Но при этом оттаивала его душа. Это был бальзам на его душу. Это было заметно.

Е.Г.: *Много ли читал Сталин? Какие книги составляли его библиотеку?*

А.С.: Читал Сталин очень много. И всегда, когда мы виделись с ним, спрашивал, что я сейчас читаю и что думаю о прочитанном. У входа в его кабинет, я помню, прямо на полу лежала горка книг. Он смотрел книги, складывал некоторые в сторону — они шли в его библиотеку. Библиотека его хранилась в Кремле. Что с ней сейчас — не знаю.

В книгах делал пометки, читал почти всегда с карандашом в руках. Преобладали философские труды, наши классики. Любил он Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Лескова. Был в библиотеке Есенин, Маяковский, Пастернак, Булгаков. Его Сталин очень ценил и говорил: «Этот писатель смело показал, что герои были не только на стороне Красной Армии.

Герои — это те, кто любит свою Родину больше жизни. А такие, к сожалению, воевали не только на нашей стороне».

Вообще изучению русского языка и литературы Сталин уделял особое внимание. Говорил нам, зная о нашем выборе: «Вы будете военными. А какой предмет для военного самый главный?» Мы наперебой отвечали: математика, физика, физкультура. Он нам: «Нет. Русский язык и литература. Ты должен сказать так, чтобы тебя поняли. Надо сказать коротко, часто в чрезвычайных условиях боя. И сам ты должен понять сказанное тебе. Военному выражаться надо ясно и на письме, и устно. Во время войны будет много ситуаций, с которыми в жизни ты не сталкивался. Тебе надо принять решение. А если ты много читал, у тебя в памяти уже будет подсказка, как себя вести и что делать. Литература тебе подскажет».

Е.Г.: Читал он вам свои стихи? Не знаете, продолжал ли он их писать?

А.С.: Стихи свои нам не читал. В юности он писал хорошие стихи. А потом уже нет. С нами он на эту тему не разговаривал.

Е.Г.: Говорят о двойниках Сталина. Видели Вы их?

А.С.: Не только не видел, но и не слышал никогда. Это сейчас разговоры пошли. А тогда ни разу ни от кого не слышал. На трибуне Мавзолея в дни праздников много людей присутствовало, если бы была замена, разговоры бы просочились. Может быть, использовались в оперативных целях при проезде каком-нибудь, но я не слышал. Разговоры все

равно бы были. Василий бы рассказал. С Николаем Сидоровичем Власиком мы часто виделись и много говорили на самые разные темы. Но ничего, повторяю, ничего ни от кого не слышал.

Е.Г.: Иосиф Виссарионович не говорил с вами, подрастающими юношами, о женщинах, может, как выбирать подругу жизни, какой тип, характер?

А.С.: Нет. Но когда родственницы со стороны Надежды Сергеевны собирались и порой много говорили, он комментировал: «Опять растрещались, как сороки». Или: «Снова раскудахтались». Он не любил болтливых.

Е.Г.: На каком языке разговаривал Сталин со своими земляками?

А.С.: Всегда на русском. Берия в Кремле стал как-то кричать по-грузински. Сталин сказал по-русски: «Здесь не все понимают по-грузински».

Е.Г.: Много разговоров о любовницах Сталина...

А.С.: Об этом от того, кто там — в доме, на дачах — бывал, я никогда ничего не слышал. Моя мать никогда об этом не слышала, и те, кому можно доверять, ничего об этом не говорили, такого разговора в доме не было вообще: ни при жизни Сталина, ни после.

Е.Г.: И женщин каких-то не бывало в доме?

А.С.: Я знаю, кто там был. Повариху знаю — это исключено. Домоправительница, которая была ещё при

Надежде Сергеевне, Каролина Васильевна Тиль — это исключено. Она работала до старости, в 1938 году ушла на пенсию, очень скромно жила. Под конец жизни её Василий устроил — взял к себе. А няня, будучи на пенсии, до конца жизни жила у Светланы. С 1938 года домоправительницей стала Александра Николаевна Накашидзе. Светлана в книге «20 писем к другу» пишет, что это чуть ли не майор из госбезопасности. А как же иначе? Этим всем — обслугой, служащими — распоряжается 9-е главное управление, управление охраны. Смеются, что нянечка имела звание сержанта. А почему нет? Она служит, и, если она военная, несет дополнительную ответственность. Вообще странно, что это в книге у Светланы написано, потому что она к ним, этим женщинам, работавшим в доме, прекрасно относилась. Потом Александра Николаевна вышла замуж, и домоправительницей стала Валечка Истомина. Это чудная деревенская женщина! Помню, когда Валечка начала работать в Горках-4, ей было 17 лет. Мотя (Матрена) Бутусова была там старшей подавальщицей (слова «официантка» тогда не было), а Валечка — вторая. На территории юрта была, мы с Василием сидели там порой, разговаривали о том, о сём, и Валюша туда приходила, мы разговаривали. Мы были на год, два её моложе, это были обычные разговоры молодых людей. К Вале относились мы очень хорошо. Два и к Моте. Но Мотя была старше.

А потом Валя фактически стала домоправительницей. Говорят, когда Сталин умер, — она выла! Так, что..! Выла в буквальном смысле! После моментально разогнали охрану и всех, кто там был.

Ну и Сталин ведь тоже человек. А Валечка была чудная женщина. Просто чудная: приятная, абсолютно простая русская женщина без всяких там заскоков и выкрутасов. А чем плохо, если и была взаимная привязанность и симпатия? Кто от этого пострадал? К сожалению, я потом её не видел. Слышал, что не совсем удачно личная жизнь у нее сложилась...

Но об этом — о сердечных симпатиях — в доме и семье никогда не говорилось ни слова. И кто сейчас такой все знающий? Откуда такие сведения?

Е.Г.: *Как относился Сталин к человеческим слабостям?*

АС.: Сталин был очень человечным, если кто-то, например, выпил лишнего, но вёл себя нормально... Мы видели, что он никогда не ставит себя выше людей. Очень просто ко всем относился.

Дача в Зубалово и «Ближняя»

О дачах Сталина много говорено. Людьями разными. Большинства из них на этих дачах не то что при Сталине, но и после даже вблизи не бывало, что им, однако, не мешает говорить о самих дачах и тех дачниках. Дача ныне — предмет культа: у всех дачи, все — на дачах. А какова была атмосфера того времени на правительственных дачах, в том числе на той, что была закреплена за Иосифом Виссарионовичем Сталиным? Как люди поводили там время? Отдыхали, работали, развлекались? Об этом наш разговор с Артёмом Фёдоровичем.

А.С.: После гражданской войны, когда Москва стала столицей, и правительство расположилось в Москве, то оно получило и загородные резиденции. Сталин тоже получил дачу по Рублево-Успенскому шоссе, на 13—14 километре. Это была дача нефтепромышленника Зубалова, предприятия которого находились в Баку и тех районах. У него украли кого-то из детей, потребовали большой выкуп, и он решил построить здесь дачу и окружить её высоким забором. Но далеко не таким, какие строят сейчас в пять метров, нет, — а метра, наверное, в полтора-два. А дальше штырьки металлические и все. Эту дачу и получил Сталин.

В начале 30-х годов была построена «ближняя дача» около Кунцево. Эта дача Сталина стала фактически выносным пунктом управления. Там шла работа. По существу это был пульт управления государством, поэтому и охрана нужна была соответствующая. Надо учесть, что Сталин возглавил молодое

государство, управление которым нужно было выстраивать заново. Работали не так, что вот пришли в кабинет — значит, работают. Сталин занимал пять должностей. И нарком обороны, и Верховный главнокомандующий, и Генеральный секретарь ЦК, и Председатель Совнаркома. Все концентрировалось, сосредотачивалось на нем. Если решались вопросы Ставки, то те, кто нужен, здесь находятся, если вопрос касается Совнаркома, то нужный нарком тоже сюда прибывает. Поэтому люди у него и на даче собирались: работа шла без перерывов на переезды, на перемену порядка дня. Все было на месте и под рукой.

На даче в Зубалово был комендант Михаил Иванович. И был Иван Матвеевич, который обслуживал эту дачу. Потом там появился ещё рабочий из соседней деревни Андрей Сарычев.

Была там и повариха. Еду готовили очень простую, на всех, всем одинаково: принесли из кухни порционно, что принесли, то и ели. Не было никакого обжорства, чревоугодия, не помню, чтобы можно было заказывать и готовили бы по желанию. У Василия аппетит был весьма неважный. Единственное, без чего он не мог обходиться — лимоны. Видимо, потребность организма в них была. Он и йодом не пользовался, — соком лимона ранку заливал. Ему говорили: «Вася, это же больно». А он: «Я большой, а микроб — маленький. Ему там ещё хуже, чем мне, он быстро сдохнет».

Дача представляла собой двухэтажный дом. Кабинет Сталина был, как и всегда потом, на втором этаже. На первом комнаты располагались так: справа от входа была комната

Светланы, потом столовая, затем ещё одна комната и большая веранда.

Василий своей постоянной комнаты не имел и находился в одной из двух комнат на первом этаже.

Кроме того, была комната, где стояло механическое пианино, оставшееся здесь со старых времен. В то время это было Бог знает какое чудо. Вставлялись ролики с перфорированной лентой, и были две педали. Педали нажимали, перфолента протягивалась, и звучала музыка. Этих роликов с разной музыкой было много, в том числе очень много классики.

На втором этаже — спальня и кабинет Сталина.

Кроме того, чуть поодаль, метрах в двадцати, был небольшой корпус, и там находились кухня, служебное помещение и гараж. Корпус соединялся с главным зданием коридором. В начале коридора около большого здания была небольшая комнатка, и мы считали, что это комнатка Власика.

В период с 1929 по 1930-й год начальником охраны Сталина был некто Юсис, он из латышских стрелков. А также там работал Михаил Иванович. Но в 1930 году они оба умерли. И тогда начальником охраны стал Николай Сидорович Власик, старый чекист. Помню всегда: «Юсис, Юсис». Потом — Власик. Комендантом был Сергей Александрович Ефимов. Помощником у него стал Алексей Смирнов.

Вскоре после появления Власика состоялось торжественное заседание в честь годовщины революции: 6 ноября в Большом театре. Там произошел какой-то инцидент, и вдруг одновременно везде погас свет. Началась суматоха.

Неординарная создалась ситуация. Вернулись из театра, и Надежда Сергеевна сказала: «Власик оказался на месте».

Власик всегда был на работе. Лишь изредка его подменял Румянцев.

Приезжал Сталин на дачу обычно в воскресенье рано утром. Субботы были абсолютно рабочими днями. В субботу приезжал редко, потому что в городе они работали допоздна. На даче у Сталина всегда было хозяйство: утки, цесарки, куры, маленькая пасека, цветов было мало. А свободное место на земле засевалось продовольственными или фуражными культурами.

Е.Г.: Любил ли Сталин цветы? Были они в доме или в саду?

А.С.: Не помню, чтобы в доме стояли букеты. В саду цветы росли. Розы были, но Сталин предпочитал, чтобы земля была засажена более полезными культурами, чтобы, как я уже говорил, она работала и плодоносила, чтобы не гуляла попусту.

Сеткой был огорожен участок для уток и цесарок, прорыт и забетонирован небольшой бассейн. Жизнь на даче была весьма скромная и трудовая. Детей приобщали к труду: работать считалось в доме самым любимым и почётным делом. Светлана тогда была ещё маленькая, а Василий всегда пытался что-то делать. И если ему что-то доверялось, разрешалось делать, то он работал буквально до изнеможения. Ему говорили: «Вася, хватит». Если бы его не останавливали, то он работал бы до тех пор, пока бы не упал. И не зря говорят

«работа до упаду». Василий действительно работал до изнеможения. Нужно ли копать, нужно ли что-то перенести, подмести, снег сбросить — Василий всегда тут как тут, если он был на даче. Ему говорили: «Вася, довольно, надо отдохнуть». Он отвечал неизменно: «Я не устал».

На даче всегда жили животные: собака, кошка. Там была лайка Весёлый, которую Сталину подарил Папанин. Тот самый пёс Весёлый, что был на льдине с Папаниным. Вот он на даче и жил. Очень сильный пёс. Мы на нем верхом ездили, запрягали его, как в упряжку, и за ним — на лыжах.

Дети очень любили бывать на даче, и сам Иосиф Виссарионович там постоянно бывал, пока не построили в Волынском. Все-таки Зубалово далековато. Дело в том, что это сейчас туда идёт шоссейная дорога. А раньше надо было доехать по Можайскому шоссе до Одинцово. В Одинцово нужно было свернуть на так называемое Зубаловское шоссе, которое сейчас называется Красногорское. Это шоссе было узенькое, в одну колею. Разъехаться две машины там не могли, одна должна была сходить на обочину. Кое-где дорога была мощена булыгой, асфальта тогда ещё не было. Зимой туда порой нужно было добираться на автосанях: это машина, у которой сзади вместо колес цепи Галя. То есть это колесно-гусеничная машина. Обычный автомобиль, но сзади она цепная.

Иногда даже и эта машина не проходила. Тогда доезжали, как могли, до Одинцово. А из Зубалово, там совхоз «Горки-2», приходила лошадка с саночками, и обычно лошадью управлял Иван Денисов, который служил экспедитором. И когда было

нужно, он вез Сталина. Сталин иногда любил вечером прокатиться в саночках. Тогда саночки подъезжали, он выходил, садился и где-нибудь с полчаса катался. А потом снова садился работать.

Какое было его отличительное качество? Казалось, что он всегда работает. Такого, чтобы он отдыхал специально, даже на даче, я не помню.

Кстати, о сыне этого Денисова, Ване, впоследствии позаботился Василий: он устроил его к себе в полк в младшем воинском звании. Тот с неба звезд не хватал, но был добросовестным работником. Все, кого брал и устраивал Василий, очень ответственно относились к делу, ни в коем случае чтобы его не подвести. И, как правило, оправдывали его доверие.

Е.Г.: Но дача предполагает отдых. Почему собиравшиеся у него для работы люди не на московской квартире собирались, а на даче?

А.С.: Гораздо более удобное помещение было на даче. Личные апартаменты Сталина были невелики, квартира маленькая: из коридора дверь в комнату — это вроде столовая и малый зал заседания, налево спальня, направо маленький кабинет, дверь — и это уже зал заседания, где Совет министров заседал и все такое. Но места там мало, выйти если — только на асфальт. А на даче было просторнее. Можно делать большую открытую веранду и летом там собираться.

Е.Г.: А вообще Сталин любил гостей, компании?

А.С.: Компании всегда у него были деловые. За столом решались важные вопросы. Люди перекусят — и вновь за работу. Бесперывно у него люди были: одни закончили, уходят, другие приходят. Если говорить о нем — ещё раз повторяю: он работал постоянно везде, всегда, на даче в том числе.

Е.Г.: *Были у него друзья юности?*

А.С.: Думаю, с ними встречался нечасто. У него были друзья по партии, по идеологии. Знаю, что были у него друзья, с которыми он когда-то начинал. Но только если эти люди сохранили свои взгляды. Многие люди свои взгляды меняли. Менялись и условия. Отсюда менялись лозунги. Лозунг — это краткая сформулированная задача на данное время. Но время меняется, условия меняются, цели. Соответственно — смена лозунгов.

Е.Г.: *Довелось слышать, что Сталин боялся покидать Москву, не любил и боялся армию, во время войны, мол, на фронт ни разу не выезжал.*

А.С.: Не зря он сказал: «На мою могилу нанесут немало мусора». Вот этот мусор и несут неустанно. Во время войны я был на фронте, со Сталиным не виделся, да и он бы мне не стал докладывать, где был и что делал. А мой товарищ по академии Игорь Александрович Соколов, в то время старший лейтенант, а ныне полковник в отставке, был адъютантом маршала Воронова. Он рассказывал, как они приезжали на фронт. Их вызвали — немедленно прибыть. Они прибыли, а там их

встречает Сталин. В штабе Западного фронта, в штабе Калининского фронта так было.

Е.Г.: *Это какие годы?*

А.С.: Это 1941,1942,1943, когда было особенно трудно и надо было разбираться на месте. Мне рассказывал генерал Иван Александрович Серов, он тогда был замнаркома внутренних дел, а позже председателем КГБ, как звонит ему Сталин и говорит, что надо завтра, к примеру, поехать в штаб Западного или Калининского фронта. Устраивать огромные кортежи Сталин вообще не любил, а в этом случае по причинам безопасности нельзя было привлекать к себе внимание. Серов готовит ему машину, а все машины, которые обычно обслуживают Сталина, стоят на своем месте в гараже, все выглядит так, будто он работает здесь, в Кремле. Сели в машину, которую никто не знает, — поехали на Западный фронт. Приехали туда, решили дела, потом он спрашивает, кто как работает. Ему все очень хвалят дальнюю авиацию Александра Евгеньевича Голованова: что ни скажешь — все задания выполняют безукоризненно. Поехали с Западного на Калининский фронт. Там тоже все Голованова хвалят. Дальняя головановская авиация всегда действует отлично.

Сталин звонит в Москву, связь ВЧ тогда безупречно работала. Маленков спрашивает: «Товарищ Сталин, Вы откуда звоните?» Сталин ему: «Это неважно. Подготовьте и опубликуйте в печати указ о присвоении генерал-полковнику Голованову звания маршала авиации». Звонит Сталин Голованову: «Товарищ Голованов, я Вас поздравляю». Тот: «А

с чем? У меня не день рождения, праздника никакого нет». Сталин ему: «Газеты читайте».

Ну, поехали, надо ночевать. Служба охраны выбрала дом: не на краю деревни, неприметный — по требованиям безопасности. А хозяйка не пускает. Рядились-рядились — не пускает. Кое-как, с угрозами буквально — пробились к ней в дом.

Е.Г.: Но сейчас только и слышишь, какое население тогда было запуганное, не смели слово поперек сказать властям. А тут идет война, группа военных, офицеров, просится на постой, а хозяйка не пускает, бранится.

А.С.: Сейчас и не такое услышишь. Ну, так вот. Переночевали. Сталин спрашивает: «Хозяйку поблагодарили?» Сопровождающие в недоумении, мол, чего её благодарить, она нас гнала. Он говорит: «Если бы она знала, кто на постой определяется, она бы иначе себя вела. Благодарить обязательно нужно: мы же в её доме ночевали».

Разговоры сейчас о том, что на фронт он не выезжал — это болтовня несведущих людей. Для него это была рабочая деловая поездка, и было бы глупо обставлять её помпезно и широко оповещать. Ну и Сталин, безусловно, не заботился о доказательствах для нынешних мусорщиков, несущих сор на его могилу. Он делал дело, а не занимался саморекламой.

Дача в Волынском

А.С.: Первая дача Сталина была в Зубалово, второй считается госдача в Волынском, но была ещё дача в Соколовке, куда иногда приезжал Иосиф Виссарионович и члены его семьи. Но она не была стационарной. Можно сравнить с гостиницей: можно туда приехать, если вдруг почему-то в Зубалово не ехали. Мы с Василием именно там, в Соколовке, были, когда случилась трагедия с Надеждой Сергеевной. Нам позвонили, велели прибыть в Москву. А Светлана так и осталась на даче с няней.

Трагедия с мамой Василия случилась уже во второй кремлёвской квартире, в Потешном дворце. Первая кремлевская квартира семьи была по адресу Коммунистическая улица, 2. Когда заезжаешь через Троицкие ворота, то видишь двухэтажный дом с крыльцом. Здесь и была первая квартира Сталина в Кремле. Вход был не там, где ныне, а с Коммунистической улицы, где находилось крыльцо. С него вел вход и на второй этаж.

Вторая квартира представляла собой совсем не дворцовые хоромы, хотя была уже удобнее и просторнее первой. Переехали на ту квартиру в Потешный где-то в конце 1931-го — начале 1932 года.

Квартира располагалась на втором этаже. Тогда был балкон в стене, сейчас нет. Был лифт, и на второй этаж можно было на лифте ехать.

В Потешном дворце у Василия была небольшая сводчатая комната. В потолке были кольца, висела трапедия — спортивная комната была. Можно было заниматься.

В квартире в здании Сената был полуторный этаж. Там тоже была комната, где стоял диванчик, на котором я и спал.

Еще дровяная колонка в той квартире была. Топил её кто-нибудь из домашних: Груша (женщина, помогавшая по дому) или няня. Специального человека для этой цели не было, обходились.

Е.Г.: *Были в доме картины?*

А.С.: Нет. Фотографии висели некоторые. У Сталина над кроватью висел подаренный туркменскими ковроткачихами коврик — метр на полтора — с вытканым портретом Ленина. Картин не было.

Мне говорила Полина Семеновна Жемчужина, жена Молотова, что когда они накануне, 8 ноября, сидели у Ворошиловых, у Надежды Сергеевны сильно болела голова, она очень нервничала, ушла раньше. Мол, мы её проводили (по-моему, она с Зинаидой Андреевной Орджоникидзе была), прогулялись, сделав два круга в Кремле, Надежда Сергеевна открыла свои двери и пошла домой.

Приступ головной боли был 6 ноября 1932 года вечером. 7 ноября 1932 года из-за головной боли она ушла с военного парада минут через 15 — 20 после его начала. Вечером 7 ноября у Надежды Сергеевны опять был сильный приступ головной боли. Она хваталась за голову и повторяла: «Ой, голова, голова». В это время там был Александр Васильевич

Перышкин — профессор-физик, академик Академии педагогических наук. При встрече, уже после войны, он подтвердил мне это, не зная, что я все это тоже видел.

На следующий день после случившегося Каролина Васильевна Тиль, домоправительница, мне и моей матери рассказывала, что Сталин домой поздно пришел. И он обычно, если Надежда Сергеевна уже легла спать, ложился на диване. Так было и в тот день. А утром, видя, что она что-то долго не встает, Сталин говорит: «Завтракать пора». Каролина Васильевна рассказывает: «Мы пошли вместе к Надежде Сергеевне. Лежала она на постели». Это рассказ Каролины Васильевны, находившейся там.

А мы с Василием после парада поехали в Соколово. Нам, помню, тогда очень хотелось покататься на лыжах. Самое главное для нас в то время на даче было — на лыжах покататься. 6 числа мы с Васей говорили, что вот бы нам в Соколовку поехать. По-моему, Каролина Васильевна Тиль сказала Надежде Сергеевне накануне: «Ребята поспразднуют, и потом поедут кататься на лыжах».

А Надежда Сергеевна отвечает: «Я заканчиваю Академию, и скоро мы по-настоящему отпразднуем — устроим праздник по поводу моего окончания Промакадемии».

Она училась в Промышленной Академии на факультете текстильной промышленности, специализировалась по искусственному волокну. Её узкой специальностью были бы искусственный шелк, вискоза. Ну, мы уехали на дачу на лыжах кататься. По-моему, 9-го утром позвонили, чтобы мы срочно с Василием приехали в Москву. Вернулись в Москву: меня

подвезли на Серафимовича, где наша с матерью квартира была, я пошел домой, а Василий поехал в Кремль.

Только мы с мамой расположились для расспросов, обмена новостями — вдруг звонок. Мама взяла трубку, заохала, заохала: «Ой, Надя умерла». И мы туда пошли. У меня записано, как и что было на похоронах.

Надо сказать, что у Надежды Сергеевны были постоянные, очень сильные, совершенно невыносимые головные боли. Она часто держалась за голову и вскрикивала: «Голова, голова». Она нередко ездила в Германию якобы к работавшему там старшему брату. Но в действительности, чтобы показаться немецким профессорам. И накануне 7 ноября, и в день парада она тоже держалась за голову — её вновь мучили боли. Парады раньше длились 4 часа: с 8 до 12. Я там, в кремлевской квартире, ночевал на 7 число. Надежда Сергеевна взяла меня и Василия, и пошли мы на парад.

Мы вместе с Надеждой Сергеевной стояли перед входом в Мавзолей. Потом она, держась за голову, ушла раньше, а мы после парада уехали на дачу. Хрущев пишет в мемуарах, что он после демонстрации с ней пошел куда-то. Это не так. А мы после парада уехали на дачу. Ну и вот такое горе случилось.

Мы собрались. Там некоторые родственники были. Сейчас читаю, что еще какие-то родственники были. Я их не видел. Я знаю, кто бывал в доме. Старшая сестра Анна Сергеевна, жена Павла Сергеевича бывали, иногда бывала жена Сванидзе, но Сталин её очень не любил. И вообще к женщинам-родственницам относился так: «Ай, эти сороки». Потому что эти «сороки» вечно у него что-то просили. Почему

он Гришу Мороза¹⁰ не очень воспринял? Потому что его родственники думали, что будут сразу все иметь, и просили Сталина, постоянно с разными просьбами обращались. Когда женщины пытались с ним напрямую решать какие-то дела, которые он не должен был решать, он возмущался.

Гроб с телом Надежды Сергеевны стоял в здании ГУМа. Там примерно в центре есть со стороны Красной площади ниша, в ней — лестница на второй этаж. Там дверь, за ней помещение, где и был выставлен гроб. Сталин буквально рыдал. Василий все время висел у него на шее и уговаривал: «Папа, не плачь, не плачь». Сталин склонялся над гробом и рыдал.

Когда гроб вынесли, Сталин шел сразу за катафалком. Катафалк этот мне напоминал пушку, на которой танцевала Любовь Орлова в фильме «Цирк». Потом оркестр, мы шли за оркестром. Процессия шла к Новодевичьему монастырю. Весь путь проделали пешком, в том числе и Сталин. У могилы Сталин стоял с одной стороны, мы с Васей — с другой. И между нами никого не было. Поэтому я все хорошо видел. Сталин был убит горем. Взял горсть земли, бросил в могилу. Нам сказали тоже взять землю и бросить. Мы спросили, для чего. Нам ответили, что так надо.

Е.Г.: Когда двигалась похоронная процессия, много народу было на улицах, провожало Надежду Сергеевну?

А.С.: Да, много людей стояло вдоль улиц.

¹⁰ Григорий Иосифович Морозов (Мороз) 1921 — 2001. Первый муж Светланы Алилуевой.

Е.Г.: Если Сталин до самого кладбища шел за гробом пешком, то как осуществлялась охрана: конная милиция, шеренга ограждения?

А.С.: Охраны у Сталина было мало. Вплоть до убийства Кирова её почти не было. Он на открытой машине ездил. И тоже без особой охраны. А ведь скорость тогда была небольшая.

Я не видел его ходящим по улицам, но из разговоров: «ходили туда, пошли сюда», — знаю, что он ходил пешком. И тоже практически без охраны.

В Соколовку Сталин после смерти Надежды Сергеевны уже не ездил. Да и никто из семьи больше не приезжал туда.

Е.Г.: Все родственники Надежды Сергеевны были на её похоронах?

А.С.: Нет. Были её отец Сергей Яковлевич, брат Павел и сестра Анна. Другого брата Надежды Сергеевны, Федора, я там не помню. Он болел, кажется. Четверо их было: Павел Сергеевич 1893 года, Федор Сергеевич 1897, Анна Сергеевна 1896, Надежда Сергеевна 1901 года.

После Зубалово основной дачей стало Волынское: в 1934 году Сталин перебрался на эту дачу как основную. При этом в Зубалово он порой приезжал и после того, как появилась дача в Волынском, навещал членов своей семьи, которые там жили. Сергей Яковлевич Аллилуев, его тесть, там жил, теща, Ольга Евгеньевна, туда наезжала. Когда Яков, старший сын Сталина, женился, он там с семьёй жил. Приезжала туда Александра Семёновна — сестра первой жены Сталина, умершей в 1907

году. Туда приезжала ещё одна её сестра, Мария Семёновна Сванидзе.

А в Волынском был дом, где он постоянно собирал людей для работы и сам работал. Не устраивалось там никаких торжеств или застолий в удовольствие. Там было удобнее собираться, чем в Зубалово. Собственно, во многом потому и была построена эта дача, что близко к Москве. Помещение удобное — с выходом в парк, можно отдохнуть; сделали большую открытую веранду, в хорошую погоду на ней можно было работать. Сталин любил работать на веранде. Можно это назвать ближней дачей. На самом деле это был выносной пункт управления нашего государства.

Е.Г.: Эту дачу специально строили для Сталина? Может, были учтены какие-то его пожелания?

А.С.: Да, строили специально для Сталина. Правительственную дачу, одним словом. Наверняка какие-то пожелания у него были, но какие именно — не могу сказать. Ничего особенного в даче не было. Конечно, учитывалось пожелание, чтобы ближе к Москве. Сейчас это уже в черте города. Ездили туда, съезжая с Минского шоссе.

Дача Сталина — это двухэтажный кирпичный дом; как любил Сталин, красился он в зеленый цвет. Поначалу это был маленький кубик. Потом его расстроили. Многое уже после Сталина достроили. А тогда были служебное помещение рядом, галерея открытая. Кабинет Сталина, как правило, был на втором этаже. В Волынском он часто работал в столовой. А в

теплую погоду на веранде работал. На кухне и в Зубалово, и здесь, в Волынском, была печь из изразцов, возле нее лежанка. Здесь Сталин иногда любил прилечь погреться: думаю, делал это, когда суставы у него болели из-за ревматизма. Была спальная, рабочая комната — когда приезжало много народу, туда складывали одежду, подсобным помещением служила. В прихожей вешалка была, но при скоплении народа на всех не хватало места. Столовая располагалась при входе направо, она же — зал заседаний: большой длинный стол стоял, небольшой кабинетный рояль красноватого цвета, вероятно, красного дерева. Он предназначался для гостей, и на нем играл Жданов, который, кстати, вполне профессионально играл на рояле и на баяне.

Был участок земли. Огород, маленькое хозяйство. Уже отмечал, что Сталин считал: земля должна работать. Все должны работать, в том числе и земля.

А в подсобной комнате, где раздевались прибывшие, был патефон и много пластинок. И в памяти в связи с этим осталось вот что.

Мы с Василием, ребяташки лет 12—13-ти, уже слышали такие имена как Петр Лещенко, Александр Вертинский. Лещенко нам очень нравился, поскольку был понятен: нам приятно было слушать бравурные легкие романсы или песни с налетом цыганщины. Музыка у Лещенко, как правило, танцевальная, ну а мальчикам, становящимся юношами, это очень нравилось.

Вертинский был нам не вполне понятен. Но мы чувствовали отношение к его песням взрослых. И к Лещенко.

Если к Лещенко они относились холодновато, то романсы Вертинского напевали сами, к нему было совсем другое отношение. В отсутствие детей, когда нас не было в комнате, из-за двери можно было слышать, что взрослые слушают Вертинского.

Как-то Сталин ставил пластинки, у нас с ним зашел разговор, и мы сказали, что Лещенко нам очень-очень нравится. «А Вертинский?» — спросил Сталин. Мы ответили, что тоже хорошо, но Лещенко лучше. На что Сталин сказал: «Такие, как Лещенко, ещё есть, а Вертинский — один». И в этом мы почувствовали уважение к Вертинскому со стороны Сталина, высокую оценку его творчества.

Е.Г.: Тогда Вертинский ещё не вернулся?

А.С.: Нет, Вертинский вернулся во время войны. Он просил разрешения вернуться, и разрешение выдал лично Молотов. Вертинский приехал.

Вообще не очень часто взрослые слушали пластинки. Потому что постоянно люди работали. Но пластинок было много. И мы, оставаясь одни, выбирали нравящиеся нам, ставили, слушали.

Е.Г.: Необходимость правительственных дач чем тогда была вызвана?

А.С.: Необходимостью отдыха, свежего воздуха, необходимостью хоть на несколько часов отвлечься от напряженной кабинетной работы в табачном дыму, постоянных утомительных разговоров одновременно

нескольких людей. Отдых от всего этого, перемена обстановки, безусловно, были нужны.

Е.Г.: Поскольку дача строилась специально для Сталина, который на дачах работал, насколько было продумано удобство работы? Сколько человек обслуживали этот, как Вы сказали, выносной пункт руководства страны?

А.С.: Конечно, была хорошо отлажена связь с аппаратом, с людьми, обслуживающими дачу. Допустим, из комнаты, где находился Сталин, с комнатами, где находятся люди, была постоянная связь по, так называемому, домофону. Это телефон из комнаты в комнату: индукторный аппарат, нужно повернуть его ручку, чтобы соединиться с нужным тебе человеком.

На даче находился комендант. Когда-то был Михаил Максимович. Затем комендантом стал Сергей Александрович Ефимов, который раньше был комендантом в Зубалово, а затем стал и в Волынском. Комендант организовывал всю жизнь на даче: службы, систему связи внутри дачи, чтобы она была всегда скомутирована с нужными пунктами.

Были люди, готовящие пищу. Надежда Сергеевна всегда работала, у нее не было времени на ведение большого домашнего хозяйства: она работала в секретариате Ленина, затем в редакциях газет, училась в Промышленной Академии. Поэтому семья и при её жизни нуждалась в помощнике на кухне.

У дачи есть территория, которой должен заниматься кто-то: садовник, дворник. Они тоже были.

И охрана. Её было о-очень мало до гибели Кирова, вплоть до того, что днем дачная калитка в лес была открыта. Около ворот не было никакой охраны, они не запирались на замок.

Елена Юрьевна Сергеева, жена Артёма Фёдоровича, включается в разговор:

— У нас в больнице работала медсестра (Елена Юрьевна — нейрохирург. — *Е.Г.*). И мы как-то разговорились с ней на ночном дежурстве. Оказалось, что её отец был директором совхоза, вблизи которого находилась дача. Эта медсестра, ровесница Светланы Аллилуевой, дружила с ней и ходила к ней на дачу. Она рассказывала, как открывала незапертую калитку, проходила на территорию, звала Светлану. Они либо отправлялись куда-то, либо играли на территории, либо шли в дом. Никто не останавливал, не спрашивал ни о чём. Не раз она и Сталина видела либо в доме, либо во дворе. Он здоровался с ней.

А.С.: Да. А после смерти Кирова охрана была усилена. Ворота и калитку стали запирать и открывать для прохода или проезда конкретного человека или транспорта. Со временем появилось наружное и внутренне наблюдение. Но все это появилось не сразу, а постепенно, одно за другим, по мере необходимости, по мере осложнения обстановки. Точной численности охраны я не назову, но была она весьма невелика. Была постоянная дачная охрана — очень малочисленная. Собственно, следящая только, чтобы на территории не

оказалось посторонних. И если ранее не было сопровождающей машины при поездках, то года с 1932-го появилась сопровождающая маленькая машина, где находилось три-четыре человека, ехала она позади автомобиля Сталина. А ранее Сталин ездил на одной машине без сопровождения. Причем и на открытой тоже ездил. Машина Сталина была шестиместная: два человека впереди, сзади два места и откидывающиеся два стульчика. Я помню хорошо, что Сталин обычно сидел на правом откидывающемся стульчике, Надежда Сергеевна сидела сзади на сиденье. С ним в машине ездил начальник охраны Николай Сидорович Власик или его заместитель, они сидели справа от водителя. Машиной сопровождения Сталина был четырехместный «форд»-восьмерка.

Со временем охрану усилили. Начальник охраны, Николай Сидорович Власик, со своей работой, полагаю, справлялся успешно. Отбор в охрану был индивидуальным, людей подбирали преданных, надежных, весьма спортивных, с высокой боевой квалификацией. Водители были, как правило, спортсменами-гонщиками, готовыми к вождению в разных условиях. Люди, сопровождавшие машину, обладали хорошим зрением, реакцией, боевыми навыками. Охране, пусть и очень не часто, приходилось применять свои умения. Точных фактов я не приведу, но и сам догадывался по некоторым признакам, и Василий мне говорил, что такие случаи имели место. Но не уточнял.

У Сталина на даче обязательно был письменный стол, на нем аккуратно разложены необходимые для работы

документы, одна-две нужные книги, очень хорошего качества канцелярские принадлежности: ручка, чернильный прибор, часы настольные, скрепочки разноцветные (у меня до сих пор их несколько сохранилось), хорошо заточенные карандаши, обязательно красного и синего цвета, концессионной фабрики «Хаммер», которая работала в России, потом она стала называться «Сакко и Ванцетти». И удивительная аккуратность на столе! Все лежало на своих местах. Эта школа, если можно так сказать, аккуратности и правильной организации рабочего места передалась Василию. Он меня в этом отношении тоже обучал: как что нужно раскладывать, чтобы помогало в работе. Беспорядка на столе вне работы не терпелось. Кажущийся беспорядок мог быть во время работы, а по её окончании все раскладывалось по своим местам.

Е.Г.: Во время работы на даче были у него какие-то привычки? Чай, может, пил?

А.С.: Он пил «Боржоми». У него стояла бутылка с «Боржоми», стакан. Он открывал и пил во время работы.

Сталин постоянно курил трубку. У него уже были отработанные движения: он брал из коробки две папиросы «Герцеговина Флор», разламывал, разрывал и привычным движением, не глядя, ссыпал в трубку табак сначала из одной папиросы, потом из другой. Я не видел, чтобы он пользовался зажигалкой — всегда спичками. Это было настолько отработано, что происходило автоматически по ходу разговора, в процессе работы.

Василий начал рано баловаться курением: где-то брал папиросу, закрывался в укромном уголке. При отце не курил. Старался, если отец приезжает, чтобы и запаха не было. Были конфетки мятные, «Пектус», кажется, которыми он старался заглушить запах. И никогда не брал папиросы из коробки отца!

На даче лежал ковер, а на нем длинная узкая полотняная светлая дорожка, которую постоянно стирали. По этой узенькой дорожке и ходили, чтобы не испачкать ковер, который не постираешь так легко. Сталин был очень аккуратным человеком во всем. Помню, он как-то просыпал немного пепла из трубки на ковер и тут же сам щеточкой, ножиком его собрал.

У Сталина все жесты были очень размеренны. Он ходил размеренной походкой, как бы пружиня. Когда он говорил о важных вещах, чуть повышал голос, но всегда казалось, что при необходимости он ещё может его повесить. Он никогда резко не жестикулировал. И казалось: если потребуется, он может ещё шире развести руки, сделать жест более резким. Он ходил не быстро. И казалось, если потребуется — он может пойти быстрее. В выражениях он никогда не употреблял превосходных степеней: чудесно, шикарно... Он говорил «хорошо». Выше «хорошо» он не говорил, не оценивал. Мог сказать «годится». «Хорошо» — это было высшей похвалой из его уст. Но становилось ясно, что он имеет в виду более высокую оценку, нежели «хорошо». То есть казалось, что он всегда и во всем имел резерв. Не зря в военной науке отмечается, что в военном деле два человека сумели создать и

сохранить резервы для решающих действий, сохранить так, чтобы решить вопрос в свою пользу, — это Наполеон и Сталин.

Е.Г.: Умер Сталин на этой даче?

А.С.: Да. И после его смерти я там уже не бывал. Все там было закрыто. Ни Василий там уже не мог находиться, ни Светлана. И только недавно я там побывал. За это время там произошли большие перемены.

...Мы закончили разговор, и Елена Юрьевна зовет нас к столу. Каждое посещение Сергеевых заканчивается прекрасным обедом с неспешными разговорами, шутками, приятным общением.

Елена Юрьевна — превосходная хозяйка, готовящая вкуснейшие пироги, салаты, жаркое. Не позволяет ей помочь ни в сервировке, ни в уборке со стола: «Я сама». Она потчует на протяжении всего обеда, но делает это ненавязчиво. Пьем кофе. Артёму Фёдоровичу оно не рекомендовано. Но по случаю гостей пьет и он. «Катюша, ещё кофе?» — предлагает Елена Юрьевна. Я не отказываюсь. «Мамочка, — обращается к ней Артём Фёдорович, — мне тоже ещё кофе». «А ты больше не получишь. Только чай», — Елена Юрьевна шутливо категорична. «Елена Юрьевна, — обращаюсь к ней, — у Вас редкий дом, где с гостями считаются больше, чем с хозяевами».

Меня всегда провожают. Если очень спешу на электричку, то до калитки и потом машут мне вслед; если располагаем

временем, то идем до дороги. На этот раз теплым погожим вечером неспешно идем до дороги, на прощание целуемся. Дальше иду одна, оборачиваюсь: Елена Юрьевна озабоченно говорит что-то Артёму Фёдоровичу. Она — постоянно в заботах о нём. Её жизнь — служение ему. Удивительно гармоничная пара!

Сочинская дача

Договариваемся по телефону с Артёмом Фёдоровичем об очередной встрече, чтобы поговорить о даче в Сочи. Мы всегда пытаем друг друга, когда кому удобней: давайте, как удобно Вам. Нет, скажите, когда удобно Вам. Сообщаю, какой электричкой приезжаю. От платформы иду к дому Сергеевых. Артём Фёдорович вышел меня встречать к дороге. Он всегда очень радушен и приветлив: улыбается, пожимает руку, интересуется, как дела и здоровье. Открываем скромную калиточку. Думаю о том, что за ручку этой калитки брался и незабвенный друг Артёма Василий Сталин. К дому ведет дорожка, вдоль которой растут великолепные розы — подарок друзей из Донбасса. С этим краем Артёма Фёдоровича связывают давние не просто дружеские, а сердечные отношения. Он буквально влюблён и в город, и в самих донбасцев, тоже частых гостей в его доме. Да и он, особенно раньше, был нередким гостем у своих друзей-шахтёров, до сих пор свято чтящих память его отца, легендарного революционера товарища Артёма. Возле крыльца — куст жасмина в самом цвету. Запахи!!! Артём Фёдорович предлагает расположиться для разговора на террасе. Место просто райское: большие окна позволяют видеть весь сад. Обстановка располагает к неспешной беседе. Много фотографий, которые рассматриваю по ходу разговора. Вот Артём, вот они с Василием на военном корабле, вот они плавают, вот Василий сидит в лодке, только что искупавшись, с мокрыми волосами. Вот Сталин, Будённый с племянницей, Артём, Василий,

Светлана. Фотографии из семейного альбома. Некоторые, возможно, вообще остались в одном экземпляре. Артём Фёдорович с сожалением констатирует, что у него разными способами пропали многие фото: то брали журналисты и не возвращали, то вдруг просто исчезали непонятным образом.

Сегодня мы договорились беседовать о даче в Сочи. Рассказ иллюстрируют интереснейшие фотографии из домашнего архива Сергеевых.

А.С.: В 1933 году по проекту архитектора Мержанова, того, что проектировал и дачу в Волынском, была построена дача в Сочи. Как и любил Сталин — двухэтажный кубик, покрашенный, в том числе крыша, в зелёный цвет — под цвет местности. Сталин не любил ярких тонов. Размером дом был 10 на 10 приблизительно, располагался он на взгорочке.

Коридор шел от входа в сторону моря до самой терраски, до веранды. Дом был этим коридорчиком как бы разделён на две половины от входа до задней стенки, обращенной к морю. Справа по коридорчику туалет, лестница на второй этаж, маленькая служебная комнатка. Потом там, кажется, Светлана размещалась. Слева маленькая комната, вроде чуланчика. Далее комната, где располагались гости. И прямой выход на веранду. На втором этаже, если встать лицом к морю, направо было две комнатки, туалет, налево, по-моему, чуланчик. На втором этаже были комнаты, где жили Сталин и, когда приезжал, Киров.

От дома к морю шла зигзагообразная дорожка. По ней можно было ехать на машине: расстояние по дорожке до моря

было километра полтора. Дорожки на даче были посыпаны мелкой морской галькой.

Был небольшой, отдельно стоявший служебный домик для охраны. На территории дачи находилась минимальная охрана: редко можно было увидеть больше двух охранников.

Территория была огорожена, но не сплошным непроницаемым деревянным забором, а штaketником, были ворота, выходившие прямо на Приморское шоссе: направо в Сочи, налево на Мацесту, и далее на Гагру и Сухуми. Ворота легкие, перейти через шоссе, потом железная дорога — и сразу берег моря.

Е.Г.: *Это была личная дача Сталина?*

А.С.: Нет, это была государственная дача. У Сталина вообще ничего в собственности не было. Только ружье, подаренное английскими рабочими, патроны к нему он покупал, ещё был небольшой ковер с изображением Ленина, подаренный туркменскими ткачихами. Он висел у него над кроватью в кремлевской квартире.

Е.Г.: *А как Сталин, собственно, отдыхал на даче, как проводил досуг?*

А.С.: Сталин всегда и везде работал. И досуга как такового у него не было. Но он любил играть в городки, и на дачах были разбиты городошные площадки. В Сочи площадка была немножко выше дачи. В Сочи он играл с Кировым, Будённым. И Сталин, и Киров, и Будённый очень любили и много играли в городки. У каждого был свой стиль игры. Сталин бросал

биту метко и очень размеренно. Можно сказать, что лишние силы он в удар не вкладывал. Киров бил посильнее. Будённый бил так, что бита втыкалась в ограждение, пробивала его — настолько мощный был удар, сильный сам по себе. Рука у Будённого была просто железная.

Эта игра была хорошей разминкой. И как бы проверкой самого себя: а не притупился ли глаз? Не ослабла ли рука? По ходу игры всегда шёл разговор. Часто в таком разговоре конкретные события обсуждались. Причём обсуждались они таким образом: вот какие-то события произошли или происходят, о них сказали, упомянули. И кто-то как-то ударил по ходу игры. Обсуждается, каков удар, куда залетела бита — слишком далеко или не долетела. С юмором это объяснялось, комментировалось. Или промазал кто-то. То есть игры, о которой можно говорить как о развлечении, не было. Была игра, которая происходила как бы между делами, служила при этом и разрядкой. Очень остро, остроумно шутили. Юмор к чему-то всегда относился, был по конкретному поводу или касался конкретного лица.

На даче была бильярдная. Сталин хорошо играл в бильярд. Как-то он пригласил Калинина и обыграл его всухую. Калинин иронически страшно возмущался, указывая на низкое социальное происхождение партнёра (я не буду сейчас слова эти повторять), что, мол, порядочный хозяин, человек аристократического, высокого воспитания, пригласив гостя, должен был проиграть, уважить: «А ты что? (он на «ты» к Сталину всегда). Сухую мне вкатил? ».

Сталин любил и уважал Калинина. Ведь тот был своеобразный человек: высочайшего класса слесарь-лекальщик и большой специалист в крестьянском деле. И Сталин его уважал не только за преданность, ум, но и за то, что тот достиг больших высот в труде рабочего высочайшей квалификации — слесаря-лекальщика. То есть делающего деталь не по прямым линиям, а по любым конфигурациям — сложнейшая работа.

Крестьяне говорили, что Калинин мог, когда шел покос, взять косу, встать в ряд и идти так, как настоящий косарь-хлебороб. Сталин вообще очень уважал мастерство, высокую квалификацию человека в любой отрасли: пусть то будет искусство, наука — и в очень большой степени, если это непосредственно труд рабочего или крестьянина. Он очень высоко ценил людей физического труда.

Летом в августе 1934 года на даче в Сочи Сталин и Киров работали, в частности, над указаниями по составлению учебника «История СССР», который вышел в 1937 году под редакцией профессора Шестакова. Сталин сам блестяще знал историю, в том числе историю войн, знал не просто все великие сражения, но и причины этих сражений, войн, знал, каково соотношение сил, чем закончились сражения: если поражение — почему, если победа — в результате чего достигнута.

Е.Г.: Сталин хорошо знал историю войн потому, что вообще хорошо знал историю, или готовился к войне и специально уделял внимание этому вопросу?

А.С.: Он знал, что война неизбежна, и, разумеется, готовил к этому государство. Более того, в случае войны его дети, сыновья, безусловно, должны будут в ней участвовать в первую очередь. У него всегда за словом следовало дело, иногда даже сначала было дело, а потом слова об этом.

Историю Сталин не только знал, но и любил, своеобразно характеризовал некоторые исторические события. Например, говорил: «Сволочи карфагенские купцы загубили Ганнибала».

Так вот, нам с Василием были даны задания. Каждому выдана книга — учебник истории Илловайского и Бельярминова, нужно было прочитать и отвечать на вопросы, выполнять задания. Конечно, когда так близко было море, нам хотелось туда, и далеко не всегда мы отличались прилежанием. Но какую бы белиберду мы ни несли, никогда Сталин не перебивал нас до тех пор, пока мы не заканчивали говорить.

Тогда сам начинал говорить: поправлять, оценивать наши ответы. Потихонечку разъяснял, что нужно делать, как учить и на что обращать внимание.

Думаю, помимо того, что нам хотели дать знания по истории, ещё и смотрели, как усваивается тот или иной материал, что вызывает интерес или, наоборот, затруднения. Ну, пока не приехал Киров, у нас ещё было свободное время, а потом мы даже забыли, что вблизи находится море. Книги были не просто старые: над ними работал не один десяток, думается, читателей. И состояние их было, прямо скажем... И когда Сталин нам эти книги дал, мы их положили на терраску, где с Василием и жили. А терраска открытая. Убежали на

соседнюю дачу играть в волейбол. Возвращаемся и издалека видим, что этот наш взгорочек, на котором находится дача, усеян белыми пятнами, по нему ходит Сталин, нагибается, подбирает что-то. Мы поняли: что-то случилось. Подбегаем, видим, что Сталин собирает листы. Оказывается, налетел ветер, его порывом учебник (а это был тот, что достался мне) разметало, и вот Сталин собирал разлетевшиеся листы.

Увидев нас, Сталин сказал пару серьезных резких слов в мой адрес: «У тебя что, на шее задница вместо головы?» Но эта вспышка гнева была секундной. Потом очень спокойно объяснил, что в этой книге описаны тысячи лет истории, что она далась потом и буквально кровью сотням людей, которые собирали факты, записывали, различными способами передавали, переписывали, хранили эти сведения. А потом ученые историки десятки лет перерабатывали эти сведения, чтобы дать нам представление об истории человечества. А ты?!

Велел нам взять шило, нитки, клей и привести книгу в порядок. Кстати, Василий в свои 13 лет имел элементарные навыки переплетного дела. Вообще он был мастер на все руки. Пару дней мы возились с этой книгой: подбирали листы, складывали, сшивали, сделали обложку из крепкой бумаги. Работу мы выполнили аккуратно и с большим усердием. Показали починенную книгу Сталину, он сказал: «Вы хорошо сделали. Теперь вы знаете, как надо обращаться с книгами». Мы тут же пояснили, что мы и раньше не хотели её портить, мы не знали, что она совсем не сшита, и что налетит сильный ветер, который её развеет, получилось все неумышленно. Но

это был такой урок, что с тех пор я даже газету порвать не могу. И у Василия трепетное отношение к книгам сохранилось до конца жизни.

Сталин на это заметил: «Имейте в виду: у ветра может быть большая сила. Он может и помогать, и разрушать». И тут же нам сказал, что создаются ветровые двигатели, где с помощью ветра получают электроэнергию. Спросил: «Вы про ветряные мельницы знаете? Ветер у ветряных мельниц вращает валы, давит на лопасти, на крылья, вращает их, крутит вал, а вал крутит жернова, которые и размалывают зерно до муки. Есть книги про эти мельницы. Почитайте. Там вы найдете много интересного». Вот такая история была с книгой.

По ходу разговора Сталин объяснял многие вещи так просто и ясно, что запоминалось на всю жизнь. Мы с Василием, получив задания по книгам, потом отвечали на вопросы Кирова и Сталина, и я не помню, чтобы даже учителя в школе могли так четко формулировать вопросы, так толково и доходчиво объяснять. Например, отвечая, я перепутал и вместо «Плутарха» сказал «плутократ». Сталин поиронизировал на мой счет, но тут же растолковал значение слов «плутократ», а затем «демократ», «аристократ». Причем сделал это очень ненавязчиво, доступно для понимания. При объяснении значения слова «плутократ» коснулся политической и социальной обстановки в мире и стране.

Или как-то я читал текст, книга была старой. И там встретилась буква «фита» — это такой кружок, а поперек волнистая линия. Я вместо города Фивы прочитал «Оивы». Сталин объяснил, что это за буква, почему её сейчас нет.

Сказал, что нужно обучать людей грамоте, чтобы они умели читать и писать, и сделать так, чтобы обучиться можно было быстрее максимально большому количеству людей. Эти буквы — фита, ять — останутся для профессоров-лингвистов, а чтобы всем проще и быстрее научиться, азбуку немного упростили.

Ну, а если мы не очень хорошо выполняли задания, Сталин спрашивал: «Дорогой товарищ Киров, как Вы думаете, будем мы наказывать их сегодня?» Киров отвечал: «Великий вождь, давай не станем их наказывать на этот раз. Простим их». «Да? Считаете, что нужно на этот раз простить? Тогда так и сделаем, сегодня не станем их наказывать».

Е.Г.: Как часто приезжал туда Сталин?

А.С.: Сталин приезжал туда с начала 30-х годов практически каждый год. С ним выезжал и секретариат, правда, в сокращенном составе. Мы с Василием жили там с конца июля весь август в 1934 году. А приезжал Сталин не отдыхать в том смысле, в котором об этом говорят курортники, а лечить ревматизм. Он ехал на Мацестинские воды. Сначала на Мацесту ездили каждый раз машиной, а потом поставили насос, провели трубу, получился маленький бассейн или, скорее, большая ванна, чтобы не нужно было отлучаться надолго и отрываться от работы.

Каждый день он получал большую почту, работал там и телеграф. Практически ежедневно прилетал самолет «Р-5» фельдъегерской связи. Прилетал на аэродром, находившийся на территории Сочи, и предназначавшийся для легких

самолетов: Р-5, У-2 (тоже самолет Поликарпова, созданный ещё в 20-х годах, самолет-долгожитель. Он перестал выпускаться только после войны. — А.С.). Доставлялись материалы и отвозились проработанные. Сталин не любил скопления бумаг. Он к документам относился очень серьезно. И, по рассказам, никогда не допускал лишних экземпляров документов. Расчет рассылки, как правило, делал сам. И потом знали, что нужно сохранить, а что — уничтожить. Потому-то так трудно было противникам узнать планы Сталина и его решения. Ведь как узнавали? Документы прочитывали, крали их, фотографировали. А у Сталина лишних бесконтрольных экземпляров документов не было. Он очень заботился о соблюдении режима секретности.

Они очень дружили с Кировым: тот после Надежды Сергеевны был самым близким другом. Сталин очень хорошо относился к своему тестю Сергею Яковлевичу. Но у того в какой-то мере была своя жизнь. Когда Сергей Яковлевич переехал из Петрограда в Москву, первоначально у него была комната в «Метрополе». Потом, в 1931 году, он переехал на улицу Серафимовича, дом 2, квартиру там получил. Когда началась война, он часть своей квартиры отдал. А сам после этого жил, в основном, в Зубалово. Сергей Яковлевич был обаятельнейший человек. В душе — бунтарь, абсолютно бескорыстный, честный человек. Высочайший мастер: блестящий сантехник, блестящий электрик. Я не люблю превосходных форм, но о нём иначе не скажешь. Он проверял все электричество в доме, и когда для профилактической проверки приходили рабочие по вопросам электрики,

слесарным делам, сантехническим, то просто-напросто Сергей Яковлевич показывал, как и что. Хотя они и сами были мастера, но он для них был образцом мастерства. И неслучайно несмотря на то, что он был членом партии с 1896 года, был врагом буржуазии и своих хозяев, его хозяева часто прикрывали от полиции, чтобы не потерять такого большого мастера.

Когда он переехал в Петроград, работал в «Ленэнерго», и когда начался саботаж работников «Ленэнерго», то он определённое время сам возглавлял эту структуру. То есть руководил всей энергетикой и энергетическим обеспечением города.

Надо отметить, что среди коммунистов, настоящих большевиков, было немало очень высоких профессионалов в своем деле, и этот высочайший профессионализм им помогал в работе, а иногда прикрывал их революционную деятельность за счет очень высоких знаний, умения наладить или, наоборот, когда нужно — что-то разрушить.

На даче работала повариха, ее подбирал на работу Власик, что входило в его обязанности начальника службы охраны.

Не сказать о Власике нельзя. Это был подвижник, который года с 1928-го работал при Сталине, а с 1930 года он официально стал начальником охраны. Потом был начальником главного управления охраны. Основной обязанностью его было обеспечение безопасности Сталина. Труд этот был нечеловеческий. Всегда отвечаешь головой, всегда жизнь на острие. Он прекрасно знал и друзей, и недругов Сталина. И знал, что его жизнь и жизнь Сталина

очень тесно связаны между собой, и неслучайно месяца за полтора-два до смерти Сталина вдруг его арестовали. На что он сказал: «Меня арестовали, значит, скоро не будет Сталина». И, действительно, после этого ареста Сталин прожил немного.

Что у Власика вообще была за работа? Это работа день и ночь, не было 6-8-часового рабочего дня. У него вся жизнь была работа, и он жил около Сталина. Рядом с комнатой Сталина была комната Власика.

Случался у него и редкий выходной. Знаете, после такой нагрузки, такого напряжения нужна разрядка. Хорошо знают это медики, психологи, которые работают с моряками, с людьми, работающими в области космоса. Груз ответственности и обстановки на человека давит. Он не полностью восстанавливается, и в конце концов может быть психологический перегруз, когда психика не выдерживает, и человек идет вразнос.

В чем обвинили Власика? Для того чтобы оторвать его от Сталина, враги Сталина и, стало быть, враги государства говорили, что якобы когда-то Власик взял с собой какие-то продукты. Но у него не было времени стоять в магазинах по очередям. Может, и взял что-то с собой из дома Сталина. Да время Власика во сто крат дороже стоило, чтобы его терять на магазины. Его жизнь, его деятельность обеспечивали государству огромные возможности, которые трудно оценить в денежных знаках.

Он понимал, что живет для Сталина, чтобы обеспечить работу Сталина, а значит, и советского государства. Власик и

Поскрёбышев¹¹ были как две подпорки для той колоссальной деятельности, не оценённой ещё до конца, которую вёл Сталин, а они остались в тени. И с Поскрёбышевым поступили плохо, ещё хуже с Власиком.

Уважали они Сталина без-гра-нич-но! Они понимали как, может, немногие, всю значимость Сталина для существования великого государства — Советского Союза. И жизнь показала, что они были правы. И если при Сталине, сколько бы ни был он у власти, государство возвышалось, то со смертью Сталина оно в конце концов дошло до того положения, в котором ныне: на наше государство плюют и могут не считаться, приклеивать ярлыки, обвинять в отсутствии демократии. А кто скажет, что это такое? Формулировок много. Народовластие? Но где вы видели настоящую демократию? Где вообще и кто её видел? Американская демократия особенно проявилась в Югославии и Ираке. Вот, оказывается, какова она, хвалёная демократия.

Власика арестовали, потом сослали. Я его видел последний раз в конце 1963 года. В том же году я видел последний раз Поскрёбышева. С Власиком мы виделись в последний раз в Москве, с Поскрёбышевым здесь, в Жуковке. Тогда же я виделся с Матиасом Ракоши, руководителем Венгрии.

Е.Г.: Власика арестовывали еще при Сталине.

А.С.: Там такое дело. Сталин якобы сказал тогда Берии: «Власик или Ваша голова». И Власик вновь появился.

¹¹ Александр Николаевич Поскрёбышев (1891 — 1965) в 1935—1953 гг. — заведующий канцелярией генерального секретаря ЦК ВКП(б).

Власик, когда его арестовали, давал признательные показания. Мне кажется, что он не был подготовлен держать удар. Он оказался совершенно не готов к столь чрезвычайной ситуации — аресту. Знаете, так бывает, когда человеку сопутствует только успех, все его хвалят. Да, хвалят за дело, у него все получается. Но при этом он порой не готов к несправедливости, которой полна жизнь. В таких случаях нередки сведения счетов с жизнью — не может человек пережить несправедливость!

К примеру, когда я был командиром, у меня в подчинении находился человек, которого все хвалили. И я в том числе. Но однажды я совершенно умышленно допустил несправедливость по отношению к нему. Он был обескуражен. А я ему потом сказал: «Будь готов к тому, что подобное еще не раз может с тобой произойти. Учись держать удар». Нас с Василием Сталин этому учил и говорил, что жизнь полна сложностей и человек должен уметь держать удары судьбы, часто от людей приближенных. Как с Василием впоследствии и случилось.

Е.Г.: *Сталин плавал на море?*

А.С.: Нет. Сталин — горец, а горцы, как правило, не плавают. А Киров любил плавать, хорошо плавал так называемыми саженками. Киров почти каждый день ходил к морю, Сталин его сопровождал, сидел на берегу и ждал, пока Киров искупается.

Е.Г.: *Вы сами там плавали?*

А.С.: Конечно, плавали. Моя мать ещё году в 1925-26-м поехала с нами в Крым, учила там плавать таких карапузов маленьких. Мы пузыри пускали и всё такое. Мать учила и в какой-то мере выучила. Причём с нами был тогда ещё один мальчик, Женя Курский, так он, если его оттаскивали от берега, визжал и греб обратно, а нас с Василием надо было ловить, потому что мы пытались плыть от берега, на глубину. В этом в какой-то мере и характер проявляется, конечно.

Е.Г.: *На юге Сталин тоже ходил в сапогах?*

А.С.: Да, как правило. Сапоги были мягкие, шевровые, не широкие. Надо сказать, всё, во что Сталин был одет, было красиво. Сапоги были красивы. Мне одни пришлось донашивать. А когда началась война, я отправился на войну в яловых сапогах, они были там самой удобной обувью. А сталинские сапоги отдал уборщице с фабрики, где директором была моя мать. Считал, что мне они на войне не нужны, а людям пригодятся в сложное военное время. Конечно, сейчас я бы сохранил их — это же реликвия. Но вещи для нас мало что значили. Не было в нас мещанства, да и сознания того, что на твоих глазах происходит история, не было. Были у меня и его носки. Тоже не сохранились. Тогда вещи играли только практическую роль. А как реликвии мы их не воспринимали. На даче он ходил обычно в светлом полотняном костюме из «коломенки». Это материал такой, самое простое полотно, переплетение самое простое, один из способов выделки материала.

Е.Г.: *Одежду сам он себе подбирал, покупал в магазине?*

А.С.: Сапоги не знаю, где он заказывал или покупал, а костюмы ему шил Абрам Исаевич Легнер. Женщин из Политбюро обшивала в мастерской Легнера Нина Матвеевна Гупало. Это мать Аджубея. И Аджубей, собственно, стал Аджубеем как сын Нины Матвеевны Гупало. Через неё он познакомился с семьёй Хрущёва и другими. Нина Матвеевна была мастером высочайшего класса, поэтому Легнер, сам великий мастер, держал её у себя как дамскую закройщицу, и, когда Нина Матвеевна болела или была в отпуске, Легнер не принимал дамские заказы. Легнер был очень уважаемым человеком, пусть и сам кроил, то есть был портным, при этом имел звание полковника НКВД, был начальником мастерской, его туда привело его высочайшее мастерство.

Кстати, у Сталина была такая особенность. Были вопросы, в которых он считал себя достаточно компетентным и решал. Но откуда Сталин все знает, Сталин все может сделать лучше всех? А он всегда с помощью своих помощников, своим чутьём находил великих мастеров, которые являлись его советниками, хотя официально не было такой должности. Так, по вопросам пошива и портновского дела его консультировал Абрам Исаевич Легнер. По вопросам архитектуры, к примеру, — знаменитый архитектор Иван Владиславович Жолтовский. В военном деле для него авторитетом был Борис Михайлович Шапошников, маршал впоследствии. Кстати, Сталин к людям обращался обычно по фамилии. А если очень уважал, — по имени-отчеству. К Шапошникову — Борис Михайлович, к Легнеру — Абрам Исаевич.

Е.Г.: *А к своему близкому другу Кирову?*

А.С.: «Дорогой товарищ Киров».

Е.Г.: *А Киров к нему?*

А.С.: «Великий вождь». Конечно, это ирония была, ну, а на официальном уровне — товарищ Сталин, товарищ Киров. Киров понимал свою роль, свою близость душевную, и в личных отношениях у них не было никакой официальности. Только протокольная была официальность, там, конечно, не допускалось никакого панибратства. А в жизни, в личном общении можно было что угодно рассказывать, как угодно подтрунивать над некоторыми качествами, все это было именно чисто дружеское.

Е.Г.: *Сталин обращался к людям на «ты» или на «вы»?*

А.С.: На «вы», конечно! На «ты» он обращался только к близким (к Кирову, например), к детям. К людям посторонним, незнакомым, к подчиненным — на «вы». Обычное обращение — «товарищ» и далее по фамилии. Например, «вы, товарищ Петров...»

Е.Г.: *Почему именно в Сочи была дача Сталина?*

А.С.: Мацеста. Когда создавался курорт, это было очень неблагоустроенное место и единственное, чем было известно, — морем. Но в Крыму то же море, и там более благоустроено, климат лучше. А Сочи — это Мацеста, возможность водами лечить болезни суставов, и я не исключаю, что ещё и потому, что Сочи — глубже в России. Крым больше подходил для

отдыха, а Сочи — для лечения. Сохранилось много писем Надежды Сергеевны Аллилуевой к моей матери, как они стали ездить в Сочи, о том, что там сыро, болото, неблагоустроено, дожди, нотама Мацеста, лечебная вода, которая так нужна. Думаю, лечение там помогало Сталину, иначе он не ездил бы туда.

Е.Г.: *Как добирался Сталин до Сочи?*

А.С.: Поездом. На даче Сталин пользовался автомобилем, привезенным из Москвы, «роллс-ройс» 1929 года выпуска, кажется. Потом обратно в Москву его увозили. В то время не было отечественных автомобилей необходимого уровня надежности. На «Л-1» он пытался ездить, на «ЗиС-101». Но неудачно. А во время войны был выпущен «ЗиС-110», на который Сталин сел и уже постоянно на нем ездил. Сталин всегда пользовался вещами отечественного производства, а импортными только в том случае, если у нас это не производили.

В Сочи мы как-то застряли на машине, надо было подкапывать, подбежали рабочие, вытащили машину. Сталин потом их спрашивает, сколько получают в месяц, в день, час, и им деньги каждому соответственно отсчитывает. Они: «Товарищ Сталин! Что Вы! Да мы бы на руках вынесли!» Сталин: «Нет, вы работаете, а я здесь отдыхаю. Вам надо восстановить силы». Они — ни в какую не берут деньги. Он тогда: «Кто из нас здесь старший?» Ему, конечно, мол, Вы. «А старшего слушаться надо». Он не допускал, чтобы за ним был долг или задолженность какая-то — ни копейки чтобы! И он

всегда за этим следил — чтобы не быть так или иначе в долгу: все должно оплачиваться, труд человека надо уважать. Это был один из главных его принципов.

Сталин всегда благодарил людей за услуги, за работу. Вот были в Абхазии. Кто-то кого-то из ружья приветствует — бах! Тот в ответ тоже — бах! Ну и потом у этого абхазца попросили барашка. Власик это организовывал. Сталин тут же отдает деньги за барана. Тот: «Коба, Коба (на Кавказе Сталина звали «Коба». —А.С.), нет, никогда в жизни не возьму». Сталин говорит: «Я приехал сюда отдыхать. Это когда царь ехал — он со своих подданных дань собирал. А я не царь и не барин. Ты трудишься, продукт твоего труда стоит денег. Я не приехал к тебе в гости. Вот когда я приеду в гости, ты меня угостишь».

В Сочи Сталин приезжал, как правило, в августе и был до сентября—октября. Перед празднованием годовщины Октября возвращался и всегда был 6 ноября на торжественном собрании в Большом театре, 7 ноября — на военном параде и демонстрации на Красной площади.

После рабочей беседы, сидя за обедом, снова беседуем. Иногда я, попросив разрешения, включаю диктофон. Елена Юрьевна подает идеи, какие темы осветить, о чём Артём Фёдорович может поведать как никто. «Очень обидно, — говорит Елена Юрьевна, — что с этим поколением уйдёт эпоха, свидетельства о ней. И мне хочется, чтобы Артём Фёдорович оставил как можно больше воспоминаний».

Дружба с Кировым

Когда мы беседовали о даче в Сочи, вскользь упомянули о дружбе Сталина и Кирова. В то время как раз по телевидению шел очередной вал атак на Сталина в связи с тем, что он «руку приложил» к убийству Кирова. Решаем с Артёмом Фёдоровичем и Еленой Юрьевной, деятельно и сердечно принимающей участие во всех делах мужа, что расскажем о взаимоотношениях этих людей. И в очередной беседе с Артёмом Фёдоровичем Сергеевым мы говорим о дружбе Сталина и Кирова.

Е.Г.: Каковы были отношения Сталина и Кирова?

А.С.: Знакомы они были очень давно и по-настоящему дружили, эта была дружба по жизни. Чувствовалась теплота в их личных отношениях — они были единомышленниками и соратниками, но прежде всего друзьями. Это можно понять, если какое-то время наблюдать людей, а мне пришлось довольно близко наблюдать их с конца 1929 года и почти до последнего дня жизни Кирова. Надо сказать, что после Надежды Сергеевны самым близким Сталину человеком был Киров. Ближе друга у него не было. Потому первый страшный удар — смерть Надежды Сергеевны, второй удар — смерть Кирова. Смерть Надежды Сергеевны изменила Сталина в определенной мере, изменила его поведение, и смерть Кирова тоже. Это ужасные утраты, повлиявшие на его жизнь.

Надежда Сергеевна очень хорошо относилась к Кирову. В каждой семье порой случаются трения, напряжение в отношениях. Киров умел рассеять недоразумения, обратить их

в шутку, растопить лёд. Он был удивительно светлым, лучезарным человеком, и его все в доме очень любили: и члены семьи, и работающие в доме люди. Всегда ждали его появления, вспоминали, когда его не было, между собой называли «дядя Киров», хотя даже мы, дети, обращались к нему «Сергей Миронович».

Он погиб 1 декабря 1934 года. Только прошел пленум, затем был большой парад, Киров присутствовал на этом параде, речь там говорил, будучи блестящим трибуном. Блестящим трибуном! Он уехал в Ленинград, и через день произошло это страшное несчастье. И для страны, и личное несчастье для самого Сталина — он лишился друга, с которым он, если можно так сказать, делил свою жизнь, свой труд, делился с ним своими мнениями и всегда мог откровенно поговорить, получить совет, если надо — поспорить о чем-то. И хорошо посмеяться.

Е.Г.: *Сталин любил юмор?*

А.С.: Всегда. Что бы ни было, в любой ситуации. Он говорил образно, много цитировал Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Зощенко, ещё какие-то забавные вещи. И он, и Киров хорошо знали писателей-сатириков, классиков этого жанра. Зощенко Сталин с Кировым часто цитировали, поскольку это был современный автор, писавший на злободневные темы, высмеивавший пороки тогдашнего общества, метким словом старавшийся исправить эти пороки. Но никогда не цитировалась забавная

история ради самой истории. Всегда это было к слову, как подтверждение, расширение, окрашивание того, что происходило, о чем шла речь, это было своеобразной иллюстрацией темы разговора или происходящего.

Между собой они с Кировым всегда подшучивали друг над другом. Киров называл его «Великий вождь всех народов, всех времён». Говорил: «Слушай, ты не подскажешь, ты образованней меня, чей ты ещё великий вождь? Кроме времён и народов что ещё на свете бывает? »

А Сталин его называл «Любимый вождь ленинградского пролетариата». И тоже подтрунивал: «Ага, кажется, не только ленинградского, а ещё и бакинского пролетариата, наверное, всего северокавказского. Подожди, напомни, чей ты ещё любимый вождь? Ты что думаешь, у меня семь пядей во лбу? У меня голова — не дом Совнаркома, чтобы знать всё, чьим ты был любимым вождем».

Сталин и Киров всегда плодотворно проводили время даже на так называемом отдыхе. Приезжая на дачу в Зубалово, например, Киров часто брался за инструмент и шёл вместе со Сталиным вскапывать огород, окучивать, окапывать. Он любил поработать руками, как и все в семье, кстати говоря: любовь к труду прививалась и поощрялась. На даче в Сочи Сталин сам посадил лимоны, абрикосы, персики, ухаживал за ними по мере возможности, эти деревья неплохо плодоносили, и Сталин угощал и гостей, и сотрудников дачи фруктами. С Кировым они обсуждали, как лучше выращивать, чтобы больше был урожай, обсуждали, можно ли культивировать эти деревья и в других регионах, оговаривали какие-то детали.

Сталин, например, пытался на подмосковной даче выращивать арбузы. Думаю, он сам хотел убедиться, что это возможно делать у нас, а потом и распространять этот опыт по стране.

Киров любил животных, на даче жили утки, цесарки, и он ходил на них смотреть, играл с собакой, разговаривал с ней.

У Кирова со Сталиным во многом были общие вкусы, как в литературе, так и в музыке. Они порой слушали наряду с веселой, бравурной музыкой и другую: «На сопках Маньчжурии», «Варяг», «Плещут холодные волны», нередко звучали романсы Вертинского, ну и классику, конечно, слушали.

Е.Г.: Как Киров относился к вам, к детям?

А.С.: Очень тепло. К тому же Киров был приятелем моего погибшего отца и относился ко мне как заботливый наставник.

Е.Г.: Вы не считаете, что смерть Кирова была спланированным ударом по Сталину людей, знающих, как дорог ему его друг и что это действительно станет ударом?

А.С.: Когда 24 июля 1921 года в результате крушения аэровагона погиб мой отец, Буденный сетовал, мол, такая случайность, катастрофа, вот как нелепо и неожиданно. На что Сталин сказал: «Если случайность имеет политические последствия, то к такой случайности нужно присмотреться».

Так что, если говорить о случайностях—неслучайностях, то тут нужно смотреть более широко. И когда как-то вновь шел разговор о крушении аэровагона, в котором погиб мой отец и вместе с ним руководители союза горнорабочих

горнодобывающих государств, то на замечание о том, что, очевидно, вагон был недостаточно совершенен, Сталин заметил: «Так Вы думаете, что причина все-таки техническая? А может быть, политическая? Не забывайте классовой борьбы». При этом разговоре присутствовали Киров, Буденный, Жданов.

Е.Г.: Звучат версии, что Сталин завидовал Кирову и его убрал.

А.С.: Я уверен, что такие предположения — ложь. Но ложь не простая, аполитическая. Аполитическая ложь есть уже настоящий вред и своего рода, пусть даже и неумышленное, но преступление. Сталин не мог завидовать Кирову. Конечно, люди иногда завидуют в чем-то друг другу, каким-то личным качествам, которых у одного больше, у другого меньше, но в данном случае со стороны Сталина не могло быть ревности к славе Кирова, к любви народа к нему. А Кирова действительно очень любили. Да и неудивительно: он был очень обаятельный человек. Но их взаимоотношения были прежде всего взаимоотношениями друзей, которые вели общую борьбу, делали общее дело. И один из них был главой этого дела, а другой его любимым помощником, незаменимым в чём-то, верным, преданным другом. И никакой ревности быть не могло, потому что люди они были разные. Сталин был хозяин: он знал экономику, знал ведение хозяйства, знал много практического в ведении дела. А Киров был блестящий народный трибун, за которым шли люди, он умел говорить с народом, воодушевить, повести за собой, зажечь, вдохновить

на самое нелегкое дело, мог вести народ в нужном направлении. Но он не был хозяйственником. Они были в этом отношении разными людьми. Киров не был столь прагматичен, скрупулёзен в ведении хозяйства. Конечно, он понимал, что и как нужно, и мог поднять на это людей. Но не был таким хозяином в экономике, таким рачительным, дотошным, знающим и видящим на много шагов вперёд и на много времени вперёд, не видел, что и из чего происходит, так, как это знал и видел Сталин.

Е.Г.: А каковы Ваши впечатления от выступлений Сталина?

А.С.: Выступления Сталина были таковы: спокойная речь, внушающая людям уверенность. Все раскладывалось по полочкам. Все пояснялось. Люди верили Сталину, знали, раз Сталин сказал — значит, будет сделано. Всегда так было. Чтобы Сталин сказал и не выполнил — такого не было.

Сравнить, например, с Троцким. Кто-то из стариков однажды заметил: «В чем разница между выступлениями Троцкого и Сталина? Троцкий всех куда-то страстно зовет, и все готовы куда-то рваться по его призыву, а куда — не знают. Троцкий закончил говорить — никто ничего не помнит. А после речи Сталина люди знали и понимали цели и задачи как страны, так и свои личные».

Е.Г.: Были у Сталина еще друзья?

А.С.: Конечно. Орджоникидзе часто бывал в доме. Они были большими друзьями.

Кто еще был другом Сталина? Очень любил он Нестора Аполлоновича Лакобу (председатель ЦИК Абхазии в то время — А.С.), хотя тот был значительно моложе, года с 1896, думаю. У Лакобы был сын Рауф. Помню, как Лакоба приезжал погостить в Сочи. Он приехал с шофером Гришей Гагулия на новом «Линкольне», 1932 года выпуска. В Москве тогда несколько штук таких было.

Выше занимаемого положения Лакоба не мог подняться, несмотря на свои выдающиеся качества, потому что был глухим. Это тормозило, он не мог широко общаться. Он тоже был личным другом, близким, любимым. Могу сказать по всем своим ощущениям: при Кирове в доме было светлее, чем без него. При Лакобе в доме тоже было светлее. А вот когда приходил Берия, в доме становилось темнее, безусловно. Так же было, я помню, когда приехал Буду Мдивани. Сейчас это имя мало что говорит, может, больше его знают в Грузии. Его присутствие, прямо скажем, не освещало дом. И хотя тоже были разговоры и довольно раскованная обстановка, беседы на разные темы, но не было внутреннего спора, не политического, а по любому вопросу, где была бы полная доверительность, искренность и где бы в споре искали не неправоту кого-то, а выход, решение, как лучше можно что-то сделать, как из каких-то разногласий можно лучше выйти. Это всегда было с Кировым, когда приезжал Лакоба, тоже так было. Но Киров, повторюсь, был самым близким и любимым другом Сталина.

Получив известие о гибели друга и соратника, Сталин сразу с определенной им группой руководителей государства,

работниками безопасности и следствия выехал в Ленинград, определил и организовал необходимые мероприятия по расследованию и похоронам. То есть похоронами друга он занимался самым непосредственным образом. Он сам определил весь ход и порядок траурной процедуры, печальный и торжественный ритуал прощания и похорон — вплоть до поминок. Гроб с телом Кирова был установлен в Таврическом дворце.

Хоронили Кирова со всеми воинскими почестями — как воина, погибшего в бою. Везли до Московского вокзала на лафете артиллерийского орудия. Это было 107-миллиметровое орудие образца 1910 года, 1930-го года модернизации, которое состояло на вооружении 2-й ленинградской артиллерийской школы¹².

Захоронили Кирова в Кремлевской стене. Поминки были устроены в квартире Сталина в здании бывшего Сената.

На поминках было видно, что Сталину тяжело от того, что такое новое горе на него навалилось. На поминальном обеде он сказал речь. Говорил коротко, глухим голосом, не расправляя плеч, как бы сжавшись, ссутулившись, несколько раз заводил патефон с любимыми мелодиями Кирова.

У всех присутствующих было очень подавленное настроение. И вдруг как будто Сталин воспрянул, поставив

¹² Бывшего Михайловского императорского артиллерийского училища, старейшего в России, которое было преобразовано в 1918 году во 2-ю Петроградскую артиллерийскую школу (в 1937 году — во 2-е Ленинградское артиллерийское училище; теперь это Коломенское Высшее артиллерийское училище).

«Варяга» со словами: «Наверх, вы, товарищи, все по местам», а затем и «На сопках Маньчжурии» со словами: «Но верьте, ещё мы за вас отомстим». Потом Сталин сказал, что наш дорогой товарищ Киров был оптимистом, жизнерадостным человеком, если мы будем плакать, если мы будем распускать сопли (я хорошо помню именно это слово. — А.С.), то этим мы оскорбим память нашего дорогого друга. Горю — конец. Начинаем снова работать. В тяжелом труде будем с радостью продолжать наше общее дело. Это будет лучшей памятью дорогому товарищу Кирову. Дорогой товарищ Киров без страха шел на борьбу, он знал, что исход в борьбе может быть и таким лично для него, но он был уверен в нашей победе и без колебаний готов был отдать за это свою жизнь. Вытряхнем наше горе, подтвердим его уверенность в нашей победе.

В молчаливой паузе Сталин произнес слово «тризна», повторив его за словами песни «На сопках Маньчжурии»: «Справим кровавую тризну». Эта песня как одна из любимых Кировым тоже звучала на поминках.

Затем Сталин стал вспоминать эпизоды, связанные с Кировым. Среди них были и забавные. Напряжение обстановки несколько смягчилось, мрачность настроения тихонько шла на убыль. Сталин вспомнил, как они с Кировым подшучивали друг над другом. Дальше Сталин рассказал пару анекдотов. Они были очень по делу и к месту. Потом прочитал наизусть пару маленьких отрывков из Зоценко, Гоголя, Салтыкова-Щедрина. В этом он был таким мастером, что гости сначала с трудом сдерживали улыбки, а потом уже смеялись.

Таким образом, гнетущая атмосфера рассеялась. Сталин это делал необыкновенно корректно. Здесь не было никакого кощунства над поминаемым. И в то же время все ощутили, что жизнь не остановилась, она идет дальше. А ведь ему было труднее и тяжелее других, потому что он потерял ближайшего друга и бесценного помощника.

А потом, позднее, объяснил нам с Василием, что значит незнакомое нам слово «тризна» из песни «На сопках Маньчжурии».

Детдом

Как-то за обедом Елена Юрьевна обратилась ко мне: «А Вы знаете, что мама Артёма, Елизавета Львовна, и жена Сталина, Надежда Сергеевна, были содиректорами детского дома для детей членов правительства? Там и Артём с Василием воспитывались. Вместе с ними там воспитывались настоящие бездомные дети. У нас есть фотографии. Думаю, об этом тоже нужно рассказать». Елена Юрьевна принесла фотографии, показывала их с комментариями: «Вот это — Артём, это — Вася Сталин, это Тима Фрунзе, вот Таня Фрунзе, вот Женя Курский». На фотографиях милейшие карапузы лет четырех-пяти. Вот они что-то мастерят перед поддоном с глиной, очевидно. Мордахи ещё более умилительны сосредоточенными выражениями: словно детей оторвали от важного дела (да так оно и есть!), попросив посмотреть в камеру, и они недовольно глядят, чтобы через мгновение вновь заняться своим важным и нужным делом — лепкой куличиков.

А вот те же персоны, тоже очень серьёзные, выстроились для фотографирования. Нарядились по случаю кто как мог: на Артёме буденовка, подарок Михаила Фрунзе, какой-то мальчик в металлической каске, напоминающей пожарную. Вася в своей шапке похож на пасечника. Не поймёшь, кто сын или дочь члена советского правительства, а кто бывший беспризорный: все одинаково одеты, у всех короткие стрижки.

Е.Г.: *Что это был за детский дом, и чем была вызвана необходимость его создания?*

А.С.: В марте 1918 года советское правительство, как известно, переехало из Петрограда в Москву. На новом месте правительство нужно было обустроить: народу много, у всех дети. Первоначально людей расселили по гостиницам «Националы», «Метрополь», в доходный дом на улице Грановского (сейчас Романов переулок), а затем потихонечку начали обустраивать и Кремль. О детях надо было заботиться, а времени у родителей не хватало катастрофически: невозможно было уделять достаточное внимание семьям. Были дети и погибших руководителей партии, и здравствующих, которые работали день и ночь: не «от и до», а до тех пор, когда все будет сделано. А поскольку всего никогда не переделать, только-только успевали забежать в столовую перекусить там же, в Кремле.

И решено было для детей руководителей страны организовать детский дом. По этому поводу есть решение секретаря президиума ВЦИК Енукидзе, подлинный документ хранится у нас: создать детский дом, соучредителями назначить Надежду Сергеевну Аллилуеву и Елизавету Львовну Сергееву, мою маму. Под этот детский дом передали особняк Рябушинского, где в то время какое-то учреждение находилось. Учреждение переехало, здание передали детям. Дети были от двух с половиной лет до школьного возраста, шести-семи лет.

Решили так: чтобы не растить детскую элиту, взять 25 детей руководителей партии — живых или погибших — и 25

детей-беспризорников. Прямо из асфальтовых котлов их достали, привели, раздели, одежду сожгли, детей помыли. Тогда асфальт разогревали в котлах, которые долго сохраняли тепло, и беспризорники туда залезали и грелись. Одели их в ту смену белья и одежды, что была у детей, имеющих родителей.

В детдоме воспитывался Василий Сталин, сын наркома юстиции Курского Женя, дети Цюрупы, в гости приходил сын Свердлова Андрей. Детей я многих помню по именам, а кто чей сын-дочь, нам, детям, было неважно.

Е.Г.: *Как воспитывали, чему учили детей в этом детдоме?*

А.С.: Воспитывали нас там весьма идеологизированно: богатство — это плохо, бедность — не порок. Кто не работает — это плохо, кто работает — это хорошо. Есть у человека дом — это хорошо, но у многих дома нет, и нужно всегда делиться тем, что у тебя есть, с тем, у кого нет. И у кого есть дом, на воскресенье мог идти к семье, но надо с собой взять того, у кого дома нет.

Нам читали много книг, учили буквы разбирать. Мы любили рисовать и охотно это делали: на 8 марта всем мамам готовили рисунки. В песочнице что-то лепили. Давали нам кусочки, отколотые от дров, и мы из них пытались поделки мастерить. Как-то мы сделали из пустых ящиков пароход, который потом подарили другому детскому дому: повезли, ужасно гордые, что мы дарим пароход, вручили. Нам прививали любовь к труду: самое большое поощрение — если тебе доверяли более сложное дело, большой труд.

Воспитывали любовь к родителям и старшим. Тех, у кого не было родителей, обязательно брали к себе те, у кого они были, и к этим родителям шли с подарками: рисунком, поделкой. Вырезали кораблик из коры, например. Мы очень любили делать корабли из дерева, коры. Втыкали какую-то мачту, радовались.

Так мы жили с осени 1923 до весны 1927 года. Весной 1927 года наш детдом закрыли. Воспитанники выросли, пошли в школы, сирот распределили по другим домам и интернатам, Тимура и Таню Фрунзе взял к себе Ворошилов.

Об этом детском доме у всех его воспитанников остались самые лучшие воспоминания. Там воспитание было хорошее, весьма патриотичное.

Приведу пример. Нам делали прививки, уколы, ставил их доктор по фамилии Натансон. Естественно, мы страшно не любили эти процедуры, прятались от них и решили: когда мы вырастем — убьем Натансона. Очевидно, наши коварные планы стали известны, и, испугавшись таких угроз или решив, что это не тот метод, который тут необходим, сменили доктора. Новый доктор ничего не говорил, но нам было объявлено, что теперь всем подряд уколов делать не будут, а лишь тем, кто пойдет в армию. Красноармейцу нужны прививки, а остальным делать не будут. И тут понеслись все наперегонки, девочки и мальчики, на укол с криками: «И мне укол! И мне укол!» — «А зачем тебе укол?» — спрашивают. — «А я хочу в армию, быть красноармейцем!»

Пытались мы там сами мыть посуду: становились для этого в очередь, все стремились выполнять и такую работу, как

расставлять посуду на стол перед едой. Конечно, от того момента, как начинали накрывать, до того, как тарелки оказывались на столе, их количество убавлялось: мы просто вырывали их друг у друга, каждый хотел нести, расставлять — рвались работать. В итоге тарелки оказывались на полу. Поскольку потери тарелок были значительны, решили ввести дежурства, чтобы избежать споров из-за возможности поработать. Были у нас всякие щеточки для чистки и мытья полов, мы, как могли, старались убираться. Баловства там никакого не было, и самое главное, за что нужно было бороться, — за право работать. Это было почетно — что тебе доверили работу. Конечно, весьма посильную: накрыть стол, пол подмести, стульчики расставить.

Отучали нас и капризничать: накрыто, все по команде сели, а время вышло — всем встать, кто не доел — тарелку все равно забирают и уносят. После этого мы стали есть гораздо быстрее, а не капризничать: иначе унесут, останешься голодным по своей вине. И если раньше кому-то какое-то кушанье не нравилось, то тут вдруг оказалось, что все любят все и с аппетитом едят. А пища была самая простая.

Ребята в детдом и прибывали, и убывали. Но ротация была небольшая: например, родители по службе уезжали далеко и увозили с собой детей. Или кто-то приезжал на работу в Москву. Ну, а поскольку у беспризорников не было родителей, то они там находились постоянно и как завсегдатаи принимали вновь прибывающих. Это все дружно делали. Например, когда умер Михаил Васильевич Фрунзе, а вскоре и его жена, то их дети, Тимур и Таня, пришли в наш детский

дом. Нам сказали, что придут Танечка и Тимочка. А когда они пришли, мы никак не могли понять: кто же Танечка, а кто Тимочка. Потом сказали: побольше — Танечка, поменьше — Тимочка. И Танечка ходит в платице, а Тимочка — в штанишках.

За городом у детдома была дача, при ней небольшой огородик, где мы тоже ковырялись: после смерти моего отца матери дали дачу в деревне Дунино около Звенигорода, там наши родственники раз отдыхали недолго, а потом мама эту дачу передала детдому. И летом мы там жили: есть фотография, где мы на грузовике уезжаем с этой дачи. Железная дорога была в пяти километрах, а так как нужно было с собой везти складные кровати, то нас везли на грузовой машине, куда помещали имущество, на вещи усаживались все ребяташки. Устраивали так, чтобы никто не выпал, велели присматривать друг за другом, так и ездили.

Надежда Сергеевна и мама были содиректорами: они организовывали всю работу в детдоме, на них лежала вся ответственность. И если Надежда Сергеевна уезжала куда-то со Сталиным, то писала маме письма и телеграммы. Их много сохранилось: они касались и работы, и отдыха. Например, она с юга писала: «Лиза, здесь груши стоят столько, виноград — столько, это мы можем себе позволить, а вот это — не можем». Сообщала, что на базаре лучше покупать, а что в других местах, чтобы подешевле.

Е.Г.: То есть такие письма относились к периоду, когда Сталин уже был руководителем страны?

А.С.: Да, письма датированы и 1925-м, 1926-м, 1927 годами, когда Сталин был уже главой государства.

Мы с Василием Сталиным были абorigенами в этом детдоме: мы первые, кто туда попал. Первый раз меня мама повела за руку, мне два года с немногим было. Пришли, посмотрели. В следующий раз она уже взяла туда мой горшок — это означало, что меня оставляют в стационаре, со своим имуществом.

Помню, когда умер Ленин, мы ходили прощаться детдомом: был холод, и мы отморозили щеки, носы, потом нам их мазали гусиным жиром, и все прошло без следов. Осталось воспоминание и от Дома Союзов — как и что там выглядело, хотя мне и трех лет не было. И от похорон на Красной площади. Только я долго удивлялся: мы заходили с левой стороны от Спасской башни, а сейчас вход находится по центру. Потом понял: тогда, до постройки Мавзолея, был деревянный склеп, и вход в него был со стороны Спасской башни. Хорошо это все помню, и даже помню, что мы, дети, были очень огорчены, что умер Ленин.

В праздники — 1 мая, 7 ноября, в День Красной Армии и в День Парижской Коммуны (это тоже были большие праздники и проходили демонстрации) — мы мастерили красочные гирлянды, флажки, затем приходила грузовая машина, мы набивались туда стоя, чтобы все поместились. Кто стоял у борта — держали флажки. И как-то у меня, когда я держал флажок, низко опустив, его отняли — дотянулись и вырвали. Это, конечно, была трагедия. Мне все очень сочувствовали, потом пришли к выводу: слишком низко

держал — так флаг не держат; его надо кверху поднимать и держать высоко (Артём Фёдорович вскидывает руку, словно у него флаг. — *Е.Г.*) — наука мне. Нас возили по городу—праздничное катание. На демонстрации тоже водили, но недалеко, просто чтобы почувствовать праздник. И это ощущение праздника, торжества, приподнятого настроения я помню до сих пор.

Помню наших воспитателей, служащих. Как-то во время голода из голодных мест с Поволжья к нам домой приехала Анна Альбухина, у нее дети умерли. Она жила у нас, потом стала поварихой в детском доме, а затем какое-то время семье Сталина готовила.

Вообще повариха, прислуга — не было такого понятия и отношения. Было так: это наша тетя Аннушка. Мы жили дружно, домом, и тот или иной человек в доме имел те или иные обязанности. У Аннушки была в нашем доме комната, и когда детдом закрыли, а она ещё не перешла к Сталину, она там продолжала жить. Сказали как-то, что она выходит замуж и будущий муж — торговец яблоками. А мне нравились яблоки сорта розмарин. И я её попросил сказать ему, чтобы торговал розмарином.

Еще повариха была Анна Степановна, которая затем работала в столовой в «Доме на набережной». У нее был сын Гаврюша, который тоже жил в детдоме у нас. Потом он работал на Мосфильме, мы встречались и после. И они к нам в гости приезжали.

К сожалению, нас, детдомовцев, очень выкосила война, после войны нас осталось мало. Мы поддерживали отношения,

но и оставшихся разнесло по городам и весям. Мы держались, как бы сказать, общиной, что ли, как лицеисты, может. И всегда с теплотой и благодарностью вспоминали то время и наш детский дом на Малой Никитской, дом 6.

«Рублёвские дети» войны

Подолгу Артём с мамой жили на даче в деревне Жуковка, где мама Артёма Фёдоровича ещё до войны, в 1937 году приобрела домик. В самой Жуковке, соседних Усове, Барвихе, Горках с ними соседствовали разные люди. Артём Фёдорович рос здесь, многих знал и до войны, и после — тех, кто вернулся. «Рублёвские дети» той поры и война — об этом наш разговор, идея которого принадлежит жене Артёма Фёдоровича Елене Юрьевне. Звоню как-то в очередной раз, чтобы договориться о встрече, трубку берёт Елена Юрьевна и, прежде чем передать её мужу, говорит: «Вы знаете, Катя, мне кажется, надо написать о детях правительства той поры, ведь Артём всех их знал, они дружили, общались. Невозможно смотреть телевизор! Говорят о какой-то золотой молодёжи, показывая Рублевку. Да какая она золотая?! Надо рассказать о той поре. Ведь нынешние правители отгораживаются от народа и отгораживают своих детей заборами и прочим средствами. А те были плотью от плоти народа и целиком разделили его участь. О них надо рассказать!»

А.С.: В своё время по Рублёвскому шоссе в сторону Успенского находились государственные дачи, на которых жили некоторые руководители советского государства с семьями. Дач было не так много, не все даже были огорожены, а если и были заборы, то довольно скромные. И жизнь была как бы на виду. Мы, дети, — и дачные, и деревенские — играли, дружили.

Дальше всех, в Успенском, жил член Политбюро Николай Михайлович Шверник. Его дочь во время войны работала в военном госпитале.

Часто на рублёво-успенских дачах бывал старый большевик Фёдор Никитич Самойлов, депутат IV Государственной Думы от фракции большевиков, рабочей курии, избранный в 1912 году, один из пяти депутатов-большевиков, которые в 1914-м были арестованы, судимы, сосланы в Сибирь. После революции он вернулся, активно работал, впоследствии был директором Музея революции. Его сын, инженер, с начала войны ушёл на фронт в звании младшего лейтенанта, в конце 1941 года погиб.

Ближе была дача члена Политбюро, секретаря ЦК партии Андрея Андреевича Андреева. Его сын был бортинженером бомбардировщика дальнего боя. Слава Богу, прилетел столько раз, сколько и улетал — жив остался. Его дочь, и ныне здравствующая Наталья Андреевна, работала в эвакогоспитале.

«Горки-4» — дача Сталина «Зубалово». Старший сын Сталина Яков 1907 года рождения — инженер-электрик, окончивший электромеханический факультет Института инженеров путей сообщения и железнодорожного транспорта. Он окончил и артиллерийскую академию, ушёл на фронт, воевал. Он долго считался пропавшим без вести, потом якобы оказавшимся в плену. Но нет ни одного достоверного, подлинного документа, свидетельствующего, что Яков находился в плену. Вероятно, 16 июля 1941 года он был убит в бою. Думаю, немцы нашли при нём его документы и устроили

такую игру с нашими соответствующими службами. Мне в то время пришлось быть в немецком тылу. Мы видели листовку, где якобы Яков с немецким офицером, который его допрашивает. А в моём партизанском отряде был профессиональный фотограф. Он на мой вопрос, каково его мнение — фальшивка это или нет — ничего сразу не сказал и лишь через день уверенно заявил: монтаж. И сейчас криминалистическая экспертиза подтверждает, что все фотографии и тексты Якова якобы в плену — монтаж и фальшивка. Конечно, если бы Яков, как утверждали немцы, попал к ним, то они бы позаботились о достоверных свидетельствах, а не предъявляли бы сомнительные: то фотографии размытые, то со спины, то сбоку. Свидетелей тоже в итоге ни одного не оказалось: то они знали Якова лишь по фотографиям, но в плену опознали его, то такие же несерьёзные свидетельства. У немцев хватало тогда технических средств, чтобы и на киноплёнку снять, и на фото, и записать голос. Ничего этого нет. Таким образом, очевидно, что старший сын Сталина погиб в бою.

Е.Г: *А что думали дома: что Яша в плену или погиб?*

А.С.: Тогда домашние серьезно полагали, что он в плену.

Василий же после окончания Качинского военного летного училища был направлен в боевую часть, вступившую в войну с самого начала, был тяжело ранен, после лечения вновь вернулся в боевой строй. Был награжден помимо других наград двумя орденами Боевого Красного Знамени.

Ближе к Москве, рядом с деревней Калчуга, «Горки-2». Там жили Ворошилов и Микоян. У Ворошилова в семье жил Тимур Фрунзе, который уходил на фронт из этой семьи. Туда же и похоронка пришла. Поскольку вскоре после смерти Михаила Васильевича Фрунзе умерла и его жена, то Тимур, оставшись круглым сиротой, жил, как и его сестра Таня, у Ворошилова, так как никакой родни у них не было. Воспитали их Ворошилов. И он вообще многое сделал для них. Тимур, летчик-истребитель, погиб в январе 1942 года, ему было 18 лет. Какой это был прекрасный человек! Очень умный, очень справедливый — рыцарь в полном смысле этого слова. Тимур по всем характеристикам и задаткам был человеком выдающимся.

Ведь Тимура не должны были отправлять на фронт. Дело в том, что он закончил летное училище, но не прошел школу боевого мастерства. То есть опыта воздушных боев у него не было: летать научился, а воевать — еще нет. А у немецких летчиков уже имелся большой опыт боевых действий. И потому Тимур должен был остаться в Москве в войсках ПВО, когда полк его отправлялся на фронт. Но какой он устроил скандал! Ворошилов говорил мне, что Тимура таким никогда не видел. Он встретил Тимура в Кремле: «Все равно на фронт пойду! Самолет не дают, но винтовку- то дадут мне! Что я здесь, в ПВО, как милиционер, нарушителей должен ловить? Нет, я воевать хочу! Врага бить!» Он был действительно необычайно воспитанным, благородным, сдержанным человеком, а тут кричал. В итоге добился своего, попал на фронт. И погиб.

А Володя Микоян? Такая же ситуация. Тоже закончил летное училище, но не прошел школу боевого мастерства. И тоже оставляли его в Москве, он был определен в ПВО Москвы. Он говорит: «Я здесь нарушителей буду ловить?» Кричал: «Будь проклята ваша фамилия, если меня из-за нее на фронт не берут!»

У Ворошилова часто гостил племянник, сын его родной сестры Коля Щербаков. Окончив ускоренный курс артиллерийского училища в 1943 году, Николай ушел на фронт и в 1945 году погиб.

В Горках-2 жил, как уже сказано, и Микоян. У него было пятеро сыновей. Старший сын Степан — летчик-истребитель. В возрасте 19 лет был разбит во время воздушного боя. Долго лежал в госпитале, благодаря великому хирургу Александру Николаевичу Бакулеву остался не только жив, но и способен к лётной работе. Стал после войны летчиком-испытателем и как летчик-испытатель получил звание Героя Советского Союза. Сейчас Степан Анастасович Микоян — генерал-лейтенант авиации в отставке.

Второй сын Микояна Володя — тоже лётчик-истребитель. Погиб в сентябре 1942 года в воздушном бою. Было ему 18 лет и два месяца. Он — беспримерно храбрый воздушный боец, старший лейтенант, к моменту своей гибели уже награждённый орденом Красного Знамени. Меня в то время вызвали с фронта в Москву получать орден Красного Знамени. В это же время в Москве оказался Василий, прилетевший со Сталинградского фронта.

Как всегда, я позвонил Ашхен Лазаревне Микоян поздороваться, сказать, что я в Москве. А 18 сентября 1942 года звонит мне Ашхен Лазаревна и говорит: «Артём, я себе места не нахожу, мне так плохо, позвони, пожалуйста, Василию, он здесь, я не могу, я боюсь за Володю. Мне неудобно самой. Скажут: лётчик воюет, а мать по начальству звонит. Пожалуйста, спроси у Василия, как Володя». Я сразу Василию: «Как у Володи дела?» Он отвечает, что всё в порядке. Мол, когда я улетал, приказал до моего возвращения Володю в воздух не выпускать, так что все в порядке, жив-здоров.

А оказалось, что Володю в этот день выпустили, и он погиб. Именно в этот день, когда мне звонила Ашхен Лазаревна.

Оказывается, представитель Ставки по авиации Новиков был на их аэродроме. Видит, что Володя сидит очень грустный. Он у него спросил, как дела, поскольку знал его. Володя говорит, что какие тут могут быть дела — самолёт не дают. Тот: «Кто не дает?» И как представитель Ставки приказал дать самолет.

Техником самолета был Або Шаракшане, по национальности бурят. Впоследствии крупный ученый, академик, доктор наук, профессор, лауреат Государственной премии, ушедший из жизни в 2005 году. Або мне рассказывал, что Володя радостно кричит: «Або, готовь самолёт, пошли сейчас». Потом у Микоянов я видел доклад командира полка Ивана Клещева о том, что произошло, что был за бой. Такие люди, как Тимур Фрунзе, Володя Микоян, Василий Сталин рвались в бой, их нужно было сдерживать. Они не думали об

опасности. Ну, вот идет воздушный бой. Время вышло, нужно уходить, собирается ведущий уходить, а Володя зажѐг немецкий самолет И за ним кинулся. Потом Фѐдор Фѐдорович Прокопенко, их с Василием инструктор в лѐтном училище, после воевавший с ними в полку, говорил: «Он лѐтчик молодой, горячий, не смотрит, что сзади делается, а у него уже на хвосте «худой» сидит (так лѐтчики называли «Мессершмидт-109». —А. С.). И всё». Так он и погиб. Удивительно, как Ашхен Лазаревна это почувствовала.

Так и Тимур Фрунзе погиб, как Володя Микоян. Это не было безрассудство: у них желание уничтожить врага, напавшего на Родину, было выше заботы о собственной безопасности, и они просто кидались на немца, завидев его.

Кстати, и с Василием Сталиным был схожий случай. И в той ситуации его буквально спас от смерти Фѐдор Прокопенко. Та же ситуация: Василий кинулся за немецким самолѐтом, ни о чем не думая, а только о том, чтобы убить врага, и не смотрит, что у него на хвосте уже другой немец сидит. Это гробовое положение — верная смерть! А Фѐдор Фѐдорович того буквально грудью с хвоста у Василия выдавил, показывая, что идёт на таран. «Когда сели, на Василия накнулись свои же лѐтчики, материли его!» — вспоминал Прокопенко. Были ужасно злы на него за такое поведение в бою. Василию сказали: «Ты — командир полка, но не только командир. У тебя фамилия, которую ты тоже должен защищать. Ты не должен так безоглядно бросаться». А тот только улыбался виновато и подарил потом фотографию

своему спасителю с надписью «Фёдору Фёдоровичу Прокопенко. Спасибо за жизнь. Жизнь — это Родина».

Ещё один сын Микояна, Алексей Микоян, 1925 года рождения, летчик-истребитель, успел не только повоевать, но и к 1945 году сильно разбитый лежал в госпитале. Он был генерал-лейтенантом авиации в отставке, умер в возрасте 60 лет.

Четвёртый сын, Иван, по возрасту летать ещё не мог, но, будучи совсем мальчиком, стал механиком-мотористом в боевом полку, где летали его старшие братья: он им готовил машины для полётов, а плохая подготовка могла плохо кончиться для лётчика. И он отвечал, таким образом, в какой-то мере за жизнь собственных братьев и остальных лётчиков. Затем Иван Анастасович стал крупным военно-авиационным инженером.

Михаил Максимович Кульков, имевший дачу неподалеку в Усове, был секретарем Московского комитета партии. У него было два сына. Старший, Саша, 1918 года рождения, в бою потерял ногу. Второй сын, Борис, 1922 года рождения, пропал без вести в самом начале войны. Вероятнее всего погиб, а похоронить, сделать соответствующую запись в начале войны было очень сложно: противник наступал быстро. И штабам вести соответствующую переписку было очень трудно. Борис, повторяю, скорее всего погиб.

В Усове жил Хрущёв. Его сын Леонид, летчик-бомбардировщик, в 1941 году был тяжело ранен. После выздоровления стал летчиком-истребителем, погиб в 1943 году в воздушном бою. Старше меня на четыре года, он

был кумиром для нас. Когда он появлялся — сразу становился героем дня. Сорви-голова парень. На велосипеде мог съехать с крутой лестницы или с высокого берега с разгона прямо на велосипеде — в реку.

Далее дача, где жил нарком лесного хозяйства и его первый заместитель Рудаков. У него был сын Игорь Рудаков. Он погиб в бою.

У первого заместителя министра судостроительной промышленности Разина сын-пулемётчик был тяжело ранен, и в течение первых восьми месяцев после ранения было мало надежды на выздоровление.

В Барвихе жил начальник главного управления авиационной промышленности Пётр Ионович Баранов с семьёй. Сам Баранов погиб в 1933 году в автокатастрофе, а его сын Юра совсем молодым погиб во время войны.

По Рублевскому шоссе была и дача секретаря Президиума Верховного совета СССР Горкина. Его сын Юра Горкин, мой ровесник (мы с ним очень дружили), считался для строевой службы непригодным: был болен, однако успел и на финской войне побывать, и на Великую Отечественную ушел. Юра пропал в 1941 году, и дома ничего не знали, что с ним, а он воевал в партизанском отряде, пока не закончились партизанские действия.

Потом он закончил МВТУ, где учился до войны.

Похоронки получили многие семьи, жившие тогда по Рублёвскому шоссе.

Е.Г.: *Сын Сталина, сыновья Микояна были лётчиками, Вы — артиллерист. На ваш выбор влияли отцы?*

А.С.: Отцы влияли, но не уговорами, не требованиями, а примером и пониманием: отцы установили советскую власть, отцы создали великий Советский Союз, и святая обязанность их детей сохранить то, что создали отцы, — СССР. Было совершенно ясно, что война приближается и надо будет защищать Родину от врагов. Когда я в 1938 году пришёл в военное училище, комиссар училища — полковой комиссар Емельян Алексеевич Лисичкин — собрав нас, буквально пропел строки песни, популярные в то время: «И на вражьей земле мы врага разобьём малой кровью, могучим ударом». А дальше объяснил: «Это не для нас, военных, а для домохозяек, чтобы они раньше времени не волновались. А для вас скажу: современная война может длиться даже и пять лет. Может, и меньше». Лисичкин погиб на внешнем кольце окружения Сталинградской группировки. Замечательный был человек!

Каждый директор предприятия тогда имел пакет с пятью сургучными печатями. Он был вложен в другой пакет, тоже опечатанный. Это так называемый «мобилизационный пакет». Директор мог его вскрыть только при чрезвычайном положении. А там написано, что делать в случае войны. Моя мама была директором текстильного комбината. У неё такой пакет был уже в 1937 году. В этих пакетах было расписано, кто и где готовит себе базу: кто уходит на Волгу, кто уходит на Урал, кто за Урал, кто каким видом продукции будет заниматься во время войны.

В 1937 году были созданы специализированные военизированные школы-десятилетки. Это был 8-й, 9-й, 10-й класс, туда принимали мальчиков с крепким здоровьем и хорошей успеваемостью. Школы подготовили тысячи юношей к поступлению в военные училища. Я очень хотел стать лётчиком, но школы были объявлены артиллерийскими, было заявление Сталина о необходимости и значении артиллерии. Был и лозунг ЦК комсомола «Молодёжь — в артиллерию». И когда объявили, что специализированные школы будут артиллерийскими (было еще две авиационных и одна морская), то я несколько дней страдал, потом понял: раз сказано — в артиллерию, значит, так надо. Я, член комсомола, гражданин своей страны, знал, что должен выполнить ту задачу, которая поставлена. Не как я хочу, а как нужно стране.

Да, кое-кому было разрешено из этих школ пойти в лётные училища: например, Василий Сталин пошел в лётное училище после 9-го класса. Это и было его привилегией, такая привилегия была и у Тимура Фрунзе. Привилегия драться в бою. А ведь лётчик дерётся в открытом бою напрямую с противником.

Кстати, Василий мне говорил, что отец ему сказал, мол, в нашей семье уже есть один артиллерист и для одной семьи этого достаточно. Ведь Яков учился в артиллерийской академии. Хотя Василий, как и многие мальчишки и юноши той поры, мечтал стать летчиком, но когда спецшколы были объявлены артиллерийскими и прозвучал лозунг «Молодежь — в артиллерию», собирался последовать этому призыву. Он, что бы о нем сейчас ни говорили, был человеком

дисциплинированным, обязательным, прежде всего думающем о деле. Был большим и настоящим патриотом своей страны. И если сказано — он делал не так, как хотел, а как необходимо Родине. Но Сталин считал, что если два его сына будут артиллеристами, то это станет невольным выделением артиллерии и может получиться ненужный перекоп. Сталин все продумывал и понимал, что нельзя выделять один род войск. Поэтому Василий и пошел в летное училище, как и мечтал.

После ранений у меня были документы ограниченной воинской годности. Но мысль о том, что я могу остаться в тылу, не участвовать в бою, когда идут сражения за Родину, приводила в дрожь. Когда после ранения я снова приехал в декабре 1941 года под Нарофоминск, зашел в блиндаж, где были мои солдаты, то мне стало жутко: неужели я мог бы сюда не попасть? Меня могли и в тыл загнать. А здесь я среди своих, я выполняю свой долг, делаю то, что мне положено, никто не может меня упрекнуть, и я сам себя, что делаю что-то не то.

Е.Г.: В каком году Вы вступили в коммунистическую партию, в каком году вступил в партию Василий Сталин?

А.С.: Я вступил в 1940 году, будучи курсантом 2-го Ленинградского артиллерийского училища. И Василий тоже вступил в 1940 году, курсантом Качинского военного училища летчиков.

Е.Г.: Был ли Сталин горд, что его сыновья воевали? Ваша мама, Елизавета Львовна, была этим горда?

А. С.: Безусловно. Они не могли представить, что может быть иначе. Мама знала, что я буду военным. Была неясность только с родом войск.

Когда мы поступали в военную школу, там нужны были высокие оценки. И мы переживали, делились, кто как будет поступать. Тимур Фрунзе был рыцарь такой, он обладал рыцарским благородством и хорошо учился, он знал, что пройдёт; Степан Микоян тоже. А Василий ужасно боялся, что его из-за отметок не примут. Что же тогда отцу сказать: что не приняли из-за отметок? Что отец скажет? Вот где был страх — не примут в военную школу. Стыд! Перед отцом стыд! А как отцу будет стыдно и неприятно, что его сына не берут в армию! Кого же он тогда воспитал?

И наши родители гордились, что мы, сыновья, защищаем страну. «Золотая молодёжь», как порой называют детей определённых родителей, тогда была золотой по личным качествам — защитники Родины. Ответственность за Родину у нас и наших родителей была колоссальная. Мы даже не думали о том, что могут убить, не боялись этого. Война есть война, всякое бывает. Но ты должен защитить Родину всеми средствами, включая собственную жизнь. Никаких сомнений в этом ни у нас, ни у наших родителей не было.

P.S. Артём Фёдорович Сергеев начал войну лейтенантом, командиром артиллерийской батареи, закончил подполковником, командиром артиллерийской бригады. Был четырежды ранен. Во время войны награждён семью орденами и шестью медалями.

Искусство, спорт

Артём Фёдорович в своем возрасте находится в прекрасной физической форме: чувствуется закалка, он подтянут, точен в движениях. У них с Еленой Юрьевной немало друзей и знакомых среди деятелей культуры и искусства: с Леонидом Коганом, Эмилем Гиллельсом Артём Фёдорович дружил десятилетиями. У Сергеевых большая библиотека, где немало книг по искусству. А каким было в семье Сталина отношение к искусству, спорту?

А.С.: Сталин не увлекался одной какой-то темой, он был человеком всесторонним. И когда шел о чём-то разговор, то по ходу приобретал широкое звучание, круг тем брался обширный, охватывались сразу многие проблемы, беседа, таким образом, касалась не только этой темы, происходило не узкое освещение какого-то вопроса, но обсуждение касалось и того, что вокруг, что влияло, помогало, что, может быть, мешало.

У Сталина была прекрасная память. Он много читал, и первый вопрос, который задавал при встрече: что ты сегодня читаешь, о чем там написано, кто автор? Нужно было на его вопрос ответить: о чем читаешь, кто автор; обязательно — откуда он. Думаю, он неплохо разбирался в искусстве и подходил к произведению и с точки зрения мастерства, и с классово-социальной точки зрения: с каких позиций написано. Он с нами на эти темы беседовал. Сталин говорил: «У нас много прекрасных историков, писателей, но человек пишет так, как он видит, понимает и чувствует. Он не может быть

абсолютно объективным. Если человек вышел из среды рабочих, то главный упор у него — на работу и жизнь именно рабочих, а другие классы им освещаются меньше, потому что он жизнь рабочих знает лучше. Человек из крестьянской среды лучше напишет о жизни, положении крестьян. Настоящий писатель хочет написать лучше, а лучше он напишет о том, что сам пережил, сам лучше знает».

Например, он нас с Василием посылал в театр, именно посылал и говорил: «Посмотрите такой-то спектакль». А после просмотра спрашивал: что там, о чём, кто автор? Как-то мы отдыхали в Сочи. Тогда ещё не было сочинского Большого театра, а театральные постановки осуществлялись в небольшом зрительном театральном зале в Ривьере, и гастролирующие театры выступали там же. Мы смотрели пьесу «Исторический замок», поставленную Театром Революции, ныне имени Маяковского. Я попытался рассказать, о чем спектакль. Сталин спрашивает: «Кто автор?» А я ответить не мог. Он, укоризненно покачав головой, сказал: «Эх ты, деревня!» И после секундной паузы добавил: «Не коллективизированная».

Он всегда думал о важном и первостепенном в происходящей жизни. Например, я рассказывал ему, как возник колхоз в деревне Усово, это становление происходило у меня на глазах. Сталин очень интересовался: «А кто председатель? А сколько дворов? О чем говорили? Есть ли трактор и другая техника?» Живо расспрашивал и заинтересованно выслушивал.

До этого мы с матерью жили на Кавказе. В 1928—1929 годах, до начала 1930 года, мать занималась вопросами коллективизации Вольного аула и селения Актопрак около города Нальчика. Сталин расспрашивал: «Если ты слышал, знаешь, кто руководит, сколько людей, о чем они говорят, как они идут в колхоз, какие разговоры вокруг этого, что об этом думают люди, — расскажи».

Пытаются нынче талдычить, что он был оторван от жизни, от народа. Это неправда. Он всегда живо и больше всего интересовался делом, людьми в настоящем деле. Такие разговоры о конкретных людях и делах были у нас с ним не раз, допустим, о шахтерах. Он нам рассказывал о Никите Изотове¹³, о том, что это человек, как много и хорошо он работает.

Е.Г.: А книги для чтения Сталин выбирал сам или ориентировался на вкусы друзей, соратников?

А.С.: Сам. Книги выбирал сам. Он просматривал и прочитывал огромное количество литературы. Я сам не считал — сколько, но видел, что с утра до ночи он работает, видел, что он постоянно что-то пишет, читает. Ему подносят, уносят документы. Был комиссар артиллерийского управления Георгий Савченко, который знал ещё родителей Сталина, знал его самого хорошо и близко. У него написано, что Сталин в день просматривает около 500 страниц. Думаю, так оно и есть.

¹³ Никита Алексеевич Изотов (1902-1951)— рабочий-шахтер, один из зачинателей стахановского движения.

Е.Г.: *Это художественная литература или научная?*

А.С.: Разная. Он никогда не ограничивал себя каким-то кругом авторов, а брал все и из всего делал выводы: кто есть кто, что есть что, из чего и как можно сделать что-то на пользу советскому государству.

Е.Г.: *Бывали ли в доме гости — деятели искусства?*

А.С.: При мне нет. А вообще бывали. Я помню только, как кинорежиссер Чиаурели приходил.

Е.Г.: *Он был просто в гостях, или это был официальный визит к главе государства?*

А.С.: Когда к Сталину в дом приходили люди по работе или просто в гости (но так или иначе это всегда было связано с работой), то приходили просто в хороший дом хорошего человека. У них при этом шел серьезный разговор, интересный всем. И, безусловно, это было полезное общение для всех присутствующих. Сейчас некоторые утверждают, хотят уверить, что если люди шли к Сталину, то чуть ли не на Голгофу. А если не на Голгофу к нему, то от него уходили на нее. Это ложь! Совершенно не так! Люди приходили, и шли интереснейшие, серьезнейшие разговоры. Причем никогда серьезность, значимость этих разговоров не была окрашена в мрачный тон какого-то допроса, требования, не было жестких рамок. Сталин всегда мог раскрыть человека, именно раскрыть, чтобы понять его. Он старался понимать людей, их мировоззрение. Например, так было, когда он говорил о Белой армии. Он никогда к деятелям противной стороны, как мне казалось, не относился определенно и безусловно как к

врагам. Да, были враги, были классовые враги, а были люди случайные, и Сталин зачастую говорил: «Как жалко, что люди, которые вышли из народа, оказались с другой стороны, предав народ и его интересы. А почему на той стороне? Многие по своим убеждениям, потому что они попали в чуждую среду, в чуждый им класс, получили там воспитание, материальное благополучие. Многие по традиции, потому что понимание чести и совести требовало. Они не осознавали, что заблуждались, они поверхностно на что-то смотрели, не понимая, что своему классу и народу они изменяли как раз таким образом. Были и злобные люди, защищавшие свой строй, порядок, традиции, имущественное положение. А многие оказались на той стороне не в силу убеждений, но по причинам чисто территориальным: движение шло там, человек оказался там и в том стане». Он нам это в разговорах объяснял.

Е.Г.: При Сталине было мощное движение по ликвидации безграмотности, открывались библиотеки, кружки, театры. Видимо, он считал, что через искусство можно перевоспитать, сделать нового человека?

А.С.: Я не слышал такого нарочитого специального разговора о перековке какой-то. Он склонялся к тому, что у человека должны быть и, как правило, есть убеждения. Кого-то можно переубедить, кого-то нельзя. С этим надо считаться и иметь в виду.

Е.Г.: *Сталинские премии в области искусства были, скажем современным языком, престижны и авторитетны. Их присуждение было инициативой Сталина, или он поддержал чью-то?*

А.С.: Деталей я не знаю, как все это задумывалось. Но, как известно, это его инициатива и его деньги. Как правило, он определял, кому дать премию. А деньги шли из гонораров за миллионные тиражи его трудов. Он как таковых денег не держал, а распределял, куда они должны пойти. Надо отметить, что все свои труды он писал сам. Писал обычно от руки. Не в тетрадях, а на листочках. Ему приносили запрашиваемые им документы, материалы. Он был обложен книгами, газетами, брошюрами, просматривал материалы, сразу же писал. Написанное определялось по местам, куда пойдет: что-то в прессу, что-то в архив, что-то в качестве рекомендаций, а что-то было строго секретно с длительным сроком хранения. Что-то было в одном экземпляре, что-то — в нескольких, а потом все экземпляры, кроме одного, нужно было уничтожить. Он сам всегда определял расчёт рассылки. И при всем обилии материалов у Сталина на рабочем столе всегда был строгий порядок.

Е.Г.: *Были у Сталина любимые цвета?*

А.С.: Нет, я не замечал, чтобы он отдавал предпочтение какому-то цвету. Вот дачные домики он красил в зеленый цвет — это было его предпочтение. Но, думаю, скорее это просто под цвет местности окрашивали. Он, как я уже говорил,

вообще не любил броскости, яркости, вычурности. Тона и цвета предпочитал сдержанные, не бросающиеся в глаза.

Е.Г.: Может, это дань революционному прошлому и необходимости конспирации, когда привлечение к себе внимания, в том числе яркостью цвета, было нежелательно?

А.С.: Не знаю. Возможно. Привлекать к себе внимание, выделяться чем-то внешне броским он, действительно, не любил.

Е.Г.: Какие жанры, виды искусства он особенно любил, в чем это проявлялось? Были у него любимые актеры, певцы, писатели?

А.С.: Да, надо сказать, он любил кино. Фильмы Эйзенштейна, Александрова очень нравились ему, любил и ценил, как играет Орлова. Бывал в Большом театре нередко. Нравилась ему «Псковитянка», «Царская невеста». Понравилась ему опера «Хованщина»: музыка, постановка. После спектакля, когда собрались в комнате за театральной ложей, он похвалил постановку, с исторической точки зрения оценил оперу, объяснил, что явилось мотивом её написания.

Нравилась Сталину балерина Марина Семёнова. На 17-летие Советской власти 6 ноября было торжественное собрание и концерт, среди многих номеров прекрасно, с блеском Семёнова исполняла «Кавказский танец». Танцевала в светло-серой черкеске и каракулевой светло-серой «кубанке», и когда она последним жестом сдёргивала «кубанку» с головы, у нее по плечам рассыпались белокурые волосы. Впечатление на зрителей это производило огромное,

все кричали «браво», «бис». Семёнова не повторяла номер, но пришла поклониться к левой ложе, где сидел Сталин (прямо над оркестровой ямой почти у самой сцены). Все кричали «бис», Сталин наклонился к балерине, что-то ей сказал, может, слова поощрения. Она кивнула, дала оркестру жестом какой-то знак и повторила танец. Затем, после концерта, все собрались в комнате за этой ложей, обменивались мнениями, и я слышал, как Сталин сказал: «А Семёнова лучше всех».

Он любил то, как мне кажется, из чего можно извлечь пользу для дела, для его государства, для проводимой им политики, что могло принести наибольшую пользу и дать наивысший эффект. Да, любил кино, артистов. К примеру, был народный артист СССР Алексей Дикий. Я много разговаривал с его сыном, тоже артистом. Его дом был — сплошная богема при абсолютной простоте и даже скудости. На столе — водка и совершенно простая закуска. Так вот, он рассказывал, что после того, как Дикий сыграл Сталина в фильме, Сталин его пригласил, они беседовали. Сталин спросил: «А каким Вы играли товарища Сталина?» На что артист ответил: «Я играл товарища Сталина таким, каким его видит народ». Сталин сказал: «Да». Взял со стола бутылку коньяка, протянул её артисту и сказал: «А это Вам за ответ». Он понимал, что он не Бог, а человек.

Е.Г.: Но, думается, Сталин понимал, что люди в нем видят идеал. Было ли ему, на Ваш взгляд, трудно соответствовать этому идеалу?

А.С.: Соответствовать народному идеалу в полном объеме, когда он находился на людях, — это одно. Существовало много писателей, журналистов, ответственных работников, которые могли формировать его образ. Он всё это очень хорошо понимал. Взять его разговор с Фейхтвангером¹⁴. Тот говорил, что образуется культ: куда ни помотришь — везде Сталин. Сталин на это сказал примерно так: «Люди должны во что-то верить. Царя нет, Бога отняли, а верить во что-то надо».

Е.Г.: *Сталин любил и классическое искусство (оперу, балет), и народное. Как вы думаете, Сталин понимал, что развития требует не только индустрия, но и искусство?*

А.С.: Я уверен, что понимал. Вспомните его фразу: «Такие, как Лещенко, есть, а Вертинский — один». И он прекрасно понимал, что новый уклад жизни требует и новых произведений, новых стилей, новых жанров. Они и появлялись.

Е.Г.: *Говорят, что у Сталина было рябое некрасивое лицо.*

А.С.: Были очень мелкие несколько оспинок, которые и видны-то были только с очень близкого расстояния. Они ни в коей мере не портили его лицо, не делали его неприятным. Даже оживляли его, были к месту. Он был очень обаятельный. Кира Павловна, племянница Надежды Сергеевны, которая пострадала в свое

¹⁴ Фейхтвангер Лион (1884—1958) — немецкий писатель. В конце 1936-го — начале 1937 года посетил СССР и был принят Сталиным. Пребыванию в СССР Фейхтвангер посвятил очерк «Москва, 1937».

время, тем не менее, на вопрос, каким был Сталин, говорила: «Если правду сказать, он был обаятельный».

Е.Г.: Кто подстригал его?

А.С.: Усы он стриг сам. Брился, думаю, тоже. А вот у кого стригся? Говорят, он ходил в кремлевскую парикмахерскую. Я его там сам не видел, хотя, например, видел там Калинина и разговаривал с ним. Но говорили, что и Сталин там стригся. Помещение бывшей парикмахерской сохранилось, оно находилось в Кавалерском корпусе.

Е.Г.: В те времена был расцвет спорта, физической культуры. А сам Сталин занимался спортом в какой-то форме? Может, утреннюю гимнастику делал? То и дело слышишь о том, что у него одна рука была «сухая». Насколько это было заметно и было ли так вообще?

А.С.: Левая рука у него в локте до конца не разгибалась. Но если кто этого не знал, мог и не заметить. Потом говорили, мол, одна была короче. И по длине, и по объему руки были одинаковы — я общался очень близко, но не заметил разницы какой-то. Любил он «городки» и с удовольствием в них играл, бильярд любил, кегли с тяжелыми шарами. Сталин хорошо стрелял из пистолета, револьвера, винтовки, из охотничьего ружья. Он тренировался в стрельбе, пусть и не очень часто: ставил ружейную гильзу на парашют и стрелял в нее из пистолета. Брал нагановскую гильзу и стрелял из малокалиберной винтовки. О-очень метко стрелял! Очень метко! И нам с Василием говорил: «Оружие надо знать, стрелять надо уметь». Под Нальчиком была дача «Затишье»,

где и я бывал часто, поскольку моя мать тогда работала директором санатория возле Нальчика на хуторе Долинском. Около этой дачи росла черешня. Мы с Василием залезали на эти деревья, собирали черешню, ели. Очень сладкая она была. Мы с Василием, как и многие мальчишки, наверное, любили лазить по деревьям. В 1929 году летом на той даче жили и Светлана, и Василий, и сам Сталин. Однажды Сталин спросил меня: «Ты стрелять умеешь?» Я ответил, что немножко умею. Он взял пневматическую винтовку немецкой фирмы «Диана», дал мне, поставил папиросную коробку, чтобы я в нее попал. Я попал. «Ещё раз попади», — говорит. Попал. «Ещё раз». Попал.

Тогда он взял спичечную коробку: «Попади». Попал. Сталин говорит: «Стрелять умеешь. Чтобы хорошо стрелять, надо постоянно тренироваться. Поэтому пневматическую винтовку «Диана» возьми себе и постоянно тренируйся». Тут же дал мне пульки — боеприпасы. Мне было восемь лет.

Е.Г.: Вы с Василием занимались в конной секции, на лыжах ходили. Это поощряли ваши родители?

А.С.: Мы очень любили кататься на лыжах, и особенно — кататься с гор. Тогда не было специальных лыжных креплений, катались в валенках, а на лыжах просто ремешок и резинка. И бились мы с Василием на этих катаниях здорово. Но мы знали: как бы сильно ни ушиблись, мы не должны жаловаться. И Сталин никогда не будет нам выговаривать, как другие иногда: «Ах, осторожней, берегитесь, не катайтесь». У

него не было таких разговоров, излишней опеки. Сильные ушибы у нас были: и прихрамывали, и ходили с синяками, шишками, но знали, что нам ничего не будет, если Сталин увидит, а будет плохо, если пожалуемся. Без падений в этом деле не обойтись, без них не будет успехов. И если ты на лошади едешь — тоже. Сам он в детстве ездил верхом и тоже бился. Он говорил: «Ты при этом не должен жаловаться». Мы это знали и усвоили очень хорошо: ты должен делать все хорошо, терпеть и не распускать нюни. Помню, когда появилась маленькая машина, микролитражный «форд», Сталин послал Лихачева Ивана Алексеевича за границу посмотреть и привезти машину, чтобы потом у нас выпускать. И стали у нас перед войной выпускать малолитражные машины «КИМ» (коммунистический интернационал молодежи). Лихачев привез машину, которая на даче потом находилась. И только боялись, чтобы она на глаза Сталину не попадалась, чтобы не удивлялся, почему привезенная машина вдруг на даче оказалась. А она на заводе им уже не была нужна. Мы на ней ездили. За машиной — на лыжах. А дороги там — то лёд, то кое-где песок, которым посыпали лёд. Мы падали и сильно бились. Ездили довольно быстро и бились так, что в течение нескольких дней это чувствовалось. Но даже если кто-то прихрамывал, был синяк или шишка, Сталин подтрунивал, но никогда он не делал замечания, что ты, дескать, неосторожен, дескать, надо беречься. Мы знали, что должны быть терпеливы, не жаловаться, идти смело и рисковать.

Е.Г.: *Вы сказали, что Сталин ездил верхом. Но говорят, что он боялся лошадей, поэтому, хотя сам хотел принимать Парад Победы, поручил это Жукову.*

А.С.: Полная чушь! Человек он был смелый, и предположения, что боялся чего-то там — глупость. Но он был реалистом, человеком трезвых взглядов и оценок, в том числе себя и своих возможностей. Для того чтобы ездить верхом, нужно тренироваться, тратить много времени. А у него не было времени для личных дел. Подготовка к параду потребовала бы большого количества времени: Сталин должен был бы показать класс, а не служить посмешищем. Вообще верховая езда — дело непростое. Даже посадка на лошадь — нелегкая вещь: попробуйте-ка с земли забросить ногу в стремя! Настоящие наездники о Жукове говорят: классика. Его езда была настоящей классикой. Нельзя же уподобляться Булганину, которому был нужен самоходный теленок. Он один раз поехал верхом и на шею коня выскочил. Его уж там держали, чтоб не дай Бог... Прокатился! После этого к лошади уже не подходил. И уже не тот возраст был у Сталина, состояние, это он, конечно, понимал. Например, Лев Николаевич Толстой ездил верхом в весьма преклонном возрасте. В кинохронике его жизни можно увидеть, насколько он натренирован. Но Толстой постоянно ездил верхом, а Сталин этим не занимался постоянно. Конечно, никакого разговора о том, чтобы самому Сталину верхом принимать парад Победы даже быть не могло. И нынешние разговоры об этом — полная чушь!

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко

Артём Фёдорович общался со многими видными людьми страны: с кем-то по службе, с кем-то по дружбе... Сам — государственный и патриот, человек разносторонний, даже на досуге, на отдыхе, в дружеском общении вольно или невольно говорит на темы глубинные, касающиеся жизни и деятельности страны. Артём Фёдорович хорошо знает историю, в том числе историю партии, он был очевидцем и активным участником многих событий. Например, он много раз виделся и подолгу беседовал с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко, бывшим первым секретарем ЦК КП Белоруссии, начальником центрального штаба партизанского движения, секретарём ЦК КПСС. Предлагаем воспоминания Артёма Фёдоровича о встречах и разговорах с ним.

Е.Г.: Чем были вызваны Ваши встречи и беседы с Пономаренко?

А.С.: В 1941 году мне пришлось некоторое время командовать партизанским отрядом на территории Белоруссии и в этой связи встречаться в тылу врага с Алексеем Канидиевичем Флегонтовым, который ещё в 18-х—20-х годах был одним из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке, в Приморье. Летом 1941 года он был направлен в тыл врага, сначала в Смоленскую область, а потом в Белоруссию, поднимать и организовывать партизанское движение. У меня был зафиксирован каждый день нашей партизанской деятельности, в том числе работы с

Флегонтовым, который принял мой отряд и назвал его оперативно-разведывательной группой. Сам он погиб в бою в марте 1943 года.

Когда в октябре 1944 года я был назначен командиром артиллерийской бригады, заканчивавшей формирование в Колодищах под Минском, я представил все это в виде доклада и передал его лично в руки находившемуся тогда в Минске Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко как начальнику центрального штаба партизанского движения.

Пономаренко поручил перепечатать этот доклад своему помощнику подполковнику Абрасимову Петру Андреевичу и дал мне пятый машинописный экземпляр, который у меня до сих пор хранится.

После войны, узнав, что Пономаренко, находившийся тогда уже на пенсии, пишет книгу о партизанском движении и собирает материалы о партизанской работе армейцев, я приехал к нему на дачу в Переделкино, показал ему свой тогдашний доклад, и он на нем собственноручно сделал надпись «Начало партизанских дел Алексея Канидиевича Флегонтова». И подписал «Пономаренко», поставил дату. Этот экземпляр, отпечатанный ещё в 1944 году, хранится у меня. После этой встречи мы с ним в дальнейшем неоднократно виделись и беседовали. Он много рассказывал о довоенных и военных делах в Белоруссии, о делах в нашей партии, о непорядочности, мстительности, злобности Хрущёва, об очень большом вреде, который Хрущёв нанес партии, Советскому Союзу, делу социализма и всему коммунистическому и рабочему движению в мире.

Приходя домой, я по памяти записывал наши беседы, поскольку Пономаренко был интереснейшим собеседником. А однажды я попросил: «Пантелеймон Кондратьевич, разрешите, я выну блокнот, чтобы записать то, что Вы говорите». Он ответил: «Давай». И я по ходу наших разговоров делал заметки. Надо сказать, что это был очень умный, многоопытный, стойкий, бескомпромиссный, никогда не шатавшийся, не менявший своих убеждений большевик, человек, верный своим принципам, долгу, сделавший для людей много хорошего. Думаю, неслучайно Сталин в сложном 1938 году послал его, не самого главного руководящего работника ЦК, для избрания первым секретарем ЦК Белоруссии. Он его сделал руководителем республики. Он доверял ему и видел в нём человека, который будет правильно руководить. И это доверие, высокая оценка Сталина, данная самим этим назначением, надо полагать, полностью оправдались.

У меня многое связано с Белоруссией, к народу которой, к нынешнему руководителю страны Александру Григорьевичу Лукашенко питаю очень большое уважение.

Моя мама, Елизавета Львовна Сергеева, детство и юность провела в Гродно, там, буквально ещё в детстве, вошла в революционное движение, вступила в коммунистическую партию (тогда РСДРП). Предки моей жены, Елены Юрьевны, родом из Уваровичей. В Уваровичах её дедушка был земским врачом, а бабушка — акушеркой. С 3-го по 9-й класс я учился в московской школе № 32 имени Пантелеймона Николаевича Лепешинского, которую он, старый большевик, организовал в

1918 году в Литвиновичах. В 1919 году эта школа оттуда была переведена в Москву и получила здание бывшей гимназии во 2-м Обыденском переулке.

1-2 июля 1941 года я участвовал в жесточайшем оборонительном бою за город Борисов и переправу через реку Березину. Артиллерийская батарея, которой я командовал, понесла тяжелые потери и перестала существовать. Я стал командовать стрелковой ротой, которая прикрывала отход полка. Рота несла тяжёлые потери, а 13 июля немцы по шоссе Минск — Москва и параллельным дорогам прорвались восточнее нас и замкнули кольцо в районе города Горки. Мы оказались в окружении. Начали пробиваться на восток к своим войскам, действуя уже партизанскими методами.

19 июля в деревне Кривцы, что в 10—12 километрах от города Горки, меня неожиданно, именно неожиданно схватили немцы. Ночь провел в наспех созданном полевом концлагере около города Горки. Затем был в тюрьме города Орша. 23 июля я сумел бежать. Эти дни были для меня тяжелейшим испытанием и неповторимой школой, которую я получил на белорусской земле. После побега я собрал небольшой отряд из офицеров и сержантов, оказавшихся в окружении. Мы начали действовать как партизанский отряд. А встретившись с Алексеем Канидиевичем Флегонтовым, стали его оперативно-разведывательным отрядом. В сентябре я был ранен и переправлен в тыл.

После участия в Сталинградской битве и боев на Северо-Западном фронте с конца 1943 года снова воевал в Белоруссии, командовал артиллерийским полком. Участвовал

в форсировании Днепра, а далее в операции «Багратион», дошел до Слуцка. Наш 554-й артиллерийский полк участвовал в освобождении города Рогачев, был награжден орденом Красного Знамени и получил наименование «Рогачёвский», а я через годы был удостоен звания «Почётный гражданин города Рогачёв», с которым до сих пор не теряю связи. Это все глубоко связало меня с Белоруссией

Е.Г.: О чем были ваши беседы с Пономаренко?

А.С.: Пантелеймон Кондратьевич мне рассказывал о своей работе в Белоруссии. В частности, говорил, почему Сталин его послал туда. Это было в 1938 году. Иосиф Виссарионович дал ему четкие указания: прекратить репрессии. Сталин сказал: «Чего они добиваются? Что им нужно? Там так много людей пострадало — и до сих пор репрессии продолжаются. Уже был пленум ЦК партии по этому вопросу (пленум проходил в январе 1938 года. — *А.С.*). А они не унимаются. Поезжайте, наведите порядок — остановите репрессии».

Пономаренко спросил: «А как это сделать?» Сталин посоветовал: «Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушивайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери — и пусть идет домой».

Пономаренко ответил: «Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями и воспротивиться».

Сталин подтвердил, что, конечно, не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь ЦК один. И если не поймут, поясните им это. От того, как Вы себя поставите, будет зависеть Ваш авторитет и успешность работы.

Пантелеймон Кондратьевич по прибытии на место, как и посоветовал Сталин, пошел в тюрьму, запросил дела. И стал осужденных вызывать к себе по одному. Ну, вот такие, например, были заключенные. В деле одного говорится: «Неоднократно нелегально переходил государственную границу». Да, формально — действительно переходил. Поскольку, когда в 20-м году произошел передел границ, белорусское местечко оказалось разделенным на польскую и нашу части. Семьи некоторые даже оказались разделены. Этот в то время осужденный гражданин гнал хороший самогон. А на польской стороне — сухой закон. За самогоном к нему приходили с польской стороны, в том числе известные люди, среди которых полковник Бек (потом он стал министром иностранных дел Польши), Рыдз Смиглы, маршал. И если хорошо наугощаются, то и ночевать оставались. А иногда он сам носил им самогон, пересекая, таким образом, государственную границу.

Пономаренко, выслушав, ему говорит: «Иди домой. Прямо из кабинета — свободен». А мужик отказывается: «Как это иди? До дома далеко, мне надо сначала свою пайку получить. А это будет завтра утром. Что я, до деревни голодным должен добираться? Нет, я подожду пайку».

Ушел, когда получил свою пайку.

Еще один сиделец. Поэт. Написал поэму «Сталин». Начинается первая строка со слова на букву «В», вторая — на «О», третья — на «Ш». В результате — акrostих, получается, «Сталин — вош». Пономаренко отпускает его и говорит посадившим: «Вы — неграмотные люди. «Вошь» пишется с мягким знаком».

В итоге почти всех отпустил. Конечно, в местных органах и ведомствах были недовольные — это была их работа. Но Пантелеймон Кондратьевич сказал: «Решайте, по какую сторону тюремной стены вам больше нравится». Недовольные, видимо, быстро поняли, что это — не острословие, а предупреждение, и все пошло как надо.

Когда Пономаренко докладывал об этом на Политбюро, Сталин сказал: «Передайте товарищам наше сочувствие, а поэту скажите, пусть и о тараканах не забывает. Дураков у нас ещё много».

Особенно усердствовавший в репрессиях Хрущёв принял это, возможно, на свой счет. И, встав во главе государства, мстил тому и другому. В том числе за то, что дела у Пономаренко шли лучше, чем у Хрущёва. И Пономаренко раньше Хрущёва был избран секретарем ЦК ВКП(б). Что, конечно, очень сильно ударило по самолюбию Хрущёва.

Это один из многих эпизодов работы Пономаренко в Белоруссии. До конца жизни он сохранил к Сталину самое высокое уважение. Очень его ценил, считал великим деятелем истории.

Е.Г.: Как Пономаренко относился к Хрущеву?

А.С.: Очень плохо. Хрущев смог их переиграть. Пономаренко он скрутил. Пантелеймон Кондратьевич вспоминал, как на Президиуме или Секретариате, где шла речь о репрессиях, Хрущев на него кричал: «Я тебе не прощу, ты убийца». Хотел расправиться прямо там, на месте. Тогда Пономаренко, знавший натуру Хрущева и неплохо подготовившийся, сказал: «Минуточку, прошу такой-то документ». Принесли документ, а это — доклад Пономаренко Сталину о том, как он прекратил репрессии. Хрущев-то думал, что он победил, и прямо тут последует расправа. «И я увидел, — вспоминал Пономаренко, — как Хрущев побелел, покраснел, пятнами пошел. Даже говорить не мог и прекратил заседание». Пономаренко Хрущева ненавидел. Да и как Никита Сергеевич его мотал: то он секретарь ЦК, то министр культуры. Только за дело взялся, вдруг перебросили послом в одну страну, затем в другую. Не давал ему работать и очень рано отправил в отставку.

Пономаренко был достойнейшим человеком и хорошим организатором.

До конца жизни он сохранил к Сталину самое высокое уважение. Очень его ценил, считал великим деятелем истории.

Семейное воспитание

Артём Фёдорович — человек редкой истинной интеллигентности, такта. Настоящий мужчина: с понятиями о чести по отношению к женщинам, Родине, с готовностью всегда служить стране и защищать её от врагов, как уже делал и во время войны, и готов сейчас: от врагов государства. Хорошее воспитание чувствуется во всех действиях и поступках Артёма Фёдоровича. Интересно узнать, в чем заключалось воспитание в семье Сталина.

Е.Г.: Какие разговоры велись в кругу семьи? При вас, детях, обсуждались происходящие в стране и мире события?

А.С.: Разговоры при нас велись в пределах допустимого и нашего понимания, а что мы не понимали, нам разъяснялось на соответствующем возрасту уровне. Никогда не было, чтобы нас гнали: «Выйдите!» Иногда мы сами понимали, что уже не время или просто надо выйти нам из-за стола и комнаты. Но многие вполне серьезные разговоры велись при нас. Иногда Сталин рассказывал мне о моем отце, с которым они дружили, говорил, что отец был настоящий сознательный большевик, никогда не колебался, не сомневался, был бесстрашным и очень стойким, он глубоко и стратегически мыслил, понимал вопросы политики. Даже будучи в большом отрыве от страны, оказавшись в Австралии, не имея иногда прямой связи, принимал абсолютно правильные решения, которые не расходились с мнением Ленина здесь. Хотя слова «гордиться» в таких разговорах у нас не было в ходу, но, например, когда Сталин подарил мне книгу, подписал её: «Дружку моему

Томику с пожеланиями ему вырасти сознательным, стойким и бесстрашным большевиком». Устно добавил: «Таким был твой отец, ты должен быть таким же». Вообще Томом меня дома звали потому, что моего отца, когда он был в Австралии, звали «большой Том».

Е.Г.: Каким было отношение Сталина к друзьям и детям погибших друзей?

А.С.: Да возьмите, к примеру, Патоличева. Отец Патоличева Семен Михайлович был командиром кавалерийской бригады Первой конной армии. Выдающимся командиром. Он погиб в бою. А сын стал секретарем обкома, министром. Значит, он не забыл о Патоличеве.

Е.Г.: О Ленине с Вами говорил, рассказывал что-нибудь?

А.С.: Был Ленин — учитель. А личных характеристик не давал. Мироззрение у Сталина было свое. Всё-таки у Ленина целью была мировая революция. Сталин по этому поводу находился в большом противоречии со старым партийным руководством. Старое руководство — это люди, которые всю свою жизнь работали на разрушение прежнего уклада, строя. А нужно было созидать, разрушение кончилось. Они же еще мечтали о мировой революции. Революция даже без одной только Англии в Европе — это буря в стакане воды. А Сталин был абсолютный державник. Он отлично все понимал, особенно после того, как венгерская революция не удалась, баварская не удалась, в Финляндии не удалась, коммунистическое движение в США — ни то, ни сё. И он

понимал: мировой революции нет и не будет. Если рассчитывать, дескать, мы начнем, а нас поддержат, мы будем высекать искру, и она подожжет... Он был реалист и прагматик. Он первый понял, что никакого пламени не будет: что-то, может, будет тлеть. И поэтому он сразу решил — построим социализм только у себя. И сказал Васе, когда тот мечтал: вот, мол, мы вырастем, будем военными, революционерами и устроим мировую революцию: «А тебя об этом просили? Сначала у себя надо сделать хорошо. И если другим понравится, и они попросят»... Вот его позиция: сделать у себя хорошо.

Е.Г.: Как Сергей Яковлевич Аллилуев, тесть Сталина, относился к нему? Изменились ли их отношения после смерти Надежды Сергеевны?

А.С.: Отношения у них были очень хорошие, дружеские. Сталин относился к нему с большим уважением. И начались их отношения именно как друзей-единомышленников. С Сергеем Яковлевичем они были почти одногодками. В последнее время, с начала тридцатых годов, Сергей Яковлевич жил на даче в Зубалово. Сталин туда приезжал, навещал его. Когда они встречались, чувствовалось взаимное уважение и старая настоящая дружба. И даже, может быть, горе — смерть Надежды Сергеевны — их ещё больше сплотило. Чувствовались уважительные человеческие взаимоотношения и родственные отношения — нормальные, очень светлые. И всякие разговоры, что кто-то кого-то в чём-то подозревал или

упрекал... Никогда я этого не видел, не слышал и не чувствовал. Мы до последнего времени, до начала 40-х годов, встречались с Сергеем Яковлевичем. У меня есть его письма, в частности, о том, что происходило с близкими ему и мне людьми, и даже фактически письмо-прощание Сергея Яковлевича, написанное им мне незадолго перед его смертью, весной 1945 года. Он, видимо, чувствовал что-то и прощался со мной. В первых числах ноября 1938 года (1-го или 3-го числа, запомнил) вдруг в одночасье умер старший брат Надежды Сергеевны, Павел Сергеевич, служивший комиссаром бронетанкового управления. Много в этой связи было загадочных моментов. После войны всплыли те же слухи, что ходили и в 1938-м были. В то время Сергей Яковлевич был в Сочи. Он приехал. Мы с матерью были на похоронах. И он сказал моей матери при мне, я это слышал: «Лиза, Павлуша кому-то сильно помешал». Якобы он и сам работал над каким-то докладом Сталину.

Е.Г.: Когда Вы впервые услышали домыслы, что Сталин жену убрал?

А.С.: Когда появились передельщики—перестройщики—демократы, об этом стали много говорить. Тогда, после смерти Надежды Сергеевны, такие слухи тоже прошли. Но были короткими и быстро заглохли. Ну, а ещё тогда ходили разговоры, что Сталин женился на дочери Кагановича. Но та была ещё девочкой, в

школе училась, потом замуж вышла. Так что ничего и близко не было.

Е.Г.: *Может быть, стиль Сталина в одежде — френч, сапоги — это дань непростому времени?*

А.С.: Эта форма — полувоенная, такой стиль у него сохранился с довоенной поры. Сапоги — это кавказская привычка: на ногах чувяки или сапоги. Фуражку или шапку-ушанку носил. Дома ходил в холщовых брюках домашних, курточке полотняной, её иногда снимал и оставался в рубашке хлопчатобумажной, похожей на солдатскую. В гражданском костюме я его никогда не видел. На отдыхе он в полотняном костюме ходил: тужурка застегивающаяся, иногда он её расстегивал, внизу — белая рубашка. Трудно было увидеть его в чём-то новом. Один раз, это было ещё при Надежде Сергеевне, Сталин пришёл домой, а там висит новая шинель. Увидев её, он спросил: «А где моя шинель?» Отвечают, мол, той уже нету. Тут он сразу вспылил: «За казённые деньги можно каждую неделю шинели менять, а я бы в той ещё год ходил, а потом спросили бы, нужна ли мне новая?» Выговор сделал серьёзный. Он очень рачительно относился к средствам, которые шли на обеспечение его и его семьи, внимательно следил, чтобы не было никаких перерасходов и никчемных трат. Это привычка тех людей, которые считали партию и государство своим детищем. Когда мой отец, к примеру, ездил за рубеж, а это было нередко, мама рассказывала, с каким восторгом он говорил, сколько, не потратив, привез обратно валюты.

Е.Г.: *Хотя выдавали, наверное, под завязку?*

А.С.: Думаю, знали: кто лишней копейки не потратит, тому больше можно дать, всё равно привезет. После гибели отца не успели сдать оставшиеся у него то ли 50, то ли 150 долларов. И когда в Америку на лечение (у него были проблемы с кровью) поехал профессор Тутышкин — это первый нарком здравоохранения советской Украины, коммунист, друг отца, они знакомы были ещё по 1905 году, — мать ему эти доллары отдала. Это были 1920-е годы. И я помню, как обрадовались, что есть эти деньги. Мать не собиралась тратить их на себя.

Посмотрите: по православному обычаю хоронить человека нужно в хорошем новом белье. А когда Сталин умер, то его обрядить было не во что: все его белье было штопаное. Пришлось специально покупать: в доме не оказалось комплекта целого, не зачиненного белья. Мне это рассказывала реаниматор Чеснокова, которая как раз находилась в тот момент в доме. Она говорила, что врачей не допускали, пока он был еще в состоянии биологической жизни. А допустили, лишь когда все было уже кончено.

Е.Г.: *Надежда Сергеевна — молодая женщина, поневоле была всегда на виду. Как она одевалась?*

А.С.: Очень скромно, очень элегантно: как правило, темно-синий шерстяной жакет, темно-синяя юбка немного ниже колен и белая блузка, черные туфли-лодочки. Никаких украшений, никакой парфюмерии, косметики. На ней эта скромная одежда прекрасно смотрелась. Она мне казалась

самой красивой женщиной, какая только есть, и одетое на ней казалось лучшим из всего, что может быть. Слово «модный» не было у нас в обиходе. Мне казалось — очень хорошо именно так одеваться: ничего лишнего, все элегантно. Она всегда была очень собрана, подобрана, аккуратна.

Сталин тоже был очень аккуратный человек. И не дай Бог он что-то просыпет — тут же сам и подберёт. Она очень четкой в делах была. Для детей был определённый порядок, режим: и в еде, и в поведении, и в работе. Соблюдался чёткий распорядок: во сколько нужно встать, когда что делать. Надежда Сергеевна требовала это и следила за исполнением. Правда, в их доме соблюдать совершенно неукоснительно всё не всегда удавалось, потому что если Сталин приходил немного раньше обычного домой, то для детей режим тут же нарушался, и начиналось общение с ним: какие-то вопросы, очень интересные разговоры, и не поучения, а рассказы о чём-то, обогащавшие память, кругозор. С его стороны при этом не проявлялось никакого нравоучительства, назойливости, морализаторства, чувства превосходства и снисходительности: дескать, вы — несмышлёныши. Он умел разговаривать на равных. Так казалось. Конечно, равными с ним мы, дети, быть не могли. Но мы были уверены, что это общение именно так — на равных — строится.

Не всё детям удастся. Иногда делают что-то, чего делать впредь не следует. Не было в подобных случаях никаких наказаний с его стороны, а следовали разъяснения: если делать так, то получится вот так, а если сделать вот так, иначе, то и будет иначе. «А как вы думаете, — спрашивал, — что было бы

лучше?» И таким образом шла беседа. Эта беседа давала намного больше, чем какая бы то ни была строгость в воспитании. Строгость не чувствовалась, а чувствовалась необходимость делать так, как он советовал или разъяснял. Поэтому у нас к нему было очень глубокое уважение, была наша внутренняя потребность в правильном поведении, и это было нашим убеждением — без понукания, повышения голоса или наказаний.

Надежда Сергеевна была внешне немножко строже, казалось, требовала больше чёткости. Если надо было что-то делать, то Сталин разъяснял, советовал, как лучше, а от неё следовали четкие и короткие указания. И, может быть, менее приятные в восприятии детей. Собственно говоря, Сталин воспитывал на своём примере, тем, что всегда работал: в любой день, в любое время. О нашей учёбе он частенько спрашивал: что мы проходим по тому или иному предмету, истории, например, какие вопросы изучаем по обществоведению. И чисто математические короткие задачи задавал. При этом проверял не только цифровые данные, но логику понимания, логику размышления.

Со Светланой не было проблем. Она училась очень хорошо. Была прилежной. Василию же отец порой жестко выговаривал. Конечно, какие-то проступки вызывали более серьёзные нарекания. Однажды сидели на даче за обеденным столом, Василий бросил кусочек хлеба в окно. Отец вспылил: «Вася! Что ты делаешь?! Ты знаешь, сколько в этом хлебе труда, пота и даже крови? Хлеб уважать нужно. Не всем хлеба хватает. И мы над этим работаем». Вася ответил: «Папа, я

больше не буду, я нечаянно». На что Сталин ответил: «За нечаянно тоже бьют. Хлеб — всему голова. Его надо беречь и уважать».

Вот на дне рождения кого-то, уже без Надежды Сергеевны, сидели за столом родственники Аллилуевы, Вася, Светлана и я. Сталин разливал вино по бокалам, налил понемножку вина и нам с Василием, Светлане, её вино разбавил водой из графинчика. Кто-то из женщин говорит: «Разве можно детям? Это же яд». А Сталин говорит: «Ядом змея убивает, а врач ядом лечит. Дело в том, кто, где и зачем. Хлебом тоже можно подавиться, а молоком упиться». И добавил: «Мораль нам, безусловно, нужна. Но моралистов у нас не любят».

Е.Г.: *А какие вина предпочитал Сталин?*

АС.: Говорят, что у него были какие-то любимые. Но их нельзя назвать любимыми как таковыми. Сталин очень хорошо знал лечебные свойства вин. Он лекарствами почти не пользовался. И в зависимости от того, что нужно лечить, пользовался различными грузинскими винами. А о пристрастиях не знаю. На застольях за вином он разговаривал, и вина были элементом разговора. Не было цели ни напиться, ни упиться. Водка была, когда были в гостях её любители. А за семейным столом — нет. Да и креплёных, портвейна за столом не было.

Е.Г.: *Вино пили из бокалов? Может, какие-то закуски специальные подавались?*

А.С.: Нет, никакой особой сервировки. Вино пили из обыкновенных рюмок, закусывали тем, что обычно было на столе, могли быть еще орешки. Орехи Сталин любил.

Вообще многие интересные разговоры проходили как бы между делом. Вот как-то заговорили о Репине. Пришло сообщение в 1930 году, что он умер. Мы с Василием спросили об этом художнике. Сталин нам рассказал о нём. Узнав, что тот жил за границей, мы поинтересовались, почему. И Сталин разъяснил. И у меня это записано. А почему у меня записано было? Потому что я всегда рассказывал матери о наших разговорах. А она мне: «Запиши». В частности, этот разговор 1930-го года о Репине. «Так произошло, — сказал Сталин, — Репин там жил. А граница прошла, и он остался на той части, которая отошла к Финляндии. В период гражданской войны он был уже немолодой человек, и ему нелегко было изменить свой образ жизни: тут он жил, тут было привычное место работы, потом так и осталось. Гражданская война окончилась к 1922 году. А Репин был уже старым, ему трудно было переехать. Наверное, он очень хотел приехать, разговоры об этом были. Но не получилось».

Е.Г.: *Став подростками, вы, наверное, хотели одеваться помоднее. Кто покупал вам одежду, и по чьему выбору это делалось?*

А.С.: Мне одежду покупала мать, а у Сталина руководил этим Власик и домоправительница: до 1938 года Каролина Васильевна, после Александра Николаевна. Или этим

занимался Ефимов из охраны. Если Василию нужна была одежда, он просил не у отца, а у Власика или Ефимова. Но никогда никакого излишества в одежде не было совершенно. Костюм появился у него, когда он был уже довольно взрослым.

Вася вообще никогда не был франтом. Носил темно-синие неширокие брюки-галифе, сапоги, гимнастерку, кепку или фуражку летом и кубанку зимой. Ушанок он не носил. В гражданском костюме он тоже ходил. Но чаще — в форме. У него не было так называемого гардероба. Был военный костюм, ничего лишнего не было из одежды — все в ограниченном количестве.

Как я уже говорил, был замечательный портной Абрам Исаевич Легнер — полковник НКВД. Высочайшего класса портной и интересный человек. Когда Василия посадили, и он находился в тюрьме, Легнер у себя в мастерской держал весь комплект одежды для него. Так же, между прочим, как держал готовый комплект для Сталина. Он открывал шкаф, мне показывал, говорил: «У Хозяина же второго комплекта одежды нет. А вдруг за гвоздь зацепится? А вдруг какой-нибудь гусь из-за границы приедет, надо будет с ним встретиться, так чтобы вид был всё-таки». Для Василия он держал весь комплект: от ботинок до шапки. Говорил: «Васька-то придет из тюрьмы ободранный. Куда придет? Ко мне. День-другой шить все равно надо. А в чем ходить будет, пока сделаю?» И все годы держал для Василия комплект одежды. Надо полагать, что Василий именно в этот комплект и оделся, потому что по выходе из тюрьмы был прилично одет.

Е.Г.: *Когда Вы жили в семье Сталина, воспитывались вместе с Василием, чувствовали ли Вы разницу, что это — их родной сын, а Вы — нет? Слаще его кормили, лучший кусок подкладывали?*

А.С.: Ко мне, наоборот, относились немного мягче. Это чувствовалось. И если кусок слаще, как Вы говорите, то его подкладывали мне. Василий мне иногда говорил: «Ой, ты, сиротинушка». А когда умерла Надежда Сергеевна, он плакал: «Теперь мы оба стали сиротинушками». И как-то сказал: «А если ещё кто-то из родителей умрет, что с нами будет?» У нас по одному родителю осталось. И когда Вася вернулся из заключения, то сразу пришел к моей маме Елизавете Львовне. Она его очень любила, безусловно.

Е.Г.: *Василий мог в дом, в кремлевскую квартиру приглашать школьных товарищей?*

А.С.: Да, приводил, приходили из школы, из класса. Поначалу это было чаще. Под конец — реже. Условия изменились. Более жесткие требования были у охраны. И не напрасно. То, что врагов тогда было много, можно, собственно, подтвердить сегодняшним днем. Ведь сегодняшние враги, разрушители государства, не с неба упали. Они воспитались внутри государства, их кто-то такими воспитал. По некоторым причинам они служили другим странам. Потому что они были алчны до денег, за которые продавались и продавали державу. Это не ново и бывало в истории. Василий с пониманием относился к этим требованиям охраны и сам, так сказать, проявлял

бдительность. Как-то на даче в Зубалово 22 сентября — это день рождения Надежды Сергеевны, её самой тогда уже не было, — он говорит: «Пойдем карасей наловим». Мы пошли в деревню Сареево. Там пруд. Мы с лодки наловили карасей. Пришли на дачу. Василий сказал: «Отцу отошлем. Он карасей любит». Я спросил: «А ты поедешь к отцу, сам отвезешь рыбу?» «Нет, — говорит, — отец меня не вызывал». Взял ведро с крышкой, положил туда пойманную рыбу, крышку на ведре опломбировав. На меня посмотрел и сказал: «Это порядок. Осторожность не помешает».

Е.Г.: Василий понимал, что он не просто мальчик, а сын руководителя государства?

А.С.: Да, он понимал, чувствовал свою ответственность, поэтому очень больно реагировал, когда на него жаловались в школе, к примеру. Но в силу своего характера, в силу натуры, не мог стать более прилежным в учебе. Были предметы, которые он любил, там он сидел, изучал столько, сколько нужно. Но были предметы, которые он не любил, и его воли не хватало сидеть прилежно, зубрить. Это надо прямо сказать.

Е.Г.: Служащие могли пожаловаться Сталину, что Вы или Вася себя плохо вели? Или боялись это делать?

А.С.: Нет, не боялись и частенько на Василия жаловались. И опять-таки потом отец Васе разъяснял, почему так делать нельзя, говорил, как делать нужно, и все было очень убедительно. А когда у Василия с занятиями плоховато было, то он получал довольно жесткий выговор от отца.

Е.Г.: *Дедушка принимал участие в воспитании внука?*

А.С.: Конечно, воспитывал. И не жаловался отцу, а сам выговаривал и делал замечания. Вася стал рано баловаться курением, и Сергей Яковлевич был недоволен, ругал его.

Е.Г.: *Какова была система наказания? В семье не рукоприкладствовали? Лишали сладкого, в угол ставили?*

А.С.: Не-ет! Этого никогда не было. Большое наказание для нас — ощущение недовольства Сталина тем, что мы делаем, как себя ведем, недовольство нашими поступками. Слишком высоко было уважение к Сталину, его авторитет в доме. И самым большим наказанием было понимание нами его недовольства.

Е.Г.: *А система поощрения была? Хвалили за что-то?*

А.С.: Да, Сталин хвалил, когда Василий хорошо нарисовал что-то, починил, физически выполнил работу. Меня тоже хвалил. Любой труд поощрялся. Даже в спорте поощрялся труд и усилия. Но хвалил не громко, броско, пафосно, а просто чувствовалось, что он этим доволен. И это было достаточное поощрение. Это и было поощрение — он одобряет.

Е.Г.: *Устраивались ли дома какие-то детские праздники? Может, ёлку ставили, Дед Мороз приходил?*

А.С.: Мы с Василием встречали у себя в школе не раз Новый год, маскарад устраивали. Не помню, чтобы в сталинских апартаментах (в квартире или на даче) ставили ёлку. Может, в служебном корпусе у персонала. Не помню,

чтобы где-то в Кремле была ёлка. Дед Мороз к нам домой не приходил. Праздники дома как таковые не устраивались. Только дни рождения отмечались, и очень скромно. Ну, и там мы спектакль ставили, сценки разыгрывали.

Е.Г.: *На ваши вкусы, пристрастия влиял Сталин?*

А.С.: В театр на ту или иную постановку посылал, о чем я уже говорил. Книги давал те или иные читать, «Разгром» Фадеева, например. Говорил, что надо уметь переживать не только успехи, победы, но и неудачи и поражения. Надо уметь выстоять в борьбе, уметь одолеть препятствия, без которых в жизни не обойтись.

Е.Г.: *Став отцом, Вы перенимали что-то, что Вам нравилось в системе воспитания в семье Сталина?*

А.С.: Не повышать голос, не проявлять раздражения, не срываться — этому я научился у Сталина. По себе знал, что это лучше действует, лучше воспринимается. Очень твердо, определенно высказывать и показывать, что ты одобряешь и требуешь, а что не одобряешь.

Е.Г.: *Ссылался ли он в воспитании на себя: «Я в твои годы...» Приводил в пример свое детство?*

А.С.: Нет. У него слово «я» никогда не звучало, тем более в качестве примера. Он по-другому вопрос ставил: надо многое уметь переживать, жизнь — сложная штука.

Е.Г.: Чувствовали ли Вы, воспитываясь в семье руководителя государства, что идет борьба, трудное и важное строительство государства? Или воспитывались в беззаботной обстановке, огражденными от сложностей?

А.С.: Знали и чувствовали, что жизнь идет в серьезной борьбе. Всё, что делается, — очень серьезно, непросто. Это и по обстановке дома ощущалось, и по настроениям взрослых, читали об этом в газетах, слушали сообщения по радио. И к этой борьбе мы были готовы, неслучайно у многих руководителей государства дети стали военными, воевали, гибли.

День Вождя

К очередному дню рождения Иосифа Виссарионовича Сталина в прессе была раздута пасквильная истерия по поводу жизни и деятельности юбиляра. Я поинтересовалась у Артёма Фёдоровича, а как отмечал Сталин свои дни рождения? Как они проходили в кругу семьи? И сегодня мы беседуем о том, как в семье Сталина отмечались дни рождения членов семьи и самого Иосифа Виссарионовича.

А.С.: Больших празднований дома по поводу дней рождения кого бы то ни было не устраивалось. В 1928 году, когда мне исполнилось семь лет, Сталин пришел с работы домой в день моего рождения и сказал: «Есть книга «Робинзон Крузо», написал её Даниэль Дефо. Там говорится, как человек после кораблекрушения попал на необитаемый остров и жил один. Он был сильным, не пал духом, многому сам научился, потом научил другого. А если бы он пал духом, распустил нюни, то погиб бы». И подарил мне эту книгу. В 1929 и 1930 году он подарил мне деревянный письменный прибор и книгу Киплинга «Маугли». Рассказал при этом, как мальчик попал в лес к животным, и они стали его друзьями. Добавил: «Друзья могут быть разные. Если ты их любишь и уважаешь, то они тебе всегда помогут, защитят. Если у тебя нет друзей, ты никого не любишь, и тебя никто не любит, то ты погибнешь в трудную минуту». В 1933 году он мне на день рождения подарил портативный патефон с пластинками. Это были записи классики, русская народная музыка, арии из оперетты «Граф Люксембург», военные марши, музыка Вагнера, вальс

«Благодарность цветов» на немецком, песни «На сопках Маньчжурии», «Варяг».

Е.Г.: Он сам покупал эти пластинки специально Вам в подарок?

А.С.: Этого я не знаю. Патефон и пластинки были уложены в чемоданчик, который и сейчас у меня цел, как и патефон.

В 1930 году Васин и мой день рождения справляли в городе. Нам с Василием дни рождения отмечали в один день: как правило, 24 марта, в день рождения Васи. Надежда Сергеевна где-то за год до этого пригласила заниматься с нами Александра Фёдоровича Лушина, он закончил биологический факультет университета, но очень любил театр и прекрасно рисовал. Потом окончил академию художеств и более 30 лет работал главным художником театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, стал заслуженным деятелем искусств, народным художником. Он нам объяснил, как сделать театр теней. Теневой театр устроили так: соорудили экран из кальки, вырезали фигурки — персонажей сказки Пушкина «О попе и работнике его Балде». Василий был хороший рукодел, нам удалось все фигурки изготовить. И в наш день рождения мы осуществили эту постановку.

Зрителями были все домашние, ребяташки и родственники, в том числе отец Василия. Я читал текст, а Василий сзади за экраном показывал эти фигурки. Отец его очень смеялся, ему понравилось, он комментировал эту сказку.

Вообще Сталин никогда ничего плохого не говорил о религии, никогда ни одного камушка в сторону религии не бросил, а здесь говорил о жадности и скупости этого попа и о силе и ловкости Балды. И сказал, что за жадность наказывают, а за смелость и труд полагается награда.

Е.Г.: Велись ли дома разговоры о религии? Каким было отношение Сталина к религии: может, Пасху отмечали?

А.С.: Нет, ни Пасхи, ни других религиозных праздников дома не отмечали, не видел. А выражения с упоминанием Бога дома употреблялись. «Слава Богу», «Не дай Бог», «Прости, Господи», например, и Сталин сам нередко говорил. Я вообще не слышал от Сталина ни одного плохого слова в адрес церкви и веры. Помню такой случай году в 1931-м или 32-м. Напротив школы, где учился Василий, в 2-м Обыденском переулке, был храм. Как-то, когда там шла служба, мальчишки возле церкви пробовали стрелять из пугача. Василий в этом участия не принимал, а рассказывал отцу об этом случае. Отец спрашивает: «Зачем они это делали? Они же, молящиеся, вам учиться не мешают. Почему же вы им мешаете молиться?» Далее спросил Василия: «Ты бабушку любишь, уважаешь?» Тот отвечает, мол, да, очень, ведь это твоя мама. Сталин говорит: «Она тоже молится». Василий: «Почему?» Отец отвечает ему: «Потому что она, может, знает то, чего ты не знаешь».

Е.Г.: А Василий у бабушки, матери Иосифа Виссарионовича, гостил?

А.С.: Да. Василий и Светлана в 1935 году ездили в Тбилиси к бабушке — Екатерине Георгиевне Джугашвили.

Сам Сталин хорошо знал вопросы религии, книг у него было немало, в том числе по вопросам и истории религии. И сам он писал важные работы на эту тему. Например, в статье «Против разрушения храмов» он говорит, что храмы — это памятники культуры нашей Родины. И разрушать их — значит разрушать культуру. В статье «О запрещении преследования за веру» он говорит о необходимости прекратить преследования людей за веру.

Е.Г.: *На похоронах Сталина были служители церкви?*

А.С.: Я был на похоронах Сталина «от и до», и среди людей, пришедших с ним попрощаться, было немало церковных служителей. Они в своих одеяниях проходили мимо гроба и крестились. Крестились, проходя мимо гроба, и простые люди.

Но мы говорили о подарках детям. Когда Светлане исполнялось семь лет, Надежды Сергеевны уже не было. Собрались дома родные и некоторые дети. Родственник Екатерины Семеновны¹⁵, Сванидзе Александр Семенович, был торгпредом в Германии. Он принес Светлане заграничные немецкие подарки, в том числе кукол. Отец Светланы очень возмутился, сказал: «Что ты привез?! Зачем это? Надо свои игрушки производить и покупать, на чужих игрушках не надо

¹⁵ Екатерина Семеновна Сванидзе (1885—1907) — первая жена И.В. Сталина.

воспитывать детей». Велел ему забрать эти игрушки и уходить.

Еще как-то на нашем с Василием дне рождения (я уже говорил, что нам его отмечали в один день) в Зубалово собрались родственники и дети. Сын Сванидзе, которого звали Джоник (ему лет десять было), очень много говорил о вещах, совсем не свойственных его возрасту: долго и нудно под управлением своей мамы Мари Анисимовны рассказывал что-то об астрономии. Слушать надоело. Однако Сталин его не перебивал. А если он не перебивал, то и другие тоже. Но в паузе отец Светланы спросил: «Джоник, а кем ты хочешь быть, когда вырастешь? » Тот тут же ответил: «Я буду астрономом». А Сталин со скрытым юмором сказал: «Это хорошо. Пищу надо уметь готовить, гастрономом быть очень хорошо. Людей надо вкусно кормить».

Мама Джоника, Марья Анисимовна: «Что Вы, что Вы, Иосиф, он хочет быть астрономом. Звезды изучать». А Сталин, словно не слыша, расхваливал гастрономическую профессию, затем посоветовал Джонику: «Ты это нашему дорогому Анастасу Ивановичу Микояну скажи, он этим вопросом — пищевой промышленностью — серьезно занимается». Мама Джоника опять: «Да нет, он астрономией хочет заниматься, звезды изучать». Сталин продолжил: «Да, в океане есть морские звезды, их надо уметь ловить и хорошо готовить». Тогда до мамы дошло, и тирада об астрономии прекратилась, слава Богу. Когда они ушли, отец Светланы говорит: «Вот граммофон! Его завели, и он так долго играет!»

Е.Г.: *А дни рождения самого Сталина дома как отмечались?*

А.С.: Все проходило обыденно, без торжественности. К этой обыденности что-то добавлялось, какая-то деталь, краска, и разговоры были несколько иные. Но ничего особенного. И потому в памяти не сохранилось чего-то яркого — рядовой день. Много пели обычно. Под пластинки в том числе. Кроме народной музыки были пластинки Лещенко и Вертинского, как я уже говорил, под них пели. Однажды кто-то критично отозвался о песнях Вертинского. Мол, зачем он нам нужен? Уехал, поёт какие-то грустные непонятные песни. Это не наше, ни рабочим, ни крестьянам это не нужно.

На что Сталин ответил: «В России есть не только пролетарии и буржуи. Есть и другие, их много».

Даже в 1934 году, когда Сталину 55 лет исполнялось, не было особых приготовлений, не чувствовалось организованного праздника. Просто в Волынском собралось побольше людей. Были родственники, Лакоба. Много смеялись, пели, немного плясали. Там для пляски места не было, чтобы разойтись вовсю.

Е.Г.: *А Сталин сам танцевал?*

А.С.: Приплясывал немножко. Но чтобы в три колена — нет.

Был, как всегда, Буденный. Он играл на гармошке или баяне. Жданов играл на рояле. После того, как он стал приезжать, на даче поставили маленький кабинетный рояль красного дерева. Он и сейчас там стоит. Песни пели и

кавказские, но главным образом пели наши народные, русские песни — «Коробейники», «На Муромской дороге», песню ямщика. Танцевали тоже кавказские и русские народные танцы. Кстати, говорят, что «Сулико» была любимой песней Сталина. А вот «Сулико» я там ни разу не слышал.

Е.Г.: На празднествах Сталин якобы позволял себе ухаживать за женами соратников.

А.С.: Он был за столом очень общительным, живо вёл застолья. Тосты все время произносил деловые или с подвохом в чей-то адрес, с иронией иногда. Но чтобы было заметно какое-то особенное ухаживание за кем-то — я этого не видел и не чувствовал.

Е.Г.: Были ли на столе особенные яства? Любимое блюдо именинника, может, готовили?

А.С.: Когда гостей не было, стол был самый простой. При гостях кое-какие блюда прибавлялись, что-то кавказское подавалось. Сталин не был гурманом. Пища была в доме самая обычная. Он любил щи с капустой и отварное мясо — это да, это он любил. Он сначала наливал из супницы себе щи, а потом вилкой вынимал мясо, резал и ел. Фрукты и сухое вино любил. Обычно разбавлял его холодной водой. У него глотка была не в порядке. Даже на выступлениях можно видеть, что он все время «Боржоми» наливает в стакан. И еду он обычно запивал.

Блюда с орехами любил. Сациви с орехами, например. Какие-то кавказские острые блюда. Любил очень варенье из

недозрелых грецких орехов: такое раньше ему присылала его мать. Правда, происходило это нечасто и всегда становилось событием. Нам раскладывали каждому по одному ореху, подливали сироп. Это было очень вкусно. И не было у него такого: вот он это любит, и обязательно должны это готовить, это танцевать, это петь. Нет — простота и невзыскательность всегда и во всем, что касается его быта.

Е.Г.: *Он работал в свой день рождения?*

А.С.: Он всегда работал. И даже за праздничным столом разговоры были в основном деловые. Ничем день рождения не отличался от обычного застолья, обеда. В «круглые» юбилеи собиралось больше людей, стол был обильнее, но и тогда разговоры шли в основном по делу.

Е.Г.: *В его честь звучали тосты?*

А.С.: Звучали. Но когда начинали говорить выпренно, его захваливать, он тут же отвечал с юмором, подтрунивал. Надо отметить, что всякую похвалу в свой адрес он принимал с юмором. И отвечал на это с юмором. Он обычно и сам говорил тосты. В свой день рождения он благодарил за сказанное в его адрес и тоже — тост. Его тосты были со смыслом. В адрес каждого у него находилось какое-то особенное слово. Не назидательное, а деловое, простое и приятное человеку, иногда с юмором подмечал недостатки человека, но необидно.

Е.Г.: *На дни рождения гостей приглашали, или они сами приходили? Кроме Лакобы, Буденного, Жданова кого Вы ещё помните?*

А.С.: Народу иногда было очень мало — всего несколько человек. Члены семьи были, зачастую члены Политбюро приходили. Я не знаю, приходили они сами или были приглашены, но думаю, что в какой-то форме приглашение было получено. Непосредственно я это не слышал.

Е.Г.: *Дарили пришедшие подарки Сталину?*

А.С.: Подарков не было никаких! Никаких! Он подарки не любил, и это знали. Он понимал: на подарок должен быть отдарок, да и все ли эти подарки — от чистого сердца. Я не видел, чтобы на день рождения приносили и дарили подарки.

Е.Г.: *А вы, дети, готовили подарки Сталину?*

А.С.: Пьесу как-то подготовили на день рождения. Мастерили поделки. Из кусочка бамбука сделали трубку ему, рисовали рисунки. Василий брал старые книжки, их переплетал, и это тоже было подарком отцу — сделанное своими руками. С Василием мы пытались сделать модель автомобиля в подарок.

Е.Г.: *А в стране как дни рождения Сталина отмечались? В прессе были поздравления? Он не считал день рождения праздником для себя и страны?*

А.С.: Да, были. Поздравления в газетах он читал, с юмором комментировал. Он не упивался превозношением себя, а наоборот, принимал это как неизбежный ритуал, как

вынужденное действие, не доставлявшее ему большого удовольствия. И ни в коем случае он не считал свой день рождения праздником даже и своим, а не то, что всей страны.

Был такой случай: 23 февраля 1948 года отмечался юбилей Красной Армии. Проходило торжественное собрание в Большом театре. Многие пришедшие на этот юбилей больше говорили о Сталине и приветствовали его. Сталин никого не перебивал, но в коротком перерыве между выступлениями он поднялся и сказал: «Товарищи, мне кажется, вы забыли, куда и зачем вы пришли. У меня сегодня нет юбилея. Вы пришли на юбилей Красной Армии. Так, пожалуйста, и говорите о Красной Армии. Я говорю это тем, кто перепутал, забыл, чей сегодня юбилей. Юбиляр сегодня Красная Армия, а не товарищ Сталин».

Е.Г.: Может, в праздничный день он нарядно одевался, выходя к застолью?

А.С.: Одежда всегда та же самая, что и обычно. Мягкие сапоги, брюки прямые, заправленные в сапоги, закрытая курточка или френч. Все простое, просторное, удобное.

У Берии, например, были сапоги, у которых носок как будто обрубленный, квадратный. А у Сталина — не острый, не фасонный, просто немного закругленный. Кто-то любит высокий каблук, кто-то ещё какие-то фасоны. У него все — обычное, не вычурное, не кричащее. У Сталина все в личном обиходе было усредненно, неброско.

Е.Г.: А гости приходили празднично одетые или, как и хозяин, не наряжались?

А.С.: Ничего специально не надевалось. И Светлану специально не наряжали. Часто ведь девочку наряжают куклой. У Сталина в семье нет, все как обычно.

Е.Г.: В преддверии дня рождения и у нас, простых людей, некие хлопоты, радостное возбуждение.

А.С.: Не было этого, не ощущалось совершенно. Все буднично. Никаких особых ритуалов, все как всегда. Дни рождения у всех членов семьи отмечали очень скромно. Ну, вот дети ставили пьесу на его день рождения. Это запомнилось. Устроили как-то детское представление: Светлана читала стишки, под эти стишки ребяташки подыгрывали ей в каких-то костюмах, немудряще изготовленных. Вроде как инсценировка. Когда-то у нее на дне рождения играли в разных зверюшек, должны были их изображать. На меня накинули медвежью полость (шкуру), и я изображал медведя.

Е.Г.: А других людей, друзей? Любимых писателей, артистов он сам поздравлял с днем рождения?

А.С.: Думаю, да. Но этого мы не видели, и нам об этом он не говорил. Обслуживающий персонал он всегда старался поздравить, сделать подарок, следил за этим, помнил. Это я видел и слышал: как он житейские пожелания адресовал, очень тепло. Он был внимателен к людям.

Е.Г.: *А после смерти Сталина Вы отмечали дни рождения Иосифа Виссарионовича? Может, с Василием? Сейчас отмечаете?*

А.С.: С Василием отмечать дни рождения отца после его смерти мы не могли, поскольку самого Василия почти сразу арестовали. А дома мы у себя всегда, во все годы, обязательно отмечали день рождения Сталина. С моими товарищами фронтовыми, которые его очень уважали, с кем служили, воевали, если они были в Москве, и там, где я служил — отмечали всегда. И даже когда имя Сталина усердно замалчивали — обязательно и неизменно отмечали и день его рождения, и день кончины. Сейчас всегда отмечаем с моей дорогой женой Еленой Юрьевной. И на его могиле у Кремлёвской стены, когда можем, кладём цветы.

Василий Сталин

В очередной приезд к Артёму Фёдоровичу рассматриваем фотографии, где они с Василием. Артём Фёдорович сокрушается: «Столько грязи сейчас льется не только на самого Сталина, но и на Василия! Больно читать. Ведь он был хороший друг, верный товарищ, прекрасный специалист, большой патриот. Его очень высоко ценили и друзья, и коллеги. Приближается 85-летие Василия, и сейчас начнут ещё больше грязи лить, как в последнее время делается».

Решаем к юбилею сделать беседу о Василии.

А.С.: Если говорить о Василии, надо прямо сказать, что его жизнь — это трагедия от начала до конца. Вообще жизнь детей, особенно сыновей, первых лиц государства, будь то цари, императоры, премьер-министры, — эта жизнь на острие истории.

Мы родились с Василием в одном роддоме с разницей в 19 дней, наши матери дружили, были они и содиректорами детского дома для беспризорников и детей руководителей государства. С двух до шести лет и мы с Василием были воспитанниками этого детдома. У Василия с самого раннего детства отец всегда был занят. Мать Василия была занята его отцом, она обеспечивала его жизнь, а его жизнь значила много, и она это понимала: она была его помощницей, секретарем, разрывалась между детьми и мужем. И если другие женщины отдают предпочтение детям, то она, может быть, отдавала предпочтение тому великому делу, которым

занимался её муж. И поэтому дети воспитывались людьми, обслуживающими дом. Отношение этих людей к Василию было своеобразным: с одной стороны, они должны были его воспитывать, в чем-то ограничивать. С другой, — боялись, что он пожалуется. Ну, а когда Василию минуло 11 лет, он остался без матери и оказался в руках работников охраны и учителей, которых брали в дом. А у семи нянек...

Василий был властолюбивым мальчиком, это да. Мы как-то с ним играли и перегородили громоздким предметом вход в кабинет. Пришел Сталин, посмотрел, спрашивает: «Так. Кто тут у вас главный? Надо освободить проход». Мы отвечаем, что оба главные. Он нам: «Нет, должен быть кто-то один главный, командир, а то когда два главных — вот так и получается — застряли. Тогда командование на себя беру я». Сразу сказал, кому куда встать, кому толкнуть, кому нажать — проход освободили. Ну а дальше говорит: «Том (меня так называли домашние) будет главным». Василий в ответ на это: «Ладно, пусть Том будет главным, а я чуточку главнее». «Нет, — говорит Сталин, — так не бывает. Главный всегда один, чуточку главнее не бывает, иначе выйдет неразбериха, и опять застрянете».

Е.Г.: *Охраняли Василия вне дома?*

А.С.: Да, был такой человек, Александр Сергеевич Волков, Василий с ним дружил. Познакомились они в 1934 году в Железноводске, когда Волков издал наблюдая за Василием. Василий сказал ему: «Чего ты там ходишь? Иди сюда».

В отношении с товарищами охраняющий не вмешивался. Василий и ссорился с друзьями, и ругался. И его ругали. Все на равных. Пожаловаться было для него немыслимо! Василия любили товарищи и дружили с ним по-настоящему: ходили в кино, в Парк культуры, играли в футбол.

Был он очень хорошим рукоделом, у него в этом был прекрасный пример и учитель — его дед Сергей Яковлевич Аллилуев — удивительный мастер во всем, за что брался! По дому он, как впоследствии и Василий, многое делал сам. Умер Сергей Яковлевич в 1945 году. Василий очень любил работать, в семье вообще приветствовался труд, особенно физический. Василий и дома, и на даче много работал: сгрести мусор, с крыши сбросить снег, грядки вскопать, починить что-то — он первый, и работал буквально до упаду. Работоспособность у Василия была весьма высокой всегда. Он любил физический труд, работу руками и хорошую работу, выходящую из-под его рук. У меня до сих пор сохранились его рисунки на плоских морских камешках, сделанный в переплете блокнот. Изготовлен этот блокнот мастерски: и с рисунками, и с портретиком вставленным, а ведь Василию тогда было всего десять лет.

Он был талантлив во многом. Был хорошим спортсменом, хотя физически казался не крепким, даже на вид хиленьким. Например, играли старшие в футбол, его брали в команду: не за фамилию, а за ноги. Прекрасно играл в бильярд ещё мальчишкой. Мы с ним в свое время занимались в кавалерийской школе. Нам было по 13—14 лет. Нашими тренерами были мастера. Мы все прыгали конкур

пионер-класса. А Василий, только начав заниматься, прыгал с мастерами, чемпионами — с такими, как капитан Эйдинов, Александра Левина, чемпионка СССР, Валентин Мишин. Как известно, лошадь в фамилиях не разбирается, ею управлять нужно. Мастера сами удивлялись. Конь у него был Борт. И, как говорится, мастер на мастере сидел. Они были привязаны друг к другу. Василий заходит в конюшню, Борт его ещё не видит, у себя в деннике стоит, но уже копытами перебирает, ржёт — чувствует Василия, волнуется и радуется. Ну, и Василий подойдет, сразу трепать его, гладить, в морду целовать, кусочек сахара даёт. Я удивлялся, что его так животные любят. А потом понял — они чувствовали, что он их очень любил, и отвечали ему тем же. Это была часть его жизни, а я тогда этого не понимал.

К слову сказать, впервые от капитана Эйдинова, инструктора в конноспортивной школе, где мы с Василием Сталиным занимались, я услышал о Георгии Константиновиче Жукове. Это был 1936 год. Эйдинов, настоящий наездник, рассказывал нам: «У меня в 1930 году был командиром полка Жуков (а сам он был у него командиром эскадрона). Таких командиров в Красной Армии больше нет. И вы все равно о нем узнаете».

Затем рассказывал, что это был за Жуков. Наездник высочайшего класса Эйдинов говорил: «Найдите у меня хоть одну ошибку. А вы думаете, что мне не хочется расслабиться? Но только у меня эта мысль появляется, тут же я вздергиваюсь: вспоминаю хлыст Жукова. Он никогда не читал нотаций: у него хороший хлыст — и по тому месту, которое

немного не так действует (не так поставленная нога, болтающаяся рука, неправильная осанка). В манеже обычно висят большие картины: панно с изображениями положения всадника и лошади. У Жукова панно не было: он сам показывал приемы и положения всадника».

В тех частях и подразделениях, где была конная тяга, или в кавалерии, часто устраивались конноспортивные праздники, соревнования. А чем еще заниматься в выходные? Соревнования проходили индивидуальные и командные. Эйдинов вспоминал: «Жуков всегда сам готовил команду и только сам выводил. Никогда наша команда не могла занять даже второе место — только первое. И никто не мог к ней приблизиться на этих соревнованиях. Жукова уважали как наездника и как командира, с которым вторых мест не бывает».

Ну а потом мы услышали о Жукове в 1939 году. Когда начались события на Халхин-Голе, понадобился командир, который бы несмотря ни на что — ни на то, что мы не были достаточно подготовлены, ни на соотношение сил, ни на то, что театр военных действий мало изучен — не только на японцев набросится, порвет их и выгонит, но еще и страху наведет. Сталин запросил: кто? Тимошенко предложил: «Есть такой кавалерист в Белоруссии — Жуков». Ворошилов и Тюленин поддержали, что это сильнейший и надежный командир. Жукова вызвали. Позднее Молотов сказал: «Жуков задачу выполнил даже лучше, чем предполагали. И этого не забыли».

Он так мог организовать дело, что противник его боялся. А свои боялись не выполнить поставленную им задачу. И решая эту задачу, порой выходили вместе с ним за пределы человеческого, возможного.

Жуков был комкором. Комкоры при присвоении введенных в 1940 году генеральских званий, как правило, получали звание генерал-лейтенанта. А Жуков сразу стал генерал Армии среди пяти получивших это звание. Был назначен командующим Киевским особым военным округом, затем — начальником Генерального штаба.

Е.Г.: *Почему Сталин снял его с этой должности?*

А.С.: Нет, Сталин его не снимал. Жуков в Генштабе сделал свое дело, но он — не штабист. Он мог навести порядок, протрясти, встряхнуть, но в душе был боевой справедливый командир. И мудрый командир.

Когда Жуков был командующим Западным фронтом под Москвой, заместителем начальника разведотдела фронта у него служил подполковник Мильштейн. Потом он получил звание генерал-лейтенанта. Работал преподавателем, затем начальником Кафедры иностранных армий в Академии Генерального штаба. Это фактически кафедра разведки.

Он рассказывал о Жукове так: «Прибыл новый командующий — Жуков. Надо идти с докладом. Все шли к нему буквально на полусогнутых, возвращались в шоковом состоянии. Он не допускал никаких неточностей у докладывающего — требовал фактуру. Ему не нужны были рассуждения и опыт того, кто докладывал. Я первый раз

пришел, Жуков начинает задавать вопросы. Только я принимаюсь делать обобщения или высказывать мнения, он одергивал: «Не болтай! Давай фактуру». Потом стал задавать некоторые вопросы. А вопросы — как щелчки по лбу — резкие и точные. Потом, когда мой доклад закончился, Жуков отвернулся и начал задавать вопросы, но немного другим тоном. Я отвечаю. Он мне: «Молчи. Не тебя спрашивают!» Вопросы задаются, а ответов не требуется. Потом говорит: «Иди». Я спрашиваю: «Товарищ генерал Армии, кроме нас двоих здесь никого не было. Вы спрашивали, а отвечать не давали?» «Я не тебя спрашивал», — говорит Жуков. «А кого же?» «Клюге».

Мы заметили, что он предвидит решения немецкого командования. То есть понимает, как немцы себя поведут. На военном совете он рассуждает о немцах, о том, как они будут действовать. Начальник штаба фронта генерал Василий Данилович Соколовский спрашивает: «Товарищ генерал Армии, а Вы откуда знаете?» Тот: «А Клюге не дурнее меня, он знает, как воевать, — после секундной паузы добавляет, — по правилам». «А Вы?» — спрашивает Соколовский» «А я его этими правилами — да в морду» — отвечает Жуков».

Е.Г.: *В каком году состоялся этот разговор?*

А.С.: В 1941. Фельдмаршал Клюге был командующим 4-й полевой армии, которая наносила центральный удар по Москве.

Или еще говорят, что Жуков спорил со Сталиным относительно Киева. Там был не спор. Жуков — генерал.

Задача генерала — выиграть сражение. С точки зрения нашей победы локальное киевское сражение было безнадежным. А Сталин — политик. Его задача — выиграть войну. Украина — значительная часть Советского Союза. Нужно было показать, что защищать её будут насмерть. Здесь Сталин был абсолютно прав. Да, мы понесли большие потери. Но есть стратегия политическая и военная. Политическая может главенствовать. Жукову поручено определенное направление — он отстаивал свое. А Сталину нужно выигрывать войну. И оба правы. Жуков как генерал. Сталин как политик.

Было ясно, что на поле боя Жуков полезнее и нужнее. Где нужно отстоять — он удержит, создаст такие условия, что будет сделано невозможное. Как и произошло под Москвой. Московское сражение стало величайшим не только по своим результатам — был развеян миф о непобедимости немецкой армии, которая до того ни разу не терпела поражения, шла только вперед. И вдруг её побили, да как! С другой стороны, это стратегическая битва, состоявшая из трех сражений: оборонительное сражение, контрнаступление и всеобщее наступление. Вопреки всем канонам военного искусства это контрнаступление началось без значительного превосходства в силах. Было равенство сил. Это беспрецедентно: противнику был нанесен сильнейший удар без превосходства в силах.

Е.Г.: *Это заслуга командования или солдат?*

А.С.: Разделять не будем. Но давайте посмотрим на немецких генералов и на наших. Когда началась война, у немцев во всем было преимущество: образованнейшие,

опытнейшие, в возрасте превосходство минимум на 15 лет. И пока их противником были Франция, Бельгия, они *блестяще* выигрывали всё. Но у нас они столкнулись с ожесточеннейшим сопротивлением. Ау них план, стратегия рассчитаны на молниеносную войну. И немецкие генералы не выдержали. В обороне что требуется помимо всего прочего? Работоспособность и железные нервы. При полном отсутствии отдыха, при перегрузках, бессонных ночах. К тому же надо бегать. И спать некогда: бои идут круглые сутки, и все время необходимо перемещаться.

У них было преимущество возраста и опыта, и при этом значительно меньше физических возможностей. А наши генералы — молодые, не так образованные, опыта меньше, но они все выдерживали и быстро набрались боевого опыта. Конечно, тут наш национальный характер надо учесть и традиции русской армии.

Немецкая стратегия блицкрига тоже сыграла свою роль. Рассчитывать, что за семь-восемь недель наша армия будет разгромлена... Поэтому в 1944 году командующий группой армий Северная Украина генерал-полковник Фриснер сказал: «Наша разведка была недостаточна». В каких вопросах? Оказывается, почти во всех. «Блицкриг забуксовал в Смоленске, а война была практически проиграна под Москвой», — говорили немцы.

Какое впечатление было от немецкой армии? Организованная, вооруженная, дисциплинированная, обеспеченная, самоуверенная, с хорошей подготовкой личного состава. У немцев четкий распорядок, движение —

все организованно. Они наступали днем. Шли колонной. Ночью останавливались: привал, охранение. Утром наступают. У них отсутствовал опыт ночного и лесного боя, действий в условиях бездорожья. А мы перед войной и в училище, и в кадровой армии много времени занимались ночью, в лесах, мы готовились на пределе человеческих возможностей. Солдат знает свое дело, офицер знает, что такое усталость и боеспособность. Он не раз в мирное время испытывал это состояние. Очень важно, чтобы офицер чувствовал боеспособность солдат.

Еще одну вещь нужно учитывать — холод и сырость. Всегда нужно офицеру иметь подразделение хоть маленькое, но сухое, накормленное и согретое. Иметь резерв, не потерявший боеспособности. Во втором Ленинградском артиллерийском училище — Михайловском училище, которое я окончил, было много старых офицеров, служивших еще в дореволюционной армии. Подготовка была суровая, напряженная, связанная с длительной бессонницей, с бесконечными маршами. Наши тяжелые орудия загоняли в болото, в речку, переворачивали с моста, чтобы учиться действовать и в таких условиях.

Среди курсантов соревновательность была жесткая. Батарея выходит на стрельбы. И назначается взвод сорвать эти стрельбы. Всего за выполнение задачи ставят 6 общих баллов. Если батарея получает «5», то взвод получает «кол» за работу. Были на отдельных позициях драки: и зубы трещали, и носы. Случались и травмы.

Или тревога ночью: 36-километровый бросок с 32-килограммовым ранцем. И никто нам эту ночь не компенсировал: утром все идет по обычному распорядку.

Учили жестко. Первый раз тревога, а многие не надели портянки и в кровь разбили ноги. Крепко запомнили: не дай Бог сапоги без портянок надеть. Если оплошал, сделал неправильно, то страдал, и на всю жизнь запоминал. Это воспитание было очень полезным для нас.

О Василии и друзья, и коллеги-лётчики (наставники, сослуживцы, подчинённые) были высокого мнения. Его инструктор, Герой России, полковник в отставке Фёдор Прокопенко и генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Долгушин отзывались о Василии прекрасно. И вдруг читаем о том, как он плохо учился в военном училище, о том, что его даже не выпустили лейтенантом, диплом не дали, а дали справку и одного-единственного выпустили в звании младшего лейтенанта. Но его инструктор Фёдор Фёдорович Прокопенко до сих пор жив. Он — Герой России: его представляли к званию Героя Советского Союза трижды, но представление куда-то пропадало. 53 года ходило, в конце концов Прокопенко получил звание уже Героя России. И на этот счёт Фёдор Прокопенко публично заявил: «Что это за болтовня? Кто это говорит? Кто лучше меня, его инструктора, может это знать? Я подписывал его диплом как инструктор. В архиве диплом наверняка есть, и подпись там моя стоит. Он был недостаточно усидчивый человек, но там, где дело касалось самолёта и полёта — лётного дела, устройства машины, аэродинамики, — у него были только отличные оценки, по

всем лётным дисциплинам. И мало того. Мы начали осваивать тогда истребитель И-16. Это очень строгая машина. Василий нас упрямил допустить его и освоил эту машину. Я утверждаю — он летал лучше всех остальных курсантов, был самым сильным из них. Летал смело, инициативно, интуитивно. Выпустился лейтенантом и сразу был назначен в строевую боевую часть. Он рвался в бой, не думал, что с ним может что-то случиться, это ему даже и мешало, так как Василий забывало безопасности, чувство самосохранения у него не срабатывало, были возможности его атаковать сзади, сбоку. Он в бой бросался, увидев противника, буквально накидывался на него. У него было тяжелейшее ранение в ногу, вырвавшее его надолго из боевого строя».

В его послужном списке записано, какие типы самолетов он освоил. Кажется, он все освоил. Летал на всём, что летало. Попадал в трудные ситуации: то в самолет молния ударила, и машина стала неуправляемой, но он посадил её все-таки. Сумел он посадить машину с лётчиками в Куйбышеве на аэродром, когда за самолётами летали, а другие лётчики не смогли сесть. То есть он не только сам выходил из сложнейших ситуаций, но и других спасал. И никогда потом не сетовал, не бахвалился. Всегда говорил: «Война есть война, самолёт есть самолёт, лётчик есть лётчик. Здесь уж кто кого».

О нём писали массу всякой гадости, не соответствующей действительности. В свое время в «Огоньке» некая Уварова написала отвратительную лживую статью о Василии. Эта Уварова представляется учительницей немецкого языка Василия. Хотя учительницей его не была и вообще не работала

в этой школе. Пишет эта Уварова, как он над ней и над другими учениками издевался, сводит его в один класс с Тимуром Фрунзе, противопоставляя плохому Василию хорошего Тимура (а они учились в разных классах: в 9-м и 8-м). Пишет, что Василий весь в иностранном ходил. Да если бы у него пуговица была иностранная, её бы отец в окно выкинул. В доме ничего иностранного не терпелось.

Ещё она пишет, как его возили в школу на двух машинах: на одной он с главным охранником, а на другой, мол, охрана. Да его никто на машине не возил! Он даже хвастал перед ребятами, что если окончит школу без троек, отец в качестве поощрения возьмёт его один раз на машине на дачу. А так ездили на дачу на паровике (поезде), а в школу на трамвае или автобусе. Школа находилась на площади Восстания, Садово-Кудринская, д. 3.

Я насчитал в той статье 27 абзацев гадостей о Василии.

Ребята, учившиеся с Василием в классе, были страшно возмущены этой статьёй, со мной советовались: мы, мол, напишем Коротичу (главному редактору журнала «Огонек» — *Е.Г.*), что там всё неправда. Но я им сказал, что Коротич, будучи редактором, сознательно допустил эту ложь, а возможно, и заказал такого рода публикацию. Поскольку статью одноклассников, опровергавшую ложь, нигде не брали, они решили подать в суд. Заводилой был Вася Алёшин, одноклассник Василия, который не мог стерпеть такой лжи. Но в суде сказали: «А есть у вас заверенная доверенность от пострадавшего? Ах, он умер 30 лет назад! Тем более заявление мы у вас не возьмём».

Е.Г.: *То есть умершего человека можно совершенно безнаказанно оболгать?*

А.С. : Да! Тогда решили сами пойти к Уваровой. Но не пошли, боясь, что не сдержат себя и попросту её обматерят. Послали к той даме военрука школы который и до войны, и после, демобилизовавшись работал в школе, а во время войны был начальником оперативного отдела штаба артиллерии 1-го Белорусского фронта. Придя к Уваровой, он сказал: «Что же Вы пишете, что Вы были учительницей? Вас же не было в нашей школе никогда!»

— А, может, я туда заходила!

— Но ведь в статье нет ни слова правды!

— Ничего, я ещё книгу выпущу.

— Как, к чему?! Ведь слова Ваши — ложь!

— Ну и что? Теперь на это клюнут.

И действительно, выпустила не менее гнусную книжонку.

Е.Г.: *Как относились к Василию учителя? Не боялись ставить плохие оценки?*

А.С.: Может быть, округляли в большую сторону. Но когда учитель истории Мартышин поставил Василию «2», а директор потребовал исправить оценку, учитель отказался это сделать, вышел конфликт. И Мартышин написал Сталину. Получил от Сталина ответ с отрицательной характеристикой Василия, извинениями и благодарностью за объективность, принципиальность. Тогда уже у директора школы были проблемы. А Василию все зимние каникулы (это были 1937—1938 годы) пришлось учить историю и пересдавать. Сам

Василий не обижался на Мартышина и говорил часто: «Вот честный человек, не побоялся». Любил он смелых людей, сам будучи очень смелым человеком. И в жизни, и в лётном деле. Например, он любил аттракционы с отрывом от земли: прыжки с парашютом с вышки, перевороты в воздухе. Где требуется храбрость — он первый.

Василий с детства и до конца жизни очень любил животных. Лошадь раненую из Германии привез и выходил, она жила у него. Собак даже приبلудных держал. Хомяк жил у него, кролик. Он заботился, чтобы собака кролика не съела. Собака у него одна была, как он говорил, с высшим образованием — знанием двух языков. Это была немецкая овчарка, трофейная, так сказать: он привез её тоже из Германии, но выучил понимать по-русски. Разговаривал с животными, целовал их. Как-то я к нему пришел на дачу, он сидит, рядом пёс — очень грозный пёс. Оказывается, были движения, которые посторонним нельзя было делать в присутствии этого пса, иначе он кинется, и его никто не удержит. Например, нельзя было над Василием поднять что-нибудь: руку, нож в определенном положении, собака сразу на вас прыгнет.

Василий был тогда женат на Кате Тимошенко, и однажды произошел такой случай. Ночью, когда они спали, зазвонил телефон, который стоял на тумбочке возле Василия. Катерина через спящего мужа потянула руку к телефону. Пес спал возле кровати со стороны хозяина. И вот собака прямо с земли, с полу прыгает и цепляется Кате в руку, потому что рука над Василием оказалась.

Ну, а в тот мой визит Василий гладил пса, целовал в носик, кормил из своей тарелки. Заметил мой недоуменный взгляд: как это? и сказал: «Не обманет, не предаст». Сам он того и другого — обманов и измен — пережил много. Очень любил животных.

Василий был человеком храбрым, преданным, материально бескорыстным. Он всегда делился тем, что у него есть, с другими, был щедр. Больно читать статьи о его богатстве, о манто каких-то. Да у него ничего не было! Получка в армии 15 числа, после этого все к нему шли — стол был накрыт для друзей. Дней через 10—15 к нему приходили со своим — у него уже было шаром покати. Очень был хлебосолен: кормил не только гостей, но и тех, кто пришёл к нему что-то починить, к примеру. Вот киномеханик у него работал. Василий всегда после сеанса ему: «Пошли ужинать». Человек стеснялся, отказывался, но Василий ему: «Ты когда работал, то работал, а сейчас работа закончена. Почему не пойти поесть?» Любил всегда всех угостить и не ставил себя выше кого-то чисто по-человечески. Ну, а перекусили — можно и по рюмочке.

Е.Г.: Как к Василию относились лётчики — подчинённые и командиры?

А.С.: Его уважали как лётчика. Бойцы знали, что у него опыт небольшой, но способности высокие и совершенно отчаянные бойцовские качества. Уважали и подчинённые, и опытные воздушные бойцы, такие как командир эскадрильи Долгушин или Фёдор Прокопенко: они больше его налетали в

бою (хотя Долгушин с ним вместе учился, но ему больше пришлось летать — Василий был ранен и лечился в госпитале). Он попадал в безвыходные положения, причём не только в одиночку на истребителе, но и на транспортном самолете, например. Положение кажется безнадежным, а Василий выходил из него, спасая и машину, и людей.

Был он большой новатор: его предприимчивость и личная инициатива по созданию и внедрению чего-то нового, его инициатива в боевой работе были очень широки. У него был цепкий ум: он все схватывал на лету и быстро ориентировался в происходящем. Например, широко использовал кино, телевидение. Он не боялся внедрять новое и брать на себя ответственность за это, не боялся делать не по трафарету, не боялся новаторства, наоборот.

Создал очень хороший узел связи, когда был командующим ВВС Московского военного округа. Штаб авиации тогда находился там же, где штаб округа, на улице Осипенко. Василий перевел его на аэродром: на центральном аэродроме стояло здание, аэродром перестал действовать как центральный, он туда и перевел штаб. «А то там половина штаба не слышала мотора самолетного», — говорил. Ещё так сказал: «Эти штабные, которые всю войну просидели на улице Осипенко, может, разве что эвакуировались в Куйбышев, и географии не знают. Им надо поучить географию по дальним гарнизонам». И отправил их служить по стране. А к себе брал летчиков-инвалидов, списанных с летной работы. Ему говорили, мол, да ну, что это за штаб?! Он отвечал: ничего, мол, пока они не все знают, но как воевать — знают и

работают с полной отдачей и желанием. И штаб у него работал безукоризненно и самоотверженно.

Возьмем организацию воздушных парадов — сложнейшая работа, где нужна абсолютная слаженность штаба, управление всеми задействованными структурами.

Он командовал парадом над Красной площадью, там участвовали сотни самолетов разного типа. Реактивные и поршневого типа самолеты летят с разными скоростями, с разных аэродромов, находящихся на разном расстоянии от Москвы. Бомбардировщики вообще издалека взлетали. А ведь где-то они должны сойтись для группового пролета, имея разницу в скоростях в сотни километров, и строгим порядком пройти над Красной площадью. Здесь точность должна быть абсолютная. Пять секунд расхождения — это промашка полная. А откуда-то они идут, а тут и ветер дует, ещё много факторов надо учитывать. И надо все рассчитать, маршруты проложить, в том числе учесть скорость и направление ветра. Ветры-то дуют по-разному. У него была карта московских домов: высота, расположение. Ну и улицы, дороги. Как вести группы? Какие ориентиры? Прекрасные ориентиры — дороги и дома. Но этажность домов различна, и где-то ещё находится заводская труба. А высота пролёта самолётов над Красной площадью малая.

Василий был хороший организатор, и он всё это устраивал. Не зря ведь, когда его не стало в той структуре, штаб сильно изменили, парадов не стало. После него кто бы это делал? Тут помимо организаторских способностей смелость необходима, нужно не бояться брать на себя ответственность, идти на риск.

Для всего этого нужно день и ночь готовиться, проводить бесконечные тренировки, делать сложные штурманские расчёты. Нужно налаживать связку «земля — борт самолёта». Он создал отличный узел связи, куда брал не именитых людей, по благу, так сказать. Он, поверив в человека, увидев его способности, мог поручить ему важный участок. Но при этом говорил: «Я тебе доверяю, ты мне обещал, а обмана я не терплю». И люди оправдывали его доверие. Потом, когда его уже не было, старые лётчики, командиры рассказывали, что когда вопрос какой-то возникал, то между собой говорили: «Давай, как при Василии Иосифовиче, как он делал».

Е.Г.: *Бывал у Вас на даче в Жуковке?*

А.С.: Да-а! Бывал, конечно! Дача эта у нас с 1937 года, он приезжал сюда. Первый вопрос его неизменно, когда он приезжал: «Что надо делать?» Работать! Сразу работать! Ещё когда мы жили в Усове, лет по 10-12 нам с ним было, когда Василий появлялся, его первый вопрос: «А что сегодня нужно делать?» »

Василий всегда много работал. Да, он выпивал. Но было это не всегда, а под конец: он стал понимать свою судьбу. Он уже знал и не сомневался: как только не станет отца, его самого разорвут на части, и сделают это те немногие, кто сейчас руки лижет и ему, и отцу. Потому он так любил собаку: «Не обманет, не изменит». Потому и пил. Некоторые люди, узнав, что дни сочтены — смертельное заболевание или ещё что-то, ожесточаются, становятся мстительными. А у него, с одной

стороны, его мягкость в отношении кого-то сохранилась, но появились жесткость, надрыв, и они давали себя знать в повседневной жизни. Да, он мог быть грубым, но это было не органично для него. Он просто срывался, стал вспыльчив, но не мстителен, подлости в его характере не было никогда.

Как-то сидели с ним, выпили. Он ещё наливает. Говорю ему: «Вася, хватит». Он отвечает: «А что мне? У меня только два выхода: пуля или стакан. Ведь я жив, пока мой отец жив. А отец глаза закроет, меня Берия на другой день на части порвет, а Хрущёв с Маленковым ему помогут, и Булганин туда же. Такого свидетеля они терпеть не будут. А ты знаешь, каково жить под топором? Какая будет неприятность для отца, если застрелюсь. А тут я переверну — и всё. Вот так и уйду от этих мыслей».

Перед полётами он никогда не пил, исключено. Никогда! Никто не выпустит в полёт. Лётные дни — два в неделю в лётной истребительной части. Один день резервный. Для лётчиков в полку обязательный налёт — 100 часов в год, иначе теряется квалификация. У Василия налёт был большой. Он летал больше, используя свои возможности. Трудно найти человека, который летал бы на таком количестве разных типов самолётов. Жена говорила: «Раз он не пьёт, значит, завтра у него полёты». Для него работа была на первом месте.

И верно он предчувствовал: отец умер в марте, а в апреле он был арестован. 32 года ему тогда было. Поначалу Василия поместили в госпиталь, к нему можно было пройти, а он не мог выйти. Потом его осудили по двум статьям. 58¹⁰ — «Антисоветская агитация»: отзывался плохо о Берии,

Хрущёве — вот и антисоветская агитация. Судили и по статье 193¹⁷ за злоупотребление служебным положением, финансовые нарушения. В чем было злоупотребление? Он сделал из неиспользуемых ангаров на центральном московском аэродроме манеж и конюшню. Создал конноспортивную команду, которая после его ареста стала союзной командой. Он создал и другие спортивные команды ВВС, потом они стали командами СССР.

Затем он строил летний каток и бассейн. У нас в стране не было олимпийского 50-метрового бассейна. Он начал его строить. Ведь олимпийские игры 1980 года проводили в бассейне, который Василий построил. А его за это осудили! Его обвинили в финансовых нарушениях. Но что такое строить в Москве? Уровень согласования должен быть не ниже первого заместителя председателя Совета Министров СССР. И деньги он сам не печатал. Кто-то их ему давал, подписывал документы, ему выделили площадь под строительство. Подписей его на финансовых документах нет, он не уполномочен был эти вопросы решать. Но во всем обвинили его. Он много знал и был честным человеком — за это и судили.

В адрес Булганина как-то сказал в сердцах: «Да убить за такое мало!» Так его обвинили в покушении или заговоре с целью убийства. А обвинили фактически потому, что он кое о ком не слишком лестно отзывался, зная мнение своего отца об этих людях.

Он умел находить спортсменов. Например, в 1947 году проходили конноспортивные соревнования, привезли

лошадей с разных конезаводов. Утром лошадям обычно дают резвую. Но резвую дают не наездники, а коновод. И вот Василий видит, что на лошади завода «Восход» из Пятигорска скачет парнишка, в котором Василий увидел задатки. Спрашивает его: «Ты сегодня скачешь?». Тот отвечает, что, нет, мол, я коновод, а не жокей. Василий его спрашивает: «А хочешь?» Тот только руками развел. Василий ему говорит: «Если хочешь по-настоящему, я тебя мобилизую в армию (ведь у Василия была команда ВВС), выбирай из моей команды лошадь и будешь скакать». Это был 17-летний Коля Насибов, в тот день он стал военным, привез 2-е всесоюзное место на лошади, которую первый раз видел. Потом он стал великим жокеем, объехавшим весь мир.

Пунктик властолюбия у Василия был, любил он быть выше других. И в компаниях тоже. Например, он хотел быть командиром дивизии. А на то место шел человек, который был по стажу выше. Василий поступил по отношению к нему некрасиво: сам сел на это место. Тот не прошёл. Но при этом Василий так устроил, чтобы тот человек пошёл выше и даже стал над ним начальником. И далее они были друзьями. Василий был незлобив, отходчив.

Е.Г.: *После войны вы часто общались с Василием?*

А.С.: Да, много и часто общались. Я приходил к нему в госпиталь перед его арестом. К нему можно было пройти, а ему нельзя было уходить. Он тогда не понимал до конца своего положения, не осознал такой стремительной перемены.

Хотя знал, что так оно и будет. Но на тот момент не осознал! К нему в это же время приходили футболисты, и он говорил им, как нужно играть. Он хорошо в этом деле разбирался. Сам играл хорошо, любил футбол и футболистов.

Е.Г.: Какие были у Василия награды?

А.С.: Надо сказать, что работали люди не лучше его, а наград имели больше. Он был очень смел. Например, когда немцы прорвались на аэродром, он организовал оборону, сам выехал, в открытую. Люди, не привыкшие к бою на земле, испытывают определённые трудности, а Василий их организовал. Сам он говорил: «Если меня наградят, то это будет награда не только мне, но и отцу подарок. А на подарок должен быть отдарок. И в отцовском положении отдарок должен быть куда выше. Так что пока все мои ребята не будут награждены, мне ждать наград нечего». Было у него три ордена Красного Знамени. Причём один из этих орденов был бесфамильным. Увидел его в воздухе командующий армией. Это было в 1941 году в Мценске. На аэродром Мценска налетели немецкие бомбардировщики. Василий туда полетел на незаряженном самолете и вытолкнул этих бомбардировщиков лбом, отогнал. Командующий армией сказал: «Вот этого лётчика я награждаю орденом Красного Знамени». Когда приземлился, выяснилась фамилия лётчика. Третий орден получил за успешное командование авиацией МВО, за её постоянные призовые места в войсках ВВС. Был у него орден Александра Невского, два польских ордена, поскольку он в Польше воевал.

Е.Г.: *А воевал Василий под своим именем?*

А.С.: Да, Василий воевал под своим именем. Немцы это знали, и на Северо-Западном фронте в марте 1943 года я видел листовку немецкую: «Вашу авиацию мы не боимся. Группой полковника Сталина вы всё небо не закроете». Они почему-то полк называли группой.

Е.Г.: *А на Василия работала его фамилия?*

А.С.: Конечно. Это срабатывало автоматически. Но он не злоупотреблял, даже наоборот. И знал, что если отцу расскажут, что его имя используется — не похвалит. Вот летчики говорят, что на личном счету Василия пять сбитых самолетов. А записан один. Почему? Василий атакует, подбивает, а потом отдает своим товарищам: «Добивайте. Вам нужнее. А я обойдусь». Его ребята, летчики, рассказывали: «Он, как кобель бешеный, кинется, сразу — раз! Зажег — и в сторону. А нам остается добивать: стукнуть по кабине, чтобы не мучился». Старые летчики говорили: «Мы по хвостам не били — били по кабине. Чтоб не мучился. Всё-таки свой собрат — летчик».

Е.Г.: *Отец не пытался сделать Василия политиком, своим помощником?*

А.С.: Из этого ничего бы не вышло, потому что Василий, несмотря на очень высокие свои способности, не мог сидеть, изучать материалы, не относящиеся к спорту, авиации, конному делу, — не выдерживал. Он был неусидчив, если дело не касалось подготовки к полёту или самого полёта. В практических вопросах любимого дела он был неутомим и

одержим: чтобы овладеть новыми знаниями, мог до бесконечности, ночи напролёт изучать самолёт, теорию полёта.

Сталин был реалист и в этом плане на него не делал ставку. Будучи абсолютным прагматиком, Сталин был совершенно лишен иллюзий. Он знал, и понимал, что Василий во многом разбирался, прекрасно ориентировался в происходящем, это было заложено от природы и далось опытом его присутствия при многих свершениях, событиях, как положительных, так и отрицательных, но политика из него не получится. Его можно было делать командующим авиацией. Здесь он, очень серьёзно и далеко глядя вперёд, мог давать продуманные и верные заключения. Мог давать свои заключения и о спорте, о конном деле.

Он был в курсе новостей, читал газеты, очень тонко разбирался в событиях, в людях и понимал, кто куда идёт, и часто понимал, почему его отец именно так относится к тому или другому человеку, несмотря на те или иные события, их видимую сторону. Он понимал, какие качества человека его отец ценит, какие — может не замечать, какие — исправить и к чему это приведёт.

В каждом деле у него были свои кумиры. Он знал, что Будённого Ленин назвал первым кавалеристом мира. Это второй человек в истории, так названный, после наполеоновского маршала Лана, которого первым кавалеристом мира Наполеон назвал.

Сталин очень высоко ценил Буденного-кавалериста. И если в компании пытались пошутить над Буденным как

кавалеристом, Сталин сразу это пресекал. Семен Михайлович сам лично вырубил лучших фехтовальщиков Европы, и похоронены они подо Львовом. Он создал оперативное построение Первой конной армии. Он сам вел в бой, и за ним шли, на него ориентировались. Он рубил первый, играя первую скрипку в сабельном бою. Его авторитет в кавалерии был непререкаем. Я помню довоенные конные соревнования. Если в них участвовал Буденный, то первое место было у него. Если надо срубить лозу, то Буденному на лозу пилотку или фуражку вешали, и только та считалась срубленной, на которой пилотка сядет на пенечек и не шелохнется. Шашка у него в руках буквально пела: большая скорость вращения — большая частота звука. Вот такой был кавалерист Буденный.

Василий знал, кто как летает. Он колоссальное уважение испытывал к Михаилу Михайловичу Громову — известному лётчику-испытателю. Громов был профессором кафедры эксплуатации самолётов и моторов, самым крупным специалистом в этих вопросах. Василий пытался по возможности полетать с Громовым, чтобы поучиться. И он говорил, что ему это удалось, чем гордился. Говорят, что Чкалов был его кумиром. Чкалов — интуитивный лётчик, человек колоссального таланта в полёте, но Громова Василий уважал больше. Чкалов погиб в 1938 году, когда Василий лётным делом ещё не занимался, может, только мечтал, потому Чкалова он как такового не знал. Может, он видел его полёты, но ничего конкретно от Чкалова в смысле опыта и практики он не получил. Так что его кумиром в лётном деле, думаю, был всё-таки Громов.

Василий отцу немало рассказывал о самолётах. В этом отношении отец к нему прислушивался и понимал, что Василий здесь, несмотря на то, что совсем молодой, уже специалист, понимает и разбирается. И отец ему доверял.

Между прочим, Сталин Василия уважал, потому что тот был очень талантливым человеком. И любил труд. А у Сталина первое — это труд. Он работал день и ночь. Начиная с 1932 года, со смерти Надежды Сергеевны, у него квартира фактически стала его рабочим кабинетом. Он советовался с Василием по многим вопросам. Но не терпел, если что-то случалось, наподобие этой истории с женой Кармена, когда Василий сел на гауптвахту в московской комендатуре ... Там все просто. Ниночка Орлова училась в одной школе с Василием. Красотка была необыкновенная, тут нечего сказать. И сколько он за нее дрался с ребятами! Доставалось за нее ему крепко. Он никогда не дрался с младшими или кто слабее его, и чтобы жаловаться — никогда.

В декабре 1941 года я прилетаю в Москву на один день. Прихожу к Василию, у него кабинетик был в подвале в Хользуновом переулке, смотрю, Ниночка там. Василий говорит: «А Ниночка-то всё-таки моя». Случай получил огласку. Мне Василий рассказывал, что и как. Кармен написал Сталину слезливое письмо о том, что Василий увел у него жену. Мне Василий говорил, что Сталин написал: «Эту дуру отдайте Кармену, а полковника Сталина арестуйте на 15 суток».

Но есть люди, которые хотят сверх всякого разумения все исполнить. Василия засадили фактически в каменный мешок. Вот такая история с Ниночкой Орловой.

Другая история — действительно несчастье с разрывом реактивного авиационного снаряда РС, когда погиб инженер полка. Ведь если погоды нет, то пилотам делать нечего. А Василий умел создать летчикам условия для отдыха. Ну, например, пойти рыбу ловить. А чем? Глушить. Особенно хороша граната Ф-1. Решили, однако, что лучше взять РС. Разорвалась она так, что... Василий был серьезно в ногу ранен, так до конца он и хромал. В кабинете у себя всегда снимал обувь — он обычно в ботинках ходил — и надевал тапочки.

Е.Г.: Звонил ли отцу попросту, заходил, как дети к родителям или родители к детям: «Как дела?»

А.С.: Нет. Только по делу, с разрешения: можно ли прийти. Или когда его отец, и нередко, вызывал для решения вопросов как специалиста-лётчика, которому он доверял как человеку, который понимает дело и будет совершенно откровенно и правдиво докладывать.

Примерно в 1948 году мы с Василием, он был тогда командующим ВВС МВО, сидели в Зубалово. Звонок по ВЧ: сообщили о катастрофе бомбардировщика ИЛ-28. Экипаж из трёх человек погиб. В авиации катастрофы, увы, неизбежны. Василий позвонил отцу, доложил. Слышу, как он отвечает: «Всё сделаем, всё сделаем, как надо. Я обо всём распоряжусь и проверю исполнение». И мне говорит: «Отец сказал, что самолёт мы новый сделаем, а там были люди, у лётчиков

семьи, имей в виду». Василий добавил, что нужно всё сделать, потому что отец обязательно поинтересуется исполнением. Его отец был очень внимателен к людям и сразу сказал, что прежде всего надо позаботиться о семьях погибших.

Е.Г.: *У Василия была своя дача?*

А.С.: У Василия была казенная дача около совхоза Горки-2 по Рублево-Успенскому шоссе. Дача ему не принадлежала.

Е.Г.: *А насколько вообще Сталин интересовался бытом и его устройством?*

А.С.: Для себя?

Е.Г.: *Нет, Вы уже говорили, что он был аскет. А друзей, соратников? Вот так, сразу, распорядился позаботиться о семьях лётчиков, погибших в катастрофе. Он понимал, что человек живёт не в безвоздушном пространстве, ему надо где-то жить, что-то есть?*

А.С.: Безусловно, понимал! Безусловно. Не говоря о масштабных действиях правительства в области социальной политики, в том числе строительства жилья (взять хоть «сталинские дома»), но возьмите простую вещь. Когда ему шахтеры написали, что в шахтной бане нет воды, Сталин ответил: «Если в шахтной бане нет воды — судить директора шахты как врага народа». Всё, больше вопроса такого не стояло. И разговоров не было — вода была.

Или ещё пример. Рабочий пишет Сталину, что ему не выдали зарплату, а послали на курорт, пообещав, что пришлют

деньги туда. Отпуск кончился, ничего не прислали, и денег нет, чтобы даже уехать.

Резолюция Сталина на письме: «Поправка пошла насмарку. Снова дать путевку. Все выдать за счет виновного».

Е.Г.: Ему писали множество писем. Но ведь приведенные Вами письма — чисто бытовые. Почему именно они попали к Сталину? Кто делал отбор?

А.С.: Это работа секретариата. Решали Поскребышев или его помощник Чечулин. Они просматривали и решали, что делать: с какими вопросами письма направляли к Сталину, а на некоторые письма в секретариате сами отвечали и решали поставленные в них вопросы.

Например, мне рассказывал Леонид Георгиевич Мельников, секретарь Карагандинского обкома партии (прекраснейший человек!). Он во время войны был вторым секретарем Донецкого обкома, членом военного совета 64-й армии. Ему звонят, говорят, чтобы он летел в Москву. Идет Сталинградская битва, он — член военного совета армии, отмахивается: «Подождут!» Опять вызывают — он не реагирует. Потом от Сталина приказ: быть тогда-то. Делать нечего — в самолет.

Сталин говорит: нужен уголь. Нужно ехать в Караганду и удвоить добычу угля. Там при этом разговоре присутствовал ещё Егор Трофимович Абакумов, «король пол-угля», как его называли, это ещё старый шахтер-саночник. А называли его так потому, что в свое время Министерство угольной промышленности, где он занимал пост, разделили на два.

И вот Сталин посылает Мельникова секретарем обкома в Караганду за углем. Мельников спрашивает: «А как же я буду со всеми разговаривать, убеждать? Это Казахстан, я языка не знаю». Сталин дал рекомендации, как можно это сделать: «Пойдите на базар, найдите старого акына, который там песни поет. Это не песни в нашем понимании — это песни о жизни, он рассказывает о текущей жизни. Он Вам все подскажет и поможет».

Мельников, приехав в Караганду, нашел такого акына и позднее рассказывал: «Я никогда не думал, что так может быть, такой результат. И ведь это был случайный акын, никакого подбора тут не было».

Потом, когда добыча была удвоена, как и приказано, следовало представить людей к наградам. Мельников этого акына представляет к ордену Ленина. На него накинулись: да что это? Какой-то там акын по базару шляется, поёт. Причем против было начальство национальное, местное. Они были очень этим недовольны. Мельников позвонил Поскрёбышеву и сказал, что, мол, вот такая вещь: «Акын мне очень помог. Так поступить мне рекомендовал товарищ Сталин, и я считаю, что акына нужно представить к ордену Ленина. А тут все против». Поскрёбышев говорит: «Делай!» То есть он такие вопросы с ходу решал. Через день-другой Поскрёбышев звонит: «Товарищ Мельников, товарищ Сталин сказал, что Вы с акыном поступили совершенно правильно!»

Но из этого ордена целую политику вывел сам акын! Оказывается, он пел и на 300-летие дома Романовых. И за это

ему дали пять рублей. «А когда я пел для советской власти, я получил золотой орден самого Ленина!» — пел он.

Сталин понимал национальные особенности прекрасно: этот акын кричит на базаре, но он — политик! «Он мне, — говорил Мельников, — очень много помог: если какие вопросы надо решать, я ему говорю, он идет на базар и поёт о том, что нужно вот для того-то или того-то. Люди слушают его и делают. Он в песне рассказывает и призывает».

Е.Г.: Со своими обязанностями командующего авиацией Московского военного округа Василий справлялся?

А.С.: Судя по тому, что округ вышел на первое место по реальным результатам, да. Какая бы ни была фамилия командира — аэроплан все равно тяжелее воздуха, а земля твердая.

Возьмите подготовку экипажей. Тогда шла война в Корее, люди уходили на боевые действия отлично подготовленными. Не зря и в мирное время командующих награждали. Василий не был человеком импульсивного действия: хочу и делаю, вот взбрело мне. Нет. Он все тщательно продумывал, опирался на хороших специалистов. У него были прекрасные летчики, которых во многом он сам воспитал. В этом отношении он обладал высокими способностями замечать задатки, развивать их. Поэтому в войну полк, которым он командовал, имел хорошие показатели, добивался успехов. А он набирал туда не общеизвестных знаменитостей, а ребят, у которых видел бойцовские задатки летчика. Он за командование округом был

награжден третьим орденом Красного Знамени. За то, что его округ уверенно держал первое место, за подготовку, проведение крупных парадов, а ведь это не «па» на паркете, это — сложнейшая задача. Парады не только демонстрировали мощь страны, но эту подготовку к ним можно было применить в реальных боевых действиях.

Е.Г.: При Сталине проводились грандиозные военные парады. С какой целью?

А.С.: Сталин считал это необходимым: военные парады были 1 мая и 7 ноября. Ведь это, собственно, смотр состояния армии. Все парады имели политическое значение, в зависимости от политической обстановки строился и парад. При этом каждый парад имел определённый политический акцент. Идея парада 1941 года — чисто его идея.

Е.Г.: Вы присутствовали на гостевых трибунах во время парадов. Дома в этот день готовились как-то к ним? Одевались, может, специально?

А.С.: Нет. Обычную одежду надевали. Вставали, как обычно, завтракали. Сталин уходил на работу, как и всегда. Он выходил на трибуну со своими людьми, с руководителями, а мы шли отдельно. Когда были маленькие, ходили с моей матерью и Надеждой Сергеевной. Потом её не стало, ходили с моей матерью. Мы всегда чувствовали и знали, что парад — это серьёзная государственная работа. После парада Сталин с руководителями приходил, они собирались, говорили о том, как прошло, оценивали. Вообще у него все всегда было по делу и вокруг дела.

Е.Г.: Дома обсуждали, кого наградить из отличившихся и за что?

А.С.: Нет, дома таких разговоров я не слышал.

Е.Г.: Вы сказали, Сталин знал, что вы с Василием будете военными. А как вы к этому готовились?

А.С.: Перед войной, как я ранее уже упоминал, были организованы спецшколы, готовящие курсантов в военные училища. Мы сами пошли и поступили туда.

23 сентября 1937 года в школе номер 32, где я учился, объявляют, что в Москве создаются военные спецшколы, называют адрес: Садово-Триумфальная, 3. В классе мы учились с Алешей Ганушкиным. Это внук знаменитого психиатра Ганнушкина. Впоследствии он был главный прочнист в фирме Туполева.

Мы сразу ушли из школы и отправились на Садово-Триумфальную. А там уже толпа... Улица широкая, и заполнено все Садовое кольцо. Там уже были Василий Сталин, Степан Микоян, Тимур Фрунзе. Конкурс огромный: 12 человек на место. Мы отошли в сторону, стали обсуждать, как будем поступать. Тимур Фрунзе — отличник, он без разговоров поступит. Степан Микоян — скромнейший человек, тоже очень хорошо учился. А Василий просто дрожал, что его не примут: очень переживал: если его не примут, что отец скажет? Кого же он воспитал? Какой позор отцу! В итоге его всё-таки приняли. Костя Шуленин, преподававший у нас физкультуру, был начальником физподготовки школы, и он рекомендовал Василия как

прекрасного спортсмена. Василий уже имел знак «Ворошиловский кавалерист». Его спросили: «А отец разрешил?»

В спецшколе были 8,9,10 классы. Таких школ было 20 по стране, а в Москве — пять. Туда принимались мальчики. В основном это были артиллерийские школы с прекрасной физической и военной подготовкой. В этих школах также делался упор на русский язык и математику как на самые важные дисциплины в военном деле. На русский язык, чтобы будущий командир мог ясно говорить и понимать, что говорят другие, писать и понимать, что пишут другие. Ну а математика — основа естественных наук. В этих школах было по 5-7 параллельных классов. Зимой шло обучение в стационаре, а летом ученики выезжали в военные лагеря. Спецшколы эти просуществовали до 1946 года — тогда состоялся последний выпуск. Были подготовлены многие тысячи выпускников, которые в основном шли в военные училища: летные, военно-мореходные и артиллерийские. Из обычных школ многие крепкие ученики пошли в эти спецшколы: крепкие и физически, и идеологически, и сильные чисто по учебным дисциплинам. Конкурс, как уже говорилось, был 12 человек на место — так все юноши в то время хотели стать защитниками родины. Причем на конкурсные места претендовали те, кого уже предварительно отобрали в эти школы. На приеме работали мандатная и предметная комиссии.

В эти школы сразу пошли Василий Сталин, Степан Микоян, Тимур Фрунзе.

Наша школа находилась на Садово-Триумфальной улице, дом 3. Сейчас там медицинский институт, кафедра, где когда-то занималась вопросами бальзамирания.

То школьное здание не имело ни спортзала, ни стрелкового тира, и поэтому для военной школы оно явно не годилось. Что делать? В жизни школы тогда большую роль играла комсомольская организация. У нас был очень хороший комсорг в ЦК комсомола — Валера Цыганов. Ему было тогда 28 лет. Опытный комсомольский работник. Имелось также три заместителя секретаря комсомольского комитета: Василий Сталин из 9 класса, Серафим Блохин тоже из 9, и я — из 10 класса. По инициативе именно заместителей, а не секретаря, было решено, что нам нужно другое здание спецшколы: должен быть спортзал, место для стрелкового тира и военные кабинеты. И мы решили идти к наркому просвещения Чуркину. Кто пойдет? Комсоргу ЦК вроде ни к чему: он человек взрослый, а инициатива исходит от нас, школьников. Решили, что пойдём мы, заместители. Василий говорит: «Мне нельзя — фамилия. Если я приду, скажут, что это директива сверху. И отец не похвалит, узнав, что, пользуясь его фамилией, пришли к наркому с какими-то требованиями или просьбами». В итоге пошли Серафим Блохин, я и взяли Тимура Фрунзе, он в 8 классе учился. Пришли к наркому, добились приема. Тогда это было не так сложно. Стали вести разговор о том, что с другой стороны Зоологического сада есть здание, выходящее на Грузинскую улицу. Оно военной школе вполне соответствует. А школа, которая там находится, может переехать в наше здание: по наполняемости, по количеству

учеников это здание вполне подойдет. Нарком стал говорить: «Это невозможно. Как это так, менять? Невозможно».

Мы сказали: «Если вам это кажется невозможным, если вы не понимаете, какое здание необходимо военной школе, где готовят будущих командиров Красной армии, тогда мы пойдем к Ворошилову, он-то должен понимать, какое здание нам нужно. Это не наша прихоть, а необходимость серьезной подготовки будущих военных».

Тот, мол, не надо, при чем тут Ворошилов? Мы говорим: «Значит так: заканчивается первое полугодие, будут у нас каникулы дней 10, после чего мы должны заниматься уже в новом здании, где есть настоящий спортзал, где можно устроить стрелковый тир».

Тот нам: «Мы об этом подумаем». Мы ответили: «Вы думать можете, а нам думать долго некогда, нам нужно учиться военному делу в соответствующих условиях». Что-то он опять начал говорить. Но мы твердо стояли на своем: «Военная школа должна иметь все условия для подготовки военных: военные кабинеты, тир, спортзал. Если можете сделать, хорошо, если нет, то мы пойдем к Ворошилову, который понимает, что нужно военным». Тот опять, мол, хорошо. Мы ему: «Не «хорошо», а нужно ваше слово, что второе полугодие вторая артиллерийская спецшкола (тогда она еще называлась 118 средняя школа) должна заниматься в новом помещении. Если обещаете, то мы уходим и ждем. А если вы не выполните обещание, мы скажем, что вы обманываете будущих командиров Красной Армии». Короче говоря, второе полугодие мы начали в прекрасном школьном

здании, где было все необходимое для подготовки будущих командиров.

Е.Г.: Когда Василий женился, советовался с друзьями, отцом?

А.С.: 15 декабря 1940 года он звонит: «Приходи ко мне, я познакомлю тебя со своей невестой. Я женюсь на Гале Бурдонской» А я не мог: в этот день уезжал в командировку начальником эшелона по развозу призывников, которые по разным причинам осенью во время призыва не выехали к местам службы. Такой эшелон я должен был по западной границе провезти. Я ему ответил, что не смогу. Он сказал: «Как жалко! У меня смотрины, помолвка. И я женюсь». С Галей у них родилось двое детей. Саша родился 14 октября 1941 года, сейчас народный артист России, режиссер театра Российской Армии, талантливый режиссёр, постановщик. В 1943 году родилась дочь Надя. С Галиной он разошёлся. Они были совершенно разные люди: разного уровня, диапазона. Он был неуёмен, ему словно не хватало его деятельности. Он был широкой натурой, с массой желаний и неукротимой энергией.

Е.Г.: Свадьбу как таковую играл?

А.С.: Какую-то маленькую — да. Не широкую, не ресторанную, а домашнее застолье. Это был 1940 год, он только лейтенантом стал, тогда и квартиры своей не имел. Полк его стоял в Люберцах, там какое-то жильё было.

Е.Г.: *Как отец относился к его бракам и жёнам?*

А.С.: Как я понял, сказал: «Поступай, как хочешь». Мы мало в то время общались — служили! Только где-то случайно встречались. Например, приехал я после госпиталя в Куйбышев, где находился отдел кадров артиллерии, получить назначение, а он как раз прилетел туда из Ирана, где находился с особым заданием. Василий получал тогда немало специфических заданий как лётчик, как командир и как работник авиационной инспекции. Разные задания: не громкие, но тонкие и важные порой.

По-моему, Катя Тимошенко — вторая жена — Сталину нравилась. Но у самого Василия с ней было холодновато. Дочь маршала Тимошенко, Екатерина Семёновна, была женщиной царственной красоты. Но была она холодной в доме, не чувствовалось её гостеприимства, и не создала она тёплой, благожелательной атмосферы. Его это угнетало. Он любил, чтобы были товарищи, может, любил больше, чем женщина может выдержать. Ему были нужны домашняя теплота, уют, чего Екатерина Семёновна — красивая, всегда хорошо одетая, прибранная — создать ему не могла. У них было двое детей, Вася и Светлана. Вася умер в возрасте 23 лет. Светлана ушла из жизни в возрасте около 42 лет.

Встретился он позже с очень интересной женщиной, волевой, сильной физически и морально — чемпионкой СССР по плаванию Капитолиной Георгиевной Васильевой, ставшей его женой. Когда она появилась в доме, надо сказать, её силы воли, уравновешенности хватало, чтобы в семье наступил покой. Василий был неуёмен, и она его сдерживала, как могла.

Василий после войны особенно почувствовал, что его дни уйдут вместе с его отцом, и у него появилось внутреннее отчаяние, случались срывы.

Е.Г.: Говорят, что он бабником был.

А.С.: Какие-то случаи исключать нельзя. Я не был в курсе всех деталей его личной жизни, но, зная его характер (он не прочь был повеселиться), допускаю какие-то моменты. Да и надо посмотреть, с чьей стороны исходила инициатива. Не секрет, что интерес к такому человеку, как Василий, мог быть и вполне прагматичным. Его хотят облить грязью, и то, что сейчас слышишь порой — это утрирование. А то и прямая клевета, переврано все многократно. И я как друг считаю своим долгом восстанавливать его доброе имя. Василий был прекрасным человеком. Не идеальным. Но хорошим, достойным. Он метался, понимая, что жив, покуда жив отец. Над ним маячили Берия, Хрущёв, Маленков и Булганин. Они его на свободе не оставят — он знал это. Отсюда, видимо, и появляющаяся порой бесшабашность в его поведении.

Е.Г.: Кроме спорта и лётного дела интересовался чем-то? Читал?

А.С.: Да, он много читал, особенно в детстве. Любил Лавренева, Горького, Шагинян, Пастернака, нравился ему «Разгром» Фадеева за то, что человек, потерпев поражение, не теряет себя. Он говорил: «Вот это мужик! Его разгромили, а он сопли не распустил, остался боевым командиром». Любил читать о преодолении человеком обстоятельств,

интересовался книгами, в которых описана авиация, действия летчиков. В 1938 году вышли книги Ассена Джорданова «Ваши крылья» и «Полёт в облаках». Это очень хорошие книги для первоначального знакомства с авиацией. Василий их буквально вызубривал. Ему очень нравились афоризмы, их было много в книге. Например, «Изменить свое решение на посадке — все равно, что пригласить друзей на свои похороны». Рассказывал о прочитанном, мы обменивались мнениями. Он не увлекался бездумным геройством и случайным успехом, а любил читать об успехе, которого добились через преодоление, когда обстоятельства против. Это было характерно и для него. Любил читать о конном деле, кавалерии, и всё, что мог схватить интересного об авиации, — читал, продумывал, запоминал.

Е.Г.: *Сам не думал писать?*

А.С.: Такого разговора никогда не было.

Е.Г.: *А театр любил?*

А.С.: Очень любил театр, МХАТ. Это, очевидно, от отца. МХАТ Сталин очень любил, считал образцом. И Василию эти симпатии и предпочтения, видимо, передались.

Набор пластинок у него был дома: классика, оперетты, оперы «Князь Игорь», «Хованщина», «Царская невеста». О «Евгении Онегине» нечего и говорить, часто слушали.

Е.Г.: *Как застолья проходили? Танцевали?*

А.С.: Танцевали. Но мы ведь с 17 лет были уже в казарме. До этого школа, в 20 лет кончилась казарма, началась война. А после войны на домашних праздниках, днях рождения танцевали. Василий подражал отцу: никаких пустых тостов, а о чём-то конкретное слово. Василий ещё любил посмеяться немножко, когда вел застолье, особенно над нерешительностью человека, чтобы не сказать трусостью. Ведь в то время проявлять трусость даже мальчишкам было позором. Василий с детства не терпел слова «боюсь». В играх дети, бывает, говорят: «Боюсь». У Василия этого слова в лексиконе не существовало, оно его выводило из себя. У Василия робости, нерешительности, трусости не было ни в каких ситуациях. Единственное, чего он боялся — огорчить отца, сделать что-то плохо для него. Хотя случалось это у него неоднократно. Отца он почитал за божество. Но не как идола: он понимал его масштаб, его значение.

Талантливейший человек — Василий. К себе относился очень жестоко. Чрезвычайно терпелив был. Даже профессор Очкин, который еще до войны делал ему операцию на аппендицит, ногу позже оперировал, говорил: «До чего же терпелив человек!»

Е.Г.: *Любимые блюда, напитки были у Василия?*

А.С.: Он любил кавказские блюда. Не потому что это вкусно, а потому что — кавказские. Он всё-таки считал себя грузином, хотя грузинского языка не знал, на грузина не был похож, в Грузии бывал мало, но считал себя грузином. Потому и любил музыку грузинскую, ансамбли, пляски.

Е.Г.: *А сам танцевал грузинские танцы?*

А.С.: Нет, я никогда не видел, во всяком случае.

Е.Г.: *Он был заботливым отцом?*

А.С.: Проявлять заботу и внимание у него не всегда получалось. Сначала шла война, затем новая жена появилась. Дети от первого брака остались у него — он тут власть употребил. Екатерина Тимошенко к его детям относилась прохладно. Зато когда появилась Капитолина Георгиевна, дети сразу были обласканы. Жить с Василием было очень нелегко, но она находила силы. Она с собой в дом принесла тепло. Он её очень уважал за терпение, за теплоту, которую она создавала в доме.

Детей он, конечно, любил. Пусть по-своему. Он был строг, иногда раздражителен. Его посадили в тюрьму, когда детки были маленькие. Старший, Саша, родился в октябре 1941-го, а Василия посадили в апреле 1953-го. Увидели они его уже в 1961 году, через восемь лет. Его как-то отпускали и снова посадили. Полное беззаконие: он приговорен был с направлением в лагерь, а держали-то его в тюрьме. Лагерь хоть какая-то воля. А тюрьма — клетка, там под контролем полностью, жёстче всё. Он — очень деятельный человек, с кипучей энергией, любящий любой труд, и ему особенно было мучительно сидеть в клетке.

Выпустив, сразу сослали в Казань. В Казани поселили на 5-м этаже в доме без лифта. А у него ноги были больные: ранение и сосуды очень плохие. Его после тюрьмы осмотрел

Александр Николаевич Бакулев и даже заплакал: «Васька, до чего тебя довели».

Е.Г.: *Письма Вам писал?*

А.С.: Нет. Оттуда он писал Хрущёву, Молотову только относительно своего положения. Не писал мне. Думаю, заботясь о возможных адресатах, понимая, что письмо его может быть какой-то компрометацией. Он был человеком благородным, предусмотрительным и осмотрительным, но только не по отношению к себе.

Е.Г.: *А почему Василий взял фамилию Сталин? Это псевдоним, а фамилия Джугашвили...*

А.С.: А нет! Это была уже фамилия официальная — Сталин. И Василий при рождении был записан отцом как Сталин.

Е.Г.: *А Света?*

А.С.: Она заменила фамилию после смерти Сталина. Василий не одобрял. Василия вынуждали сменить, но он был непреклонен! Как ему потом замену сделали, даже не знаю. Думаю, в Казани дали паспорт с измененной фамилией. Для него это был удар и оскорбление, потому что он почитал отца более всего на свете! И, конечно, никогда бы не дал своего согласия на смену фамилии. Не потому, что славная, а потому, что это фамилия его отца. Он получил её при рождении, так записал его отец. В этом отношении он был человеком принципиальным, даже жестко принципиальным. И вообще

был благородным человеком. И то, что на него сейчас льют грязь, — это недостойная ложь!

Е.Г.: *Светлана приходила к вам в гости?*

А.С.: Да, частенько. К матери моей приходила и домой, и, сюда, на дачу, приходила с дочкой Катей, что-то рассказывала. Ей тоже надо было кому-то излить душу. Она сторонилась того общества, «элитного», так сказать, и была очень одиноким человеком.

Е.Г.: *Кстати, а как вы оцениваете книгу Светланы «20 писем к другу»?*

А.С.: Мне Светлана показывала, как она писала эту книжку. Я её не читал тогда, она просто показывала: вот, мол, лежит у меня (листочки лежали) , сижу и кропаю. Это в Жуковке происходило, где домик у нее был — дача казенная.

Когда я книжку прочитал, подумал: там ей кто-то кое-что изменил и добавил, не соответствующее тому, что она когда-то говорила. Потому что те характеристики, которые там даны некоторым людям — это не её данные характеристики. Книжка, на мой взгляд, дополненная.

Например, там черт знает, какие пакости о Власике читаешь... А ведь она и воспитывалась, собственно, под его опекой. Чуть что нужно — всегда к Власику. И отношение к нему у нее было как к такому попечителю. Плохо пишет и об Александре Николаевне Накашидзе. А это фактически была её старшая подруга в доме, она Светлану выводила в свет. Она после Каролины Васильевны Тиль стала домоправительницей.

А потом вышла замуж, кажется, за министра легкой промышленности Грузии, и уехала. Сталин Светлану бесконечно любил. Называл её «маленькая хозяйка», был очень ласков с ней. И Вася даже ревновал.

Сам Василий прожил трагическую жизнь, и похоронили его не по-людски. Причина смерти не совсем ясна. Посмотреть на него ни жене, ни дочери толком не дали. Дочь говорила, что на теле заметила какие-то следы. Жена хотела китель поправить, так её отогнали. И быстренько похоронили в Казани. Слава Богу, перезахоронили много позже на Троекуровском кладбище в Москве. Но даже не под своей фамилией, которую носил всю жизнь — Сталин, а под прошлой фамилией отца — Джугашвили.

Сталин и некоторые вопросы строительства

Иосиф Виссарионович Сталин был великим организатором. Этого не могут отрицать даже его враги: мощное строительство, небывалое развитие искусства и культуры, науки, основание научных школ, механизация сельского хозяйства... Велись ли дома разговоры об этих государственных делах, обсуждались ли вопросы строительства, например? На эту тему мы ведем разговор с Артемом Федоровичем.

Е.Г.: *Ездил ли Сталин по Москве, осматривая ведущееся мощное строительство? Говорят о сталинском стиле в архитектуре. А формировал ли он его?*

А.С.: Да, постоянно ездил осматривать стройки. И когда мы с ним ехали в машине, он показывал на появляющиеся здания, комментировал, рассказывал. Или говорил, что должно быть там или здесь построено. Я помню его разговор в машине с Лазарем Моисеевичем Кагановичем. Это был 1935 год. Каганович был первым секретарем Московского комитета партии. Речь шла о Дворце Советов, который планировался на месте Храма Христа Спасителя. Они говорили, какие здания должны быть убраны с Волхонки. От площади Дзержинского, то есть, с Лубянки, должен был идти проспект ко Дворцу.

Е.Г.: *А как Сталин относился к Москве как к городу?*

А.С.: Он считал, что Москва должна сохраниться в её стиле. Кое-кто предлагал все снести и заново построить, кто-то желал на новом месте столицу строить. А Сталин говорил, что надо обновить, почистить, и чтобы она сохранила свой характер и замысел, идею её градостроительства. Ведь центр Москвы — это колокольня Ивана Великого, потом шатровые церкви, дороги кольцевые. А когда стали строить высокие дома, то и колокольня потерялась, и церкви были закрыты домами. Сталин хотел в центре поставить Дворец Советов, чтобы он возвышался над зданиями, как в свое время колокольня Ивана Великого, построить высотные здания наподобие шатровых церквей, то есть поднять Москву. Кольца оставались: и А — Бульварное кольцо, и Б — Садовое кольцо, по которым ходили трамваи «А» — «Аннушка» и «Б», который то «бьякой» называли, то «бабушкой».

Ну и помню его разговор относительно конкретного дома. Это было 17 мая 1937 года. Дом стоит напротив Киевского вокзала с другой стороны, на Дорогомиловской улице: 5-этажный стилобат, а центральная часть — 8-этажная. Шел разговор о сроках строительства. Сталин сказал: «Думаю, что три года и три недели достаточно, чтобы выстроить такой дом». И дом был в эти сроки построен и заселен. А строители говорили, что нужно больше времени на это строительство. Дом был долгостроем. Кстати, туда вселился и мой соученик по 10-му классу спецшколы.

Е.Г.: *Вы говорили, что для него авторитетом в архитектуре был Жолтовский. От кого вы этого слышали?*

А.С.: От людей в доме слышал, когда шел какой-то разговор и ссылались на мнение Жолтовского, Щусева, Щуко, Иофана и на мнение Сталина об их суждениях. И сам Сталин называл эти имена, если шел разговор о строительстве или проектировании зданий. Но свидетелем тому, чтобы именно они — Сталин и Жолтовский — разговаривали друг с другом, я не был.

Е.Г.: *Сталин был аскетом, но высотные дома не только удобны, но и красивы, в фойе некоторая даже и роскошь. В сталинских домах высокие потолки, большие кухни.*

А.С.: В этом стиле — сочетание классики и модерна. Классика и конструктивизм, некоторое обновление согласно новым технологиям того, что уже было создано в истории. Аскетом он был сам, но о благосостоянии людей думал постоянно и работал над этим.

Е.Г.: *В его библиотеке были альбомы по архитектуре?*

А.С.: Не помню. Хорошие альбомы живописи русской классики были, это да, это помню. Мы рассматривали их.

Е.Г.: *Для того, чтобы вести такое строительство, нужны кирпичные, цементные заводы.*

А.С.: Конечно. И они строились. Возьмите Одинцово: это фактически поселок из нескольких кирпичных заводов. Там есть несколько озер — это как раз места выемки глины. В

правление Хрущева это все было закрыто. Хрущев говорил, кто за кирпич и против железобетона — тот мой враг. Кирпичники — мои враги. При нем ликвидировали кирпичные заводы. После него оказалось, что кирпич в промышленных масштабах негде делать.

Е.Г.: *Был ли Сталин формалистом, буквоедом?*

А.С.: В некоторых вопросах, конечно, он был педантичен, точен. Совершенно четко требовал исполнения и следил за выполнением принятых решений. Но не был формалистом ради самой формальности. Это можно продемонстрировать на таких примерах.

Мне рассказывал маршал артиллерии Николай Дмитриевич Яковлев, дело было в 1942 году. Яковлев тогда еще недостаточно знал характер Сталина. Когда Яковлев пришел к нему по вызову, Сталин сразу сунул ему бумагу и сказал: «Это что такое?»

Яковлев прочитал. А это жалоба какого-то начальника, что формируемой кавалерийской дивизии выданы шашки, на эфесе которых выгравировано «За Веру, Царя и Отечество». Яковлев воспринял это как серьезный упрек и стал докладывать: ошиблись, не успели, у нас шашки не производятся, и мы пользуемся запасами еще царского времени, но когда мы выдаем формируемым дивизиям эти шашки, стираем эту надпись, ну а здесь пропустили — виноват.

Тогда Сталин спрашивает: «А шашкой с такой надписью немцу голову срубить можно?» Яковлев отвечает, мол, можно, конечно. Сталин: «Тогда дай им Бог и за веру, и за царя, и за

отечество. А дурака этого, что жалуется — чтобы в Москве больше не было». И еще сказал, мол, с такими формалистами будьте осторожны: они — опасные люди.

Еще один специалист написал Сталину, что Яковлев игнорирует производство химических боеприпасов в то время, когда это очень важно. Яковлев Сталину доложил: «У нас достаточно химических боеприпасов. Сейчас химия не применяется, у нас есть запас. Если потребуется, мы можем возобновить это производство. А сейчас нам нужны осколочно-фугасные снаряды». На что Сталин сказал: «Наверное, этих любителей химии надо отправить начальниками химических складов. Пусть нюхают химию, сколько хотят, чтобы мало не казалось».

Или возьмите пример с разгрузкой сахара в Мурманске. Начальником порта во время войны там был Папанин, и вот пришел корабль, груженный сахаром, необходимо быстро разгрузить, пока не налетели немецкие самолеты и не разбомбили, а людей для разгрузки нет. И Папанин распорядился каждому, кто будет работать на разгрузке, выдать мешок сахара. Ну, разгрузили. Сталину докладывают о таком самоуправстве Папанина, разбазаривании им продуктов, и требуют для него серьезного наказания. Сталин спрашивает: «Кто съел этот сахар?» (То есть выданный Папаниным.) Там замялись. Как кто? «Ну, кто его съел? — опять Сталин спрашивает. — Люди?» Ему, мол, да, конечно, люди. А он: «А вы бы хотели, чтобы рыбы съели?» И разговор был окончен.

Сталин и Надежда Сергеевна

Ведется много разговоров о взаимоотношениях Иосифа Виссарионовича Сталина и его жены Надежды Сергеевны. Рассуждают и говорят об этом люди, которые ни разу в жизни не видели ни того, ни другого в кругу семьи и об отношениях их как супругов (а именно это больше всего и интересует нынешних «исследователей») не могут знать в принципе. В очередной беседе с Артемом Федоровичем мы затрагиваем и эту тему.

Е.Г.: Каковы были отношения в семье, как бы вы охарактеризовали взаимоотношения Сталина с женой?

А.С.: Мы были детьми и не все могли понять, но нам казалось, что относился он к ней очень хорошо: никаких повышенных тонов, споров, пререканий. Мы чувствовали, что это были отношения людей, которые очень близки, людей, понимающих друг друга. По воспоминаниям и отзывам моей матери, знавшей их хорошо, дружившей с Надеждой Сергеевной, Сталин её безумно любил! Она его тоже очень сильно любила. Её смерть стала для него сильнейшим ударом. После её смерти он жил вдовцом, и домашнего очага, семейного дома как такового не было, были казенные квартиры.

Е.Г.: Какой вам запомнилась Надежда Сергеевна?

А.С.: До сих пор считаю, что это самая красивая, самая элегантная женщина, каких я видел и знал. Но она не была

фотогеничной, и фотографии не передают её красоты. В жизни деле она была несравненно красивее.

Мы о Надежде Сергеевне много говорили с моей матерью, и она отмечала, что Надя и Сталин были людьми очень разными. Он был человеком широкой натуры. Любил находиться среди людей, любил шутку, юмор и, как кавказец, любил застольные компании, любил посмеяться, иногда и крепкого слова не гнушался.

Однако все у него было подчинено делу, работе. В быту, пище, одежде был большим аскетом. Не терпел роскоши, украшательства и заграничных вещей. Он всегда работал. Даже находясь на отдыхе на даче или на юге, он все равно работал.

Надежда Сергеевна была другой. Может, влияли немецкие корни её матери — Ольги Евгеньевны. Видимо, отсюда — педантичность, некоторая сухость, строгость и постоянная собранность. У нее все было расписано по времени и по местам.

К Васе и даже к Светлане она была строга, предписывала им определенный режим дня. С обслугой была более официальна, чем муж, однако очень корректна и даже деликатна.

Е.Г.: Кто больше занимался воспитанием детей: Сталин или Надежда Сергеевна?

АС: Конечно, Надежда Сергеевна. Она не была домохозяйкой, училась, работала, но времени у нее для занятий с детьми оставалось всё-таки больше. Но если Сталин

приходил домой пораньше, пока дети не спали, он обязательно с нами занимался. Надо сказать, что Надежда Сергеевна была строже и требовательнее. Сталин часто действовал методом убеждения. А она сказала — надо выполнять.

У моей матери осталось много писем и телеграмм от Надежды Сергеевны. Они относились, главным образом, ко времени, когда Надежда Сергеевна и Сталин или мать уезжали из Москвы, когда Вася оставался у нас или я был у них. Письма и телеграммы, как правило, коротки, четки и конкретны. Вообще, она была очень пунктуальна во всем, аккуратна и обязательна. Ну и в работе, когда они занимались нашим детским домом, она всегда была деловита, точна.

Когда Надежда Сергеевна еще работала в Секретариате Ленина, «старики» вспоминали об этих её качествах. В послевоенное время Елена Дмитриевна Стасова об этом вспоминала. А уж она-то была «абсолют». Её организованность и требовательность были беспредельны. Потому её похвала дорогого стоила.

За домашним хозяйством Надежда Сергеевна наблюдала зорко, но, главным образом, за тем, чтобы не было излишеств в расходе казенных средств. Своих личных средств было совсем немного. Тогда существовал жесткий и очень ограниченный «партмаксимум». Ведь подхалимы и нечестные люди, пусть в меньшем количестве, чем теперь, но все равно были. Да и наверняка имелись недруги, которым нужна была компрометация Сталина.

Сама Надежда Сергеевна была очень скромна, даже аскетична. Парфюмерии практически не употребляла. Лишь

чуть-чуть — духи или одеколон. Не пудрилась, не красилась. Причесывалась просто, всегда одинаково: на прямой пробор, сзади с пучком. И никаких украшений: бус, сережек, колец, перстней, ожерелий — никаких.

Одевалась строго, просто. Как правило, темно-синяя юбка, такая же жакетка, белая блузка, черные туфли-лодочки, пальто темное, строгое, с небольшим меховым воротничком. Шляпа строгая, простая, в виде чалмы, или черный берет.

Никакого обширного гардероба у нее не было, все в одном небольшом платяном шкафу, и никаких шкатулочек с драгоценностями. Она прекрасно держалась, всегда была собрана, никогда не распускалась, не ныла, не жаловалась, а если ей было тяжело или даже неважно, то не показывала вида. Она была сильным, очень деятельным, абсолютно честным, бескорыстным, лишенным меркантильности, верным, и при этом довольно скрытным и чуть-чуть суховатым человеком. В общем, не было в ней большой женской теплоты.

В 16 лет она вышла замуж и разделила с мужем все тяготы и успехи работы и борьбы. Четыре года революции и гражданской войны, которых она была не просто свидетелем, но непосредственным участником. Шла борьба не на жизнь, а на смерть: с Троцким, троцкизмом, с левой и правой оппозицией; индустриализация, коллективизация — все это не обходило её стороной. Она всегда находилась в гуще событий. Много решалось при ней, в её доме, в её квартире.

У революции и Советской власти всегда было много недругов. Они вели борьбу на всех возможных для них

фронтах и во всех формах, в том числе не гнушались и нанесением персональных ударов. Надежду Сергеевну и её старшего брата Павла в свое время исключили из партии якобы «за пассивность». Да, в то время Надежда Сергеевна не занимала официальной должности, не состояла на службе. Но она была помощницей Сталина не только в быту, не только создавала ему условия для работы, но в значительной мере вела секретарскую работу. А тут еще дети, они тоже требовали немало времени. Кроме того, нередко прямо на квартире собирались члены Политбюро, секретари ЦК, наркомы. Заседания шли долго, за полночь, а зачастую до утра. Надо было организовать ужин, а то и обед. В те времена при тех условиях это было тоже не просто. При этом официальных должностей она не занимала, не числилась «работающим» членом партии. А Павел вообще очень много и активно работал.

Но нашлись «особо принципиальные партейцы», они исключили Надежду Сергеевну из партии «за пассивность», за то, что «не вела активной партийной работы», а была якобы только женой своего мужа. На Сталина это произвело очень тяжелое впечатление. Он, естественно, видел, что дело тут было не в «партийной принципиальности» дураков, а во внутрипартийной борьбе.

В дело вмешался Ленин. Он написал письмо-характеристику Надежде Сергеевне. Самую лучшую характеристику. Ленин хорошо её знал, она работала в его секретариате.

Её восстановили, но факт остается фактом. Это борьба — классовая, внутрипартийная борьба, а не простой идиотизм. Это один, может, просто яркий пример. А сколько мелких уколов, подбрасываемых сплетен; и жестокой, жесткой, принципиальной внутрипартийной борьбы.

Может быть, и из-за такой напряженной работы усиливались приступы головной боли. Последние пару лет Надежда Сергеевна училась в Промышленной Академии. При её добросовестности, трудолюбии и большой общей нагрузке это могло усугубить головные боли, которые её изнурили и, в конечном счете, могли довести до отчаяния.

Появилось много версий, сплетен, домыслов и заказных «причин», как то: грубость мужа, домашние раздоры и последнее оскорбление: «Ну, ты!»! Все это надумано. Возможно, и случались какие-то мелкие неурядицы, почти неизбежные в каждой семье, но не они определяли семейный климат.

Сталин после трагедии очень изменился. Стал менее веселым, а когда смеялся, то казалось, будто что-то в нем сидит и давит изнутри. Раньше он смеялся чаще и более открыто, шутил от всей души, свободно, а не так, словно что-то его удерживает. Часто и неожиданно мрачнел.

Смерть Надежды Сергеевны была для Сталина страшным, непоправимым ударом. Он, по мнению моей матери, давно его знавшей и много наблюдавшей, изменился, стал менее открыт, более замкнут. После смерти Надежды Сергеевны мать реже видела Сталина, но произошедшая с ним перемена все же бросилась ей в глаза. Сталин остался один. Одиночество и

духовное, и семейное не могло не оставить отпечатка в его душе. Сталин ведь не только великий вождь великого народа, глава великого государства, ведь он еще и Человек.

Е.Г.: О Сталине существует много мифов. Разные разговоры велись о его происхождении, что — сын Пржевальского, например.

А.С.: Еще были разговоры, что Сталин — сын виноторговца Игнатошвили. Но в Гори сделали хорошую вещь: повесили две фотографии — Виссарион Иванович Джугашвили и Василий Иосифович Джугашвили. Как две капли воды. А почему Игнатошвили привязали? Потому что мать Сталина ходила к виноторговцу Игнатошвили стирать белье как прачка. А сын этого Игнатошвили стал генералом НКВД, начальником хозяйственного управления. Вот и увязали.

Е.Г.: Такие разговоры — оскорбление матери.

А.С.: Безусловно! Это безобразие. Подобные домыслы — явно за гранью приличия. А сколько безобразного творится сегодня? Сколько грязи льют на Василия! Недавно прочитал я в одной из газет, мол, закончилось какое-то мероприятие в любимом духе Сталина — потребовал, чтобы сдернули скатерть с накрытой посудой и недоеденной едой на пол и ползли бы... Такого быть просто не могло! При его-то аккуратности, чтобы сдернуть что-то? И я даже написал свои воспоминания об аккуратности Сталина на конкретных примерах.

Е.Г.: *Как Сталин относился к Хрущеву?*

А.С.: Шельменко-денщик. Так он его называл.

Е.Г.: *Непонятно, почему тогда приблизил.*

А.С.: Знаете, был непростой момент. А Хрущев — чрезвычайно энергичный исполнительный человек. Он испытывал, как говорят, животный страх перед Сталиным и выполнял те указания, что были даны, беспрекословно, так, как написано в уставе внутренней службы. Готов был расшибить лоб, исполняя эти приказы. Что случилось? Жданова не стало. А в политбюро стоял вопрос — на чьей стороне большинство. Говорят: ах, Сталин диктатор! Нет, все вопросы решались голосованием, и делом Сталина было создать большинство себе. И он знал, что Хрущев при всех условиях будет за него голосовать. И так, не стало Жданова. Сумели убрать Кузнецова, которого высоко ценил Сталин, сумели убрать Вознесенского.

Лишившись своих верных сторонников, Сталин оказался в меньшинстве. И ему срочно нужно было формировать большинство в Секретариате, в Президиуме и Политбюро, в Центральном комитете. И тогда взят был Хрущев при всех его известных недостатках. Потому что, будучи хорошим исполнителем, он мог выполнять приказы и задания.

Победа

Е.Г.: *Артем Федорович, где вас застал День Победы?*

А.С.: Наша бригада участвовала в заключительной наступательной Пражской операции: из Южной Германии на Прагу. О капитуляции Германии узнал в ночь на 9 мая от наших солдат-радистов, которые слышали эту новость первыми сначала друг от друга, потом связались с радистами штаба корпуса, те — с радистами штаба артиллерии армии, а они уже от фронтовых узнали, что о капитуляции объявила Москва. Но война окончилась в Берлине, а мы буквально рвались в бой, шли дальше на Прагу. Утром 9 мая мы вошли в Прагу а там было ликование: ведь так скоро нас никто не ждал, думали, что первыми войдут американцы. Нам пришлось идти дальше, вперед через Прагу, потому что группа армии «Центр» фельдмаршала Шернера уходила в сторону американцев. Мы должны были её перехватить, поэтому были организованы преследование, шли бои. А через три дня, 12 мая, и для нас война закончилось. Затем мы вошли в Венгрию, собрали всю бригаду, привели все в необходимый порядок, организовали службу, нужно было не терять боеспособности и бдительности.

Е.Г.: *А Василий Сталин где был в мае 1945-го?*

А.С.: Он был в Германии командиром авиационной дивизии.

Е.Г.: *Как вы считает, ощущал ли Сталин эту победу не только как победу страны и народа, но как и личную?*

А.С.: Не могу за него говорить, что он чувствовал и испытывал, но думаю, что человек, который в течение стольких лет руководит государством, сделал столько для достижения победы, и вот — дело, которому он посвятил жизнь, победило, конечно, не может не испытывать торжества. Но тут надо сослаться на слова Черчилля о Сталине: «И во время отчаянного положения, и во время торжества он был одинаково спокоен».

Сейчас столько визга и писка вокруг мероприятий и мер, которые предпринял Сталин как глава государства и верховный главнокомандующий, чтобы как можно скорее и эффективнее подготовится к войне. Дескать, торговали экспонатами Русского музея, Третьяковки... А ради чего это делали? Что, яхты и футбольные клубы за рубежом на эти деньги покупали, как сейчас, когда все распродают? Деньги тратили на обеспечение обороноспособности. Лучше было бы не обеспечить подготовку к войне, и тогда эти самые экспонаты кому бы достались, для кого их сохранили бы?

Е.Г.: *Сталин Вас поздравлял с Днем победы?*

А.С.: Нет, лично не поздравлял.

Е. Г.: *Был ли Сталин в курсе, что Вы, Василий получали награды?*

А.С.: Он не мог не знать, что Василий получал награды. Но, как я уже выше говорил, Василий так считал: «Пока все мои

ребята не будут награждены, мне ждать награды нечего. Орден мне — своего рода подарок и отцу. А на подарок ожидают отдарок, и отдарок непростой». Потому у Василия наград немного, хотя он воевал, по отзывам всех его боевых товарищей, смело, самым бесстрашным, самым достойным образом.

Е.Г.: А вы как-то пользовались тем, что Вы — Сергеев, окружающие знали, что вы имеете отношение к семье Сталина? Ваши однополчане знали?

А.С.: Нет. Кто-то знал. Светлана нередко приходила к матери моей со своей тетушкой или няней, бывал и её дядя Федор Сергеевич, а обычно, если кто-то из моих солдат, сослуживцев оказывался в Москве — в госпиталь или обратно ехали, за наградами — заезжали к моей матери. Они видели Светлану, Федора Сергеевича, так что догадывались, что к этой семье я отношение имею.

Даже по Академии мои соученики, с которыми учился 6 лет и до сих пор дружу, не знали. А для чего? Была какая-то совершенно нелепая статья в «Правде» году в 1990 Галины Бацановой «Назначить Артема братом Василия Сталина», и мне наши сказали: «Как же так: мы учились, дружим не один десяток лет, и даже не знаем».

Е.Г.: Какое отношение на войне было у бойцов к Сталину? Ведь были и отступления, и потери.

А.С.: Было так: «Раз Сталин есть — значит, мы победим. Если Сталин в Москве — значит, немцам Москву не взять, если Сталин верховный главнокомандующий — значит, немцам нас не победить». Когда складывалось очень тяжелое положение, говорили: «Сталин знает, что делает и знает, что нужно делать». У подавляющего большинства было к нему безграничное доверие и уважение.

Е.Г.: *В знаменитом послевоенном тосте «За русский народ» Сталин говорил, что другой народ сказал бы, что мы не хотим такого правительства. Ощущал ли он свою ответственность за неудачи?*

А.С.: Тут дело такое. Когда мы были в немецком тылу в начале войны, в 1941-м, то кое-кто так высказывался: «Вот, говорили "и на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью могучим ударом", а что на самом деле?» Но большинство солдат страшно злились на эти слова и буквально угрожали тем, кто такие вещи пытался говорить. А иногда и били за это.

Не знаю, что Сталин думал, могу лишь предположить. В любом случае, если ты терпишь какой-то неуспех, то чувствуешь свою ответственность. Но ведь Сталину удалось мобилизовать страну. Конечно, за счет социалистической системы государства, нашего великого народа, но и за счет его колоссальных личных способностей, умения: трудоспособности, прозорливости, благодаря выдающимся качествам руководителя. Еще и потому, что его слова не расходились с делом. Что он говорил — исполнялось. Если он

обещал — выполнял, никого не обманывал, доверия к себе не поколебал. Он все всегда продумывал до мелочей и мог, ставя задачу, давать конкретные советы, как её выполнить. Это было характерно для него: не только дать задание, но и при необходимости в деталях объяснить, как его лучше выполнить. И знал, что выполнимо, а что — нет.

Возьмите такую важную вещь, как обеспечение секретности приказов и планов. Маршал Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ), рассказывал, как было поставлено дело. Вот идет работа, ведется какое-то обсуждение. Тут же за загородками, не на виду, сидят секретари, которые по тону понимают, что является элементом дискуссии, а что — элементом оперативной директивы, и параллельно работают над оформлением документа, и в конце работы он уже готов. Сталину подавали готовый документ, он брал карандаш, делал необходимые пометки, исправления, писал расчет рассылки. Этот документ размножался в необходимом количестве экземпляров. А исполнители, участвовавшие в обсуждении, расходились по своим рабочим местам. Яковлев вспоминает, что приезжает на рабочее место после этого обсуждения, а его уже офицер безопасности ждет с готовым документом — очень оперативно действовала фельдъегерская служба. Предъявлял офицер эту бумагу, исполнитель работал с ней, делал нужные выписки, а офицер, доставивший документ, глаз с этой бумаги не спускал. Когда человек отработал документ, доставивший его забирал и отвозил обратно — сам документ возвращался и на руках у исполнителя не оставался. Не было возможности

снять копию. Таким образом, строжайше соблюдался режим секретности, что в условиях войны очень важно.

После войны я со Сталиным тесно не общался. Видел издали, дома бывал не раз, но там находились и другие люди, поэтому больших личных бесед с ним не было.

Е.Г.: Вводились тогда новые ордена, ввели погоны, снимались исторические фильмы на патриотические темы. Это играло роль для повышения боеспособности? Понимал ли Сталин, что для победы важен дух народа?

А.С.: Сталин все делал последовательно и своевременно — именно тогда, когда этому способствовали обстоятельства или требовала обстановка. И не раньше. Введены персональные воинские звания в 1935 году, в 1940 году — генеральские звания, потом учреждена гвардия, погоны как знаки различия.

Думаю, Сталин не только прекрасно понимал роль и значение искусства в формировании боеспособного духа, но и фактически заказывал соответствующие фильмы. И предвоенные, и военные картины производили колоссальное впечатление. И сам я испытывал эти чувства, и был свидетелем, как они действовали на бойцов.

Е.Г.: А в атаку и правда шли с кличем «За Родину, за Сталина!»?

А.С.: Там такая вещь: во время атаки стоит один мат или крик — угрозы в адрес врага, ярость. Но перед атакой, перед боем или после, да, такие разговоры совершенно искренние были. Однажды, после очень тяжелого артиллерийского боя я

послал трехлитровую бутылку на орудие, солдаты которого особо отличились. На бутылки Женя Ганнушкин, тогда артиллерист-разведчик, а впоследствии известный художник книжной графики, нарисовал и написал: «За отличную стрельбу от командира полка». А солдаты уже пустую тару прислали, приладив другую наклейку с надписью: «Наш уважаемый командир! Мы за Сталина и против Гитлера готовы в огонь и в воду и в самый Берлин. Мы выполним любой приказ». И всем орудийным расчетом расписались.

Е.Г.: Чувствовали ли вы, солдаты войны, что страна и её руководство едины с вами?

А.С.: Государство было единым военным лагерем: и солдаты войны, и солдаты труда были его бойцами. Мы это чувствовали: тыл все делает, чтобы мы на фронте были всем обеспечены, а в тылу знали, что мы все делаем, чтобы победить. У нас не было сомнений, что с врагом борется вся страна, каждый на своем месте. И мы абсолютно верили своему главнокомандующему, который привел нас всех к великой Победе.

Е.Г.: Сталин знал, как Вы воевали, в каком звании закончили войну?

А.С.: Думаю, он у Василия спрашивал. Он интересовался, как мои дела, да.

Е.Г.: Как вообще Вы отмечали дни Победы?

А.С.: Иногда несколько человек нас собиралось, нередко у Василия дома, его товарищи там были. Специальных праздников не было, застолий особенных. Конечно, пили за победу, за здоровье Сталина, за него как автора победы, за его колоссальный вклад в победу. Ведь такой победы, которую одержала страна под руководством Сталина, в истории не было.

Е.Г.: *Он был удостоен звания генералиссимуса...*

А.С.: Генералиссимусы были, во всяком случае, и помимо Сталина: Шеин, Меншиков при Петре, Франко в Испании, Чан Кай Ши в Китае. Но таких побед никто не одерживал. Не Сталин должен был гордиться чином генералиссимуса, но сам по себе повышался статус этого звания, потому что его носил Сталин.

ПАМЯТИ ДРУГА

15 января 2008 года не стало Артема Федоровича Сергеева. Давний товарищ газеты «Завтра» ушел из жизни. Мы потеряли преданного друга, наша потеря невозполнима, скорбь велика, и мы разделяем горе, постигшее семью, с его родными и близкими.

Артем Федорович (род. 5 марта 1921 года) — человек-легенда. Его отец, революционер Федор Андреевич Сергеев, известный под подпольной кличкой «товарищ Артем», погиб 24 июля 1921 года. Тогда сына друга и соратника стал опекать Иосиф Виссарионович Сталин, в семье которого наравне с собственными детьми вождя воспитывался Артем. С сыном Сталина Василием они всю жизнь были душевными, близкими друзьями.

Артем Федорович не любил превосходных степеней в оценках, был очень скромн и не допускал возвышенных слов в свой адрес. Но о нем нельзя говорить не в превосходных степенях: он был честнейший, порядочнейший человек, великий патриот своей страны, которую защищал не только на фронте, куда ушел 20-летним лейтенантом (война для него началась 26 июня 1941 года и закончилась 12 мая 1945 года), несколько раз он был ранен, в том числе дважды — тяжело, во время войны был награжден семью орденами и шестью медалями, в том числе: орденом Красного Знамени — трижды, орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны I ст. — дважды, орденом Красной Звезды. После войны ему были вручены орден Жукова, орден Красной Звезды, орден

«За мужество» (Республика Украина), и еще 20 различных медалей; знаков: «Шахтерская Слава» I, II, III степени, Почетный работник угольной промышленности. В отставку со службы он ушел в 1981 году в звании генерал-майора артиллерии. Являлся почетным гражданином городов: Рогачев (Белоруссия), Фатеж (Курская обл.), Артемовск (Украина), Артем (Приморье), Ратибуж (Польша).

Вступив в компартию в 1940 году курсантом военного училища, он оставался в её рядах до конца своей достойнейшей жизни, подчеркивал, что никогда не колебался, не сомневался, не метался, не изменял делу, за которое боролся его отец, не предавал целей и идеалов советской власти, коммунизма. Всю жизнь, буквально до последнего дыхания, был не сочувствующим или сторонником, а активным деятелем: он проводил много встреч с людьми, давал интервью, писал статьи. Он в сердце носил глубокую любовь к своему отцу, к Иосифу Виссарионовичу Сталину, к другу Василию и защищал их честь, восстанавливал их доброе имя при любой возможности, не боясь давать резкие оценки хулителям и очернителям, в числе которых были и власть имущие люди. Он был борец, боец, воин, и воистину соответствовал определению «сталинский сокол»: красивый, всегда подтянутый, точный в мыслях и словах, обязательный в делах, человек чести, он покорял всех своим человеческим достоинством и простотой.

Он был большим тружеником и высоким профессионалом в своем воинском ремесле. И любое дело, за которое брался, горело у него в руках. В деревне Жуковка, где еще мама

Артема Федоровича получила участок земли, возле памятника жителям деревни, не вернувшимся с войны, он с солдатами подмосковной части, в которой тогда служил, высадил аллею деревьев — по числу погибших. Этот обихоженный участок — поистине украшение поселка. Своими руками заложил березовую аллею на одной из улиц, а собственный его участок, некогда кусок голой земли, напоминает райский уголок.

Он не мог пройти мимо чужой беды и старался помочь всем, кто в этом нуждался, употребляя свой авторитет не в свое благо, а во благо других. А каким гостеприимным и хлебосольным был дом Сергеевых!

Обладая феноменальной памятью, Артем Федорович мог восстановить почти с документальной точностью события любой степени давности, помнил по именам всех солдат подразделений, которыми командовал, дни их рождений (поздравлял при возможности), факты биографии. Был редким рассказчиком, мастером устного и письменного повествования. Начав писать рассказы еще во время войны, в 2006 году выпустил книгу «Рассказы артиллериста», предисловие к которой написал лауреат Ленинской премии. Герой Социалистического Труда поэт Егор Исаев, высоко оценивший рассказы Сергеева. Артем Федорович был принят в Союз Писателей России.

Общественный резонанс получила книга «Беседы о Сталине», составленная из интервью, данных Артемом Федоровичем газете «Завтра». Работа над интервью, потом над книгой увлекала его, и он несмотря на неважное

самочувствие призывал: «Давайте работать, есть вот еще такая тема, было бы интересно поговорить вот о чём». Он видел свой долг в том, чтобы донести правдивый образ Сталина в кругу семьи, противостоять лжи и наветам ничтожеств, посягавших на образ великого человека.

В последнее время он тяжело болел, испытывал физические страдания, но сетовал лишь на то, что плохое самочувствие не дает ему работать, был уверен в том, что поправится и будет трудиться над воспоминаниями, рассказами... Есть незаменимые люди. Есть невозполнимые утраты. Таким незаменимым человеком был Артем Федорович Сергеев, достойный сын своих отцов: родного — рано погибшего Федора Андреевича Сергеева, и приемного, воспитавшего мальчика достойным человеком и гражданином — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Пусть земля вам будет пухом, дорогой, родной Артем Федорович, наш верный друг и стойкий соратник!

ФОТО

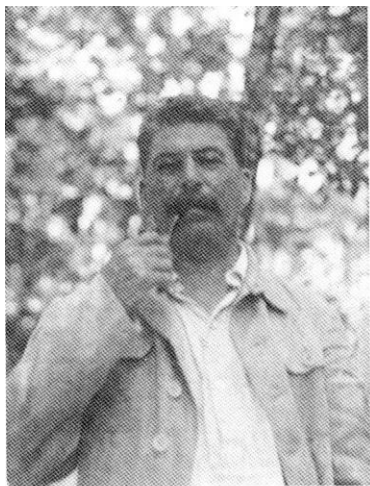
Генерал Артем Сергеев. 1959 г.

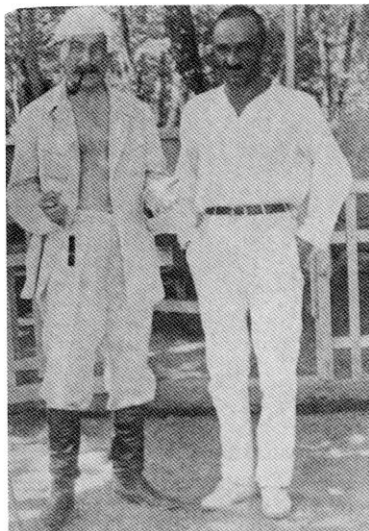
Е.Д. Ворошилова, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин.
1929 г.

К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, Ф.А. Сергеев (Артем).
Москва. 1920 г.

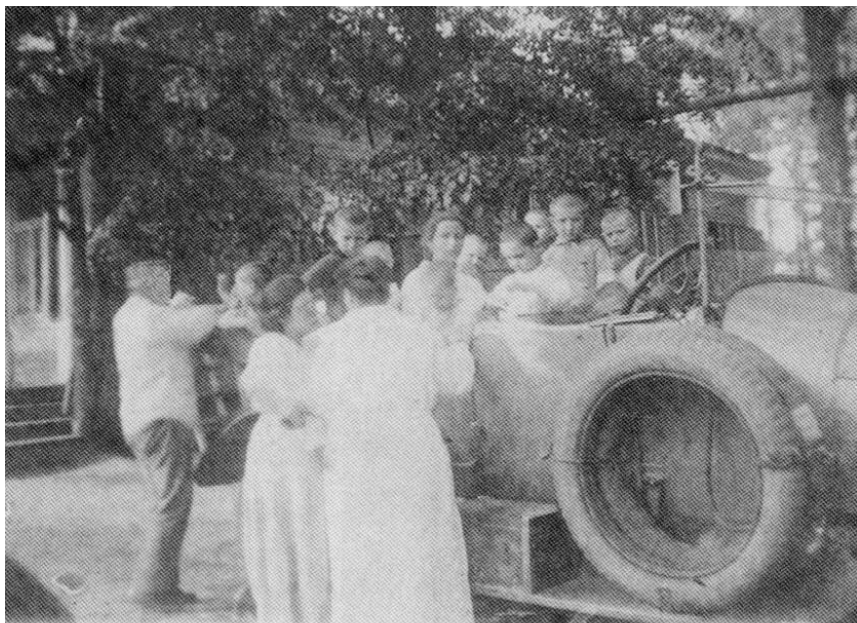
И.В. Сталин. 1933 г.

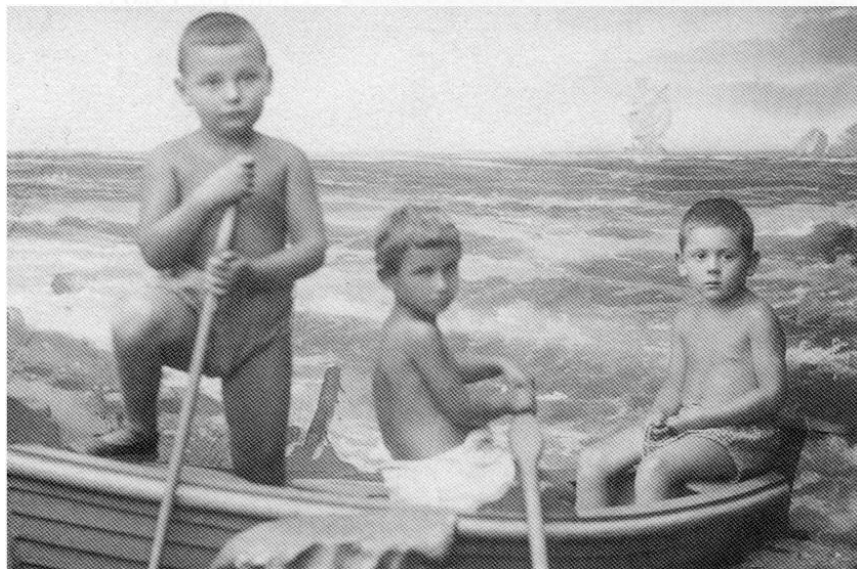
И.В. Сталин, А.И. Микоян.
Сочи. Начало 1930-х гг.

И.В. Сталин, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Е.М. Ярославский,
Г.К. Орджоникидзе на трибуне Мавзолея

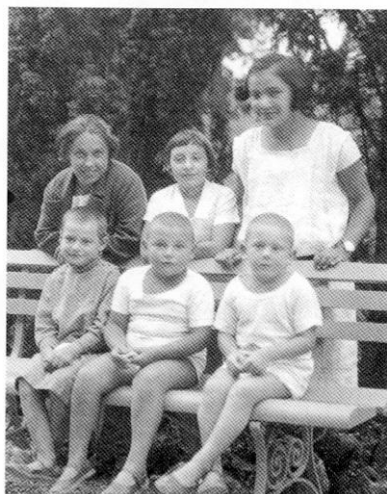

Елизавета Львовна Сергеева, Анна Альбухина с детьми
из детского дома в деревне Дунино. Лето 1926 г.

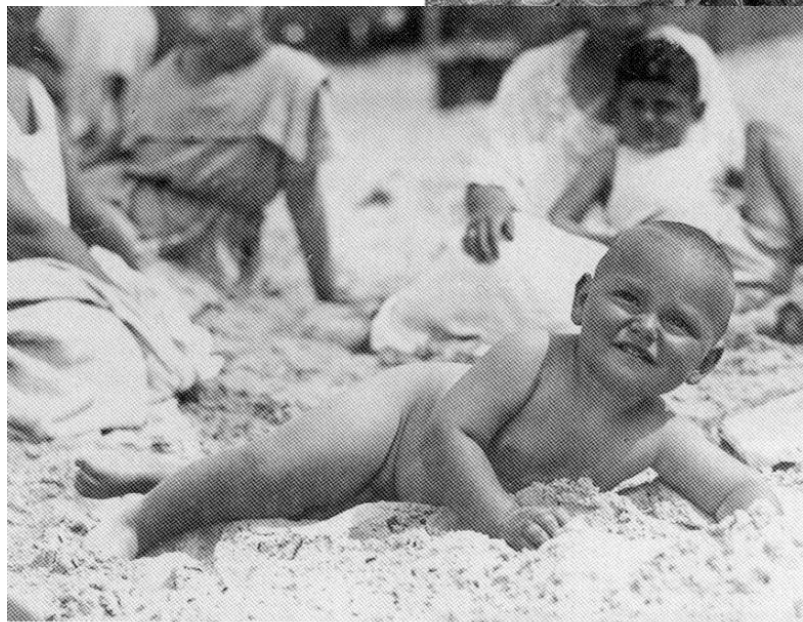

Слева — Артем Сергеев, справа — Вася Сталин.
Крым. Ялта. 1926 г.

Вася Сталин,
Артем Сергеев.
Лето 1925 г.

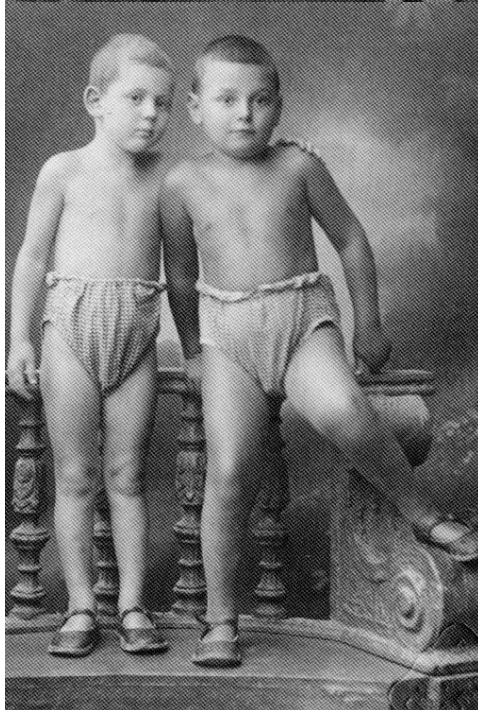
На скамейке в центре — Артем
Сергеев, справа — Вася Сталин.
Крым. Мухалатка. Июль 1926 г.

Артем Сергеев. 1922 г.

Артем Сергеев.
Гостиница
«Националь».
Номер 415.
Балкон.
1930 г.

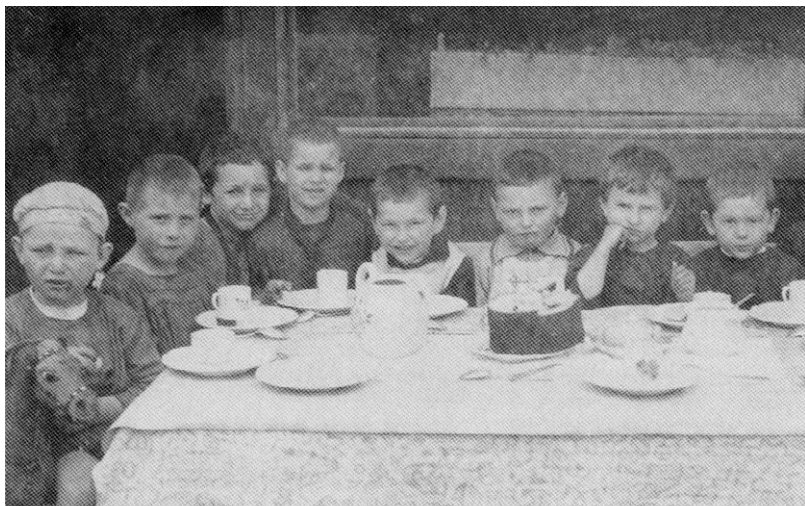
Вася Сталин и Артем
Сергеев. 1926 г.

Слева направо: Петя Лавреев, Митя Карташов, четвертый — Вания Лавреев, пятый — Миша Лавреев, шестой — Артем Сергеев, Александра Лавреева, местная жительница. Деревня Усово Московской обл. 1932 г.

Василий и Светлана Сталины. Дача Зубалово.

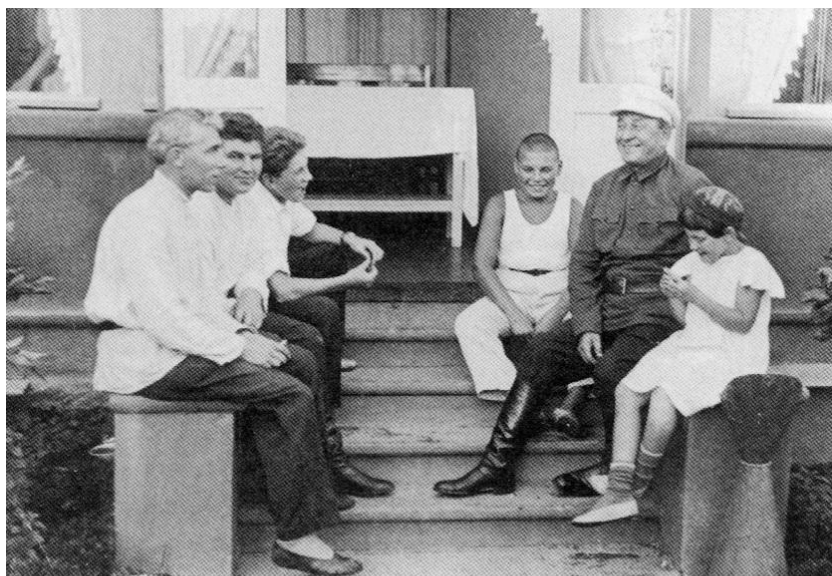

Шестой слева Артем Сергеев, седьмая — Тania Фрунзе,
восьмой — Вася Сталин. Детский дом. Москва,
ул. Малая Никитская, 6. 1926 г.

Вася Сталин. 1929 г.

Вася Сталин.
Дача Зубалово. 1930 г.

Слева направо: С.Ф. Чечулин — сотрудник секретариата, В. Румянцев — сотрудник охраны, Василий Сталин, Артем Сергеев, Н.И. Соловьев — водитель И.В. Сталина, Светлана Сталина. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

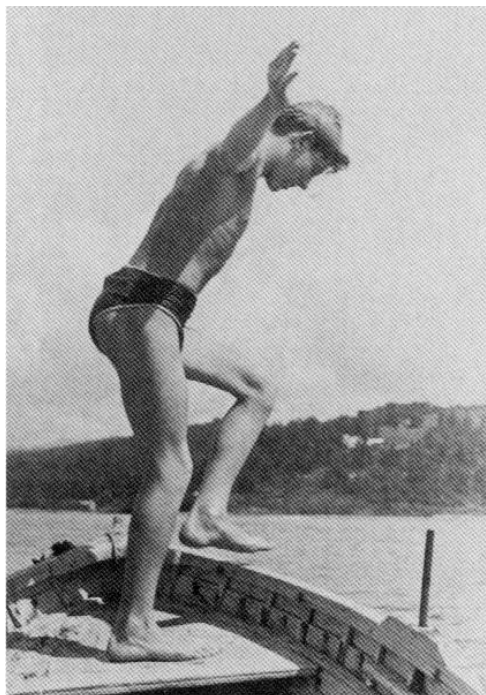
Морской камешек — подарок Василия Сталина Артему Сергееву. 1933 г.

Вася Сталин, Николай Иванович Соловьев — водитель
И.В. Сталина, Светлана Сталина. Сочи. 1934 г.

Самодельный блокнот — подарок Василя Сталина Артему
Сергееву. 1932 г.

Василий Сталин.
Сочи. 1934 г.

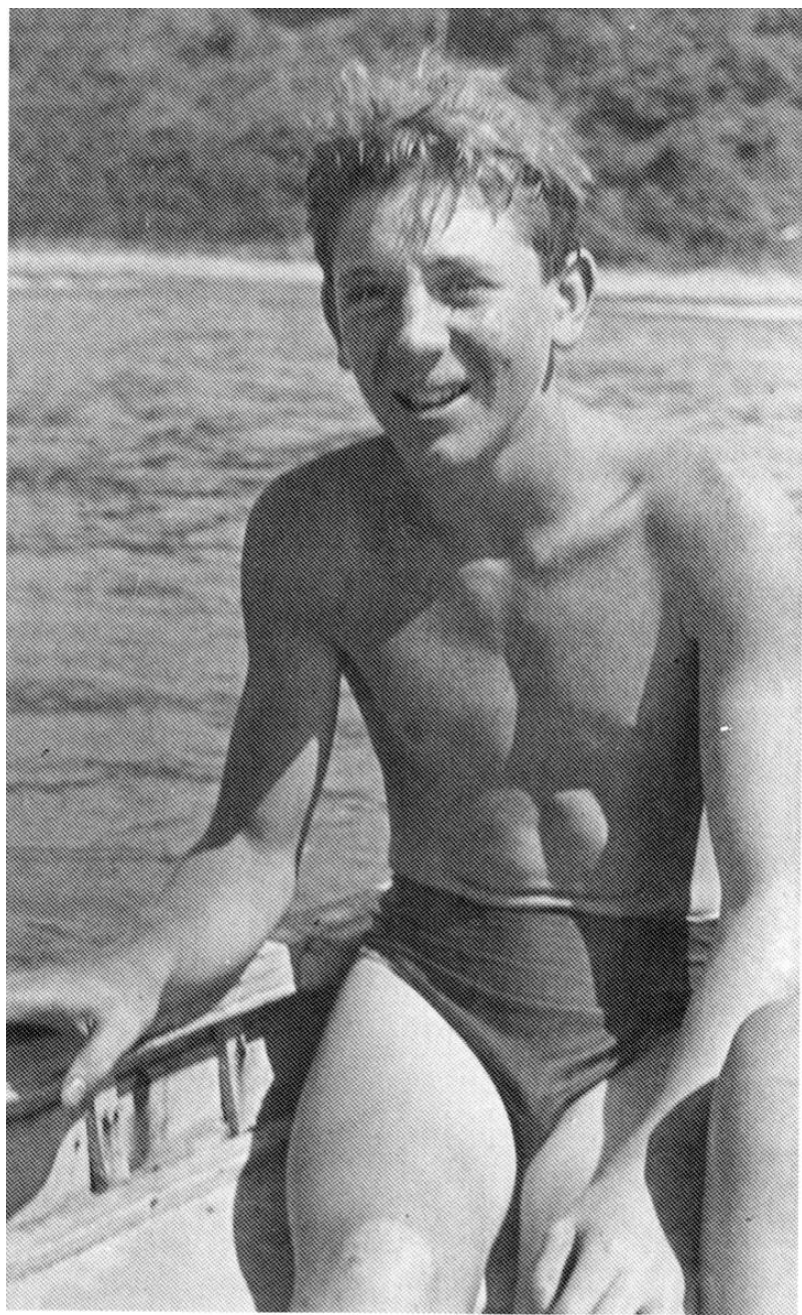
Морской камешек — подарок Василия Сталина Артему
Сергееву. Сочи. 1933 г.

Василий Сталин, Артем Сергеев на борту пограничного катера. Сочи. 1934 г.

Артем Сергеев. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

Василий Сталин. Сочи. 1934 г.

Мария Ивановна
Лозовоцкая.
Жуковка.
Сентябрь 1938 г.

Складной патефон — подарок И.В. Сталина Артему Сергееву
на день рождения 5 марта 1933 г.

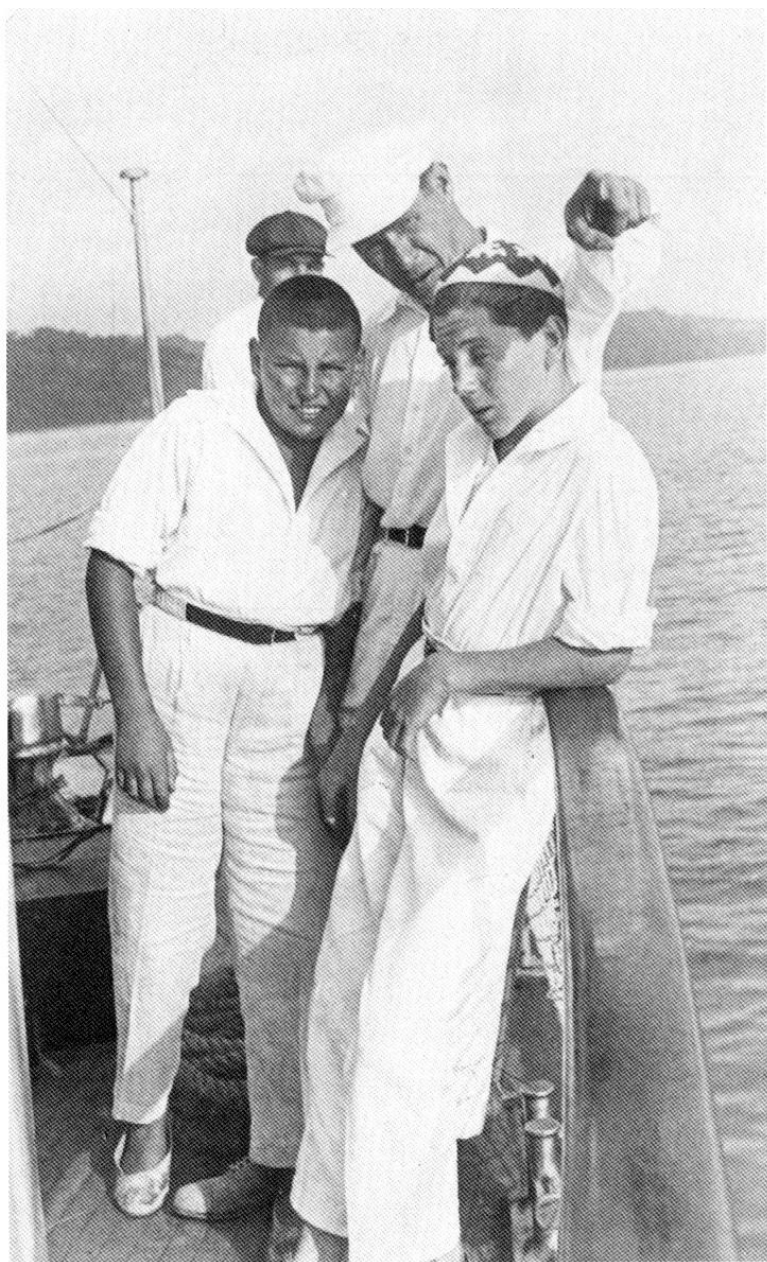
Светлана Сталина. 1937 г.
Внизу видна подпись И.В. Сталина

Светлана Сталина, И.В. Сталин, Ольга Климович — племянница жены С.М. Буденного, С.М. Буденный, Василий Сталин, Артем Сергеев. Сочи. Гос. дача № 9. Август 1934 г.

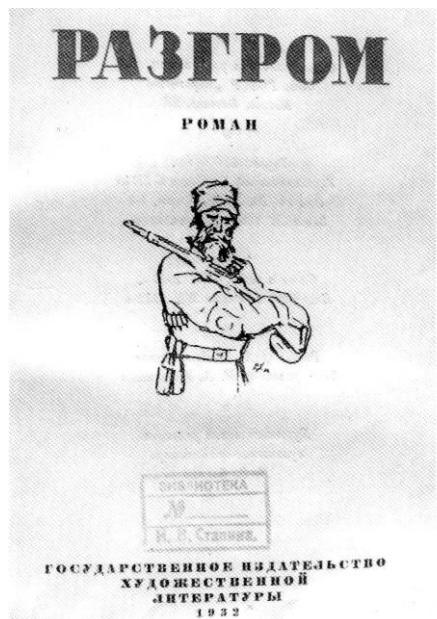

Василий Сталин.
17 сентября 1935 г.

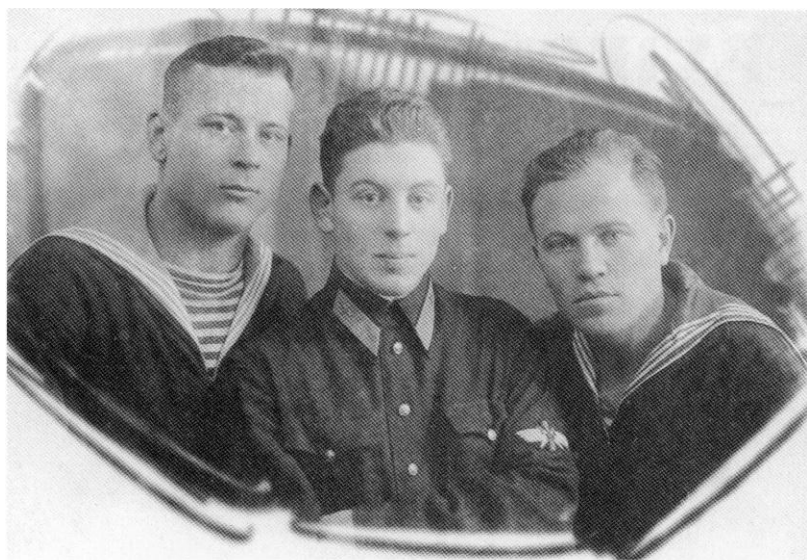

Артем Сергеев, Василий Сталин на борту пограничного катера. Сочи. 1934 г.

Книга из
библиотеки
И.В. Сталина

Курсанты 2-го Ленинградского артиллерийского училища.
Слева командир взвода ст. лейт. Виктор Кузьмин, справа
курсант Артем Сергеев. Ленинград, Октябрь 1938 г.

Курсант Качинской школы летчиков Василий Сталин (в центре)
на комсомольской конференции с моряками.
Севастополь. 1939 г.

На семейный
"Полетный клуб"
Артему с/р Васи.
Р.С. 1939 г.
Дано в не конференция
В.А.К.М. с/р Севастополь
с моряками
Курсант
и Крестом "Молния"
Юрочки Рюрик
и Еремеев.

Подпись к фотогра-
фии (приведенной
выше), подаренной
Артему Сергееву
Василием Сталиным.
1939 г.

Иван Денисов, сын
кучера-экспедитора
совхоза «Горки II»,
служил в полку
Василия Сталина в
звании младший
лейтенант.
Жуковка. 1938 г.

Василий Сталин.
1942 г.

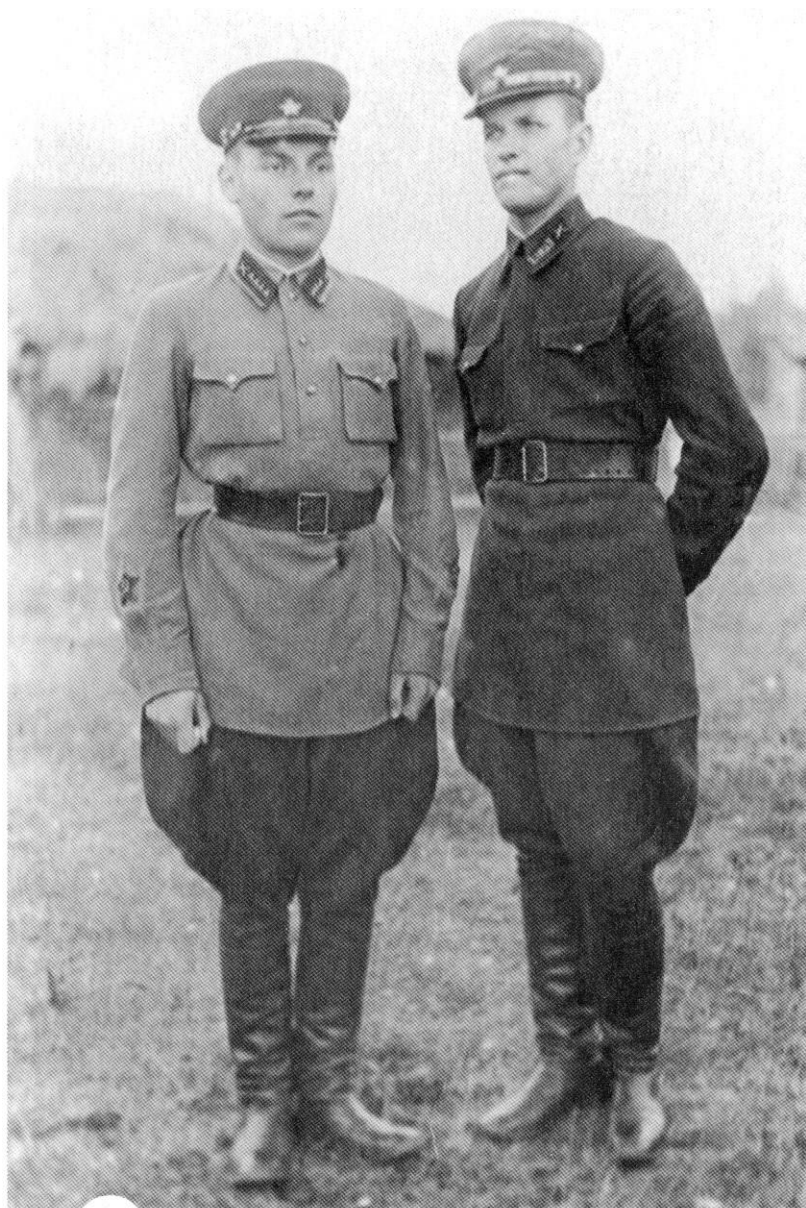
Капитан Артем Сергеев в день вручения ордена
Красного Знамени 18 сентября 1942 г.

Лейтенанты 1-й мотострелковой дивизии Рубен Руис Ибаррури,
Артем Сергеев. Октябрь 1941 г.

Старшина Артем Сергеев.
1939 г.

Старшина Артем Сергеев, курсант Константин Боровов
(погиб на Юго-Западном фронте под г. Тернополем в 1941 г.).
Деревня Жуковка Московской обл. Сентябрь 1939 г.

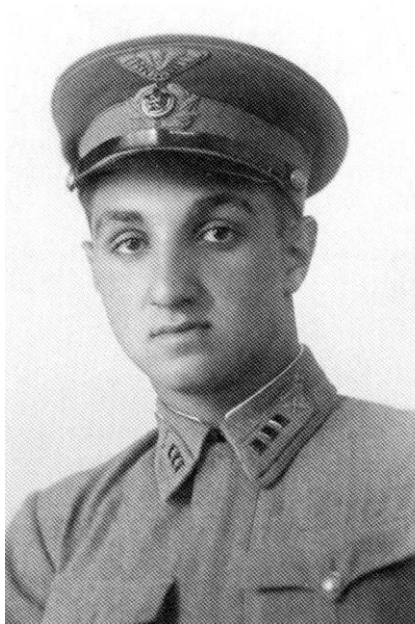

Майор Артем Сергеев, командир 211-го гвардейского артиллерийского полка. Западный фронт. Август 1943 г.

Старший сержант Иван Сазонов, капитан Артем Сергеев, красноармеец Евгений Ганнушкин. Северо-Западный фронт. Около села Рамушево. Апрель 1943 г.

Командир 211-го гвардейского артиллерийского полка майор Артем Сергеев. Северо-Западный фронт. Июнь 1943 г.

Старший лейтенант Володя Микоян. Лето 1942 г. Погиб в воздушном бою в районе Сталинграда 18 сентября 1942 г. Ему было 18 лет.

Майор Добрунов Тихон Михайлович (погиб в 1943 г.), подполковник Чекалов Василий Иванович (скончался в госпитале в 1944 г.), капитан Артем Сергеев. Март 1943 г. Северо-Западный фронт.

В.М. Молотов, В.И. Тевосян, А.Ф. Сергеев.
Дача. Жуковка. 1975 г.

Подполковник А. Сергеев,
командир 554-го артилле-
рийского полка. Белоруc-
ский фронт. Январь 1944 г.

Генерал-майор авиации Василий Сталин. 1948 г.

Майор Артем Сергеев. Северо-Западный фронт.
Апрель 1943 г.

Подполковник Артем Сергеев, командир 211-го гвардейского артиллерийского полка. Под Смоленском. Октябрь 1943 г.

Полковник Артем Сергеев с матерью Елизаветой Львовной.
1954 г.

Артем Сергеев, Екатерина Глушик
**КАК ЖИЛ, РАБОТАЛ И ВОСПИТЫВАЛ ДЕТЕЙ И.В.
СТАЛИН
(СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА)**

Художник И. Горюнов
Корректор С. Ростунова

ISBN 978-5-89747-062-4

Крымский мост-9Д
ООО «НТЦ "ФОРУМ"»

Сдано в набор 10.09.10 г. Подписано в печать 29.11.10 г.
Формат 84x108/32. Печ. л. 8. Печать офсетная. Бумага
офсетная. Вклейка на мелованной бумаге. Тираж 2000 экз.
Заказ № О-1715.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в
типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК

«Идел-Пресс»;

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru